

ISSN 0321-5075 (Print)
ISSN 2782-2389 (Online)

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

ASIA & AFRICA today

2023 № 6

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2023 № 6

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтерина (Нигерия), В.Я. Белокреницкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия), В.А. Мельянцев (Институт стран Азии
и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР), М. Наср аль-Гибали
(Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2023 № 6

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
O.I. Teterin (Moscow, Russia), H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Жилина Л.В. (Омск). Япония: ядерные стрелки сдвинулись?	5
Садовникова Я.О. Диалектика экономических реформ Н.Моди	12
Денисова Т.С., Костелянец С.В. Выборы 2023 года в Нигерии: смена политического руководства	21
Пономарев И.В. Дефиниции с префиксом «нарко-» и реальные проблемы Западной Африки	30
Савичева Е.М., Катеренчук Д.В. Миротворческая миссия <i>UNIFIL</i> : «Голубые каски» на юге Ливана	39
Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А. (Комсомольск-на-Амуре). Цифровая экономика северо-восточных провинций Китая: современные подходы к развитию региона	46
Stephen O. Idahosa, Solomon I. Ikhidero, Blessing C. Egesi (Nigeria). Regional Security and Threat Dynamics: Lake Chad Region in Perspective	54
Хромова Н.Г. Арабские страны Персидского залива как «новые доноры» в мировом хозяйстве	62

Трибуна соискателя

Савина З.С. (Севастополь). Направления внешней политики Германии в странах Африки	70
--	-----------

Рецензии

Крылова Н.Л. Я – думашеда. И я – русская	77
---	-----------

© Российская академия наук, 2023
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2023

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

Тел.: **+7 495-697-95-66**

E-mail: **asaf-today@mail.ru**

Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

- Larisa V. Zhilina.** Japan: Have Nuclear Arrows Moved? **5**
- Yana O. Sadovnikova.** Dialectics of Narendra Modi's Economic Reforms **12**
- Tatyana S. Denisova, Sergey V. Kostelyanets.** Nigeria's 2023 Election: A Change
in Political Leadership **21**
- Iliia V. Ponomarev.** The Definitions with a Prefix 'Narco-', and a Real Conundrum in West Africa **30**
- Elena M. Savicheva, Daniil V. Katerenchuk.** Peacekeeping Mission UNIFIL: "Blue Helmets"
in the South of Lebanon **39**
- Zanna V. Petrunina, Galina A. Shusharina** (Komsomolsk-on-Amur). Digital Economy
of Northeastern Provinces of China: Modern Approaches to Regional Development **46**
- Stephen O. Idahosa, Solomon I. Ikhidero, Blessing C. Egesi** (Nigeria). Regional Security
and Threat Dynamics: Lake Chad Region in Perspective **54**
- Natalia G. Khromova.** The Arab Countries of the Persian Gulf as "New Donors"
in the World Economy **62**

POST-GRADUATE TRIBUNE

- Zoya S. Savina** (Sevastopol). The Trends in German Foreign Policy in African Countries **70**

BOOK REVIEW

- Nataliya L. Krylova.** I am Dumasheda, and I am a Russian **77**
-

© Russian Academy of Sciences, 2023
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2023

The authors opinions may not coincide with position
of the Editorial.

**Included in Russian Science Citation Index on WoS platform,
and EBSCO Publishing.**

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

DOI: 10.31857/S032150750026057-4

Япония: ядерные стрелки сдвинулись?

© Жилина Л.В.^a, 2023

^a Омский государственный университет
им. Ф.М.Достоевского, Омск, Россия

ORCID: 0000-0002-6337 3870; larissa-zhilina@yandex.ru

Резюме. В последнее время, возобновляя дебаты о ядерном оружии, Японии приходится деликатно балансировать, поскольку, будучи единственной страной, пережившей ужасы ядерных атак, она по-прежнему привержена принципам мира без ядерного оружия (три неядерных принципа) и продолжает сталкиваться с призывами от выживших после атомных бомбардировок 1945 г. сделать для этого всё возможное.

Хотя существует несколько факторов, которые могут критически повлиять на антиядерную позицию японской общественности, в данной статье, основанной на результатах опросов общественного мнения 2018–2022 гг. и на исследованиях дискуссий по «ядерным вопросам», основное внимание уделяется общественному мнению, которое складывается в отношении размещения ядерного оружия на территории Японии, и анализируется один, но специфический фактор, который может повлиять на мнение общественности при обсуждении этого вопроса, – социальное давление, оказываемое на граждан в японском обществе.

Ключевые слова: Япония, общественное мнение, опросы, вопрос размещения ядерного оружия

Для цитирования: Жилина Л.В. (Омск). Япония: ядерные стрелки сдвинулись? *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 6. С. 5–11. DOI: 10.31857/S032150750026057-4

Japan: Have Nuclear Arrows Moved?

© Larisa V. Zhilina^a, 2023

^a Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

ORCID: 0000-0002-6337 3870; larissa-zhilina@yandex.ru

Abstract. Lately, when restarting nuclear weapons debate, Japan has to strike a delicate balance since, as the only country to have experienced the horrors of a nuclear attack, it remains committed to leading discussions on bringing about a world without nuclear weapons and continues to face calls from survivors of the 1945 atomic bombings to do more to achieve that.

Although there are several factors that can critically affect the anti-nuclear stance of Japanese public, this paper, based on results of opinion polls 2018–2022 and researches about nuclear issues debates, focuses on Japanese public opinion towards deployment of nuclear weapons in the territory of Japan and analyzing one, but specific factor, which can affect the Japanese public while discussing this issue – social pressure among the Japanese in the society.

Highlighting the importance of social pressure in public opinion toward different issues in both in Japanese society and the online arena, the author makes a conclusion that Japanese people are less likely to succumb to social pressure in matters they consider vital.

Keywords: Japan, public opinion, polls, deployment of nuclear weapons issue

For citation: Zhilina.L.V. (Omsk). Japan: Have Nuclear Arrows Moved? *Asia and Africa today*. 2023. № 6. Pp. 5–11. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750026057-4

ВВЕДЕНИЕ

Как заявила президент журнала «Бюллетень ученых-атомщиков» Рейчел Бронсон, стрелки символических «Часов Судного дня» переведены на 10 секунд ближе к «ядерной полуночи». Это означает, что

до «точки ядерного апокалипсиса» осталось 90 секунд¹. Решение сдвинуть стрелку было принято из-за ситуации вокруг Украины [1]. Последние три года «Часы Судного дня» сохраняли отметку 100 секунд до апокалипсиса. 90 секунд – самый высокий уровень риска для человечества за всю историю существования проекта с 1947 г.

Япония – единственная страна, которая когда-либо подвергалась ядерным атакам. Имея этот тяжелый опыт, страна заняла твердую пацифистскую позицию. Японское правительство стойко придерживалось политики «трех нет»: Япония *НЕ* будет *владеть, производить и допускать* на свою территорию ядерное оружие.

После начала Специальной военной операции (СВО) экс-премьер-министр Синдзо Абэ² предложил Японии обсудить вопрос о размещении американского ядерного оружия, как это делают некоторые страны в Европе. При этом С.Абэ отметил, что «Украина отказалась от ядерного оружия советской эпохи в 1994 г., что, возможно, сегодня сделало её более уязвимой для хищного соседа»³. Однако Абэ не озвучил мысль, что «если бы Япония разместила у себя оружие, то это сняло бы все сомнения относительно её способности сдерживать ядерных агрессоров. Но, он уже тем, что и так сказал очень много, пробил дыру в *сёдзи*⁴». Япония традиционно всегда испытывала ксенофобию, потому что исторически чувствовала себя уязвимой перед вторжением или доминированием со стороны чужаков с превосходящими военными возможностями, технологиями и другими ресурсами [2].

Предыдущие попытки японских политиков поднять эту тему были отвергнуты экспертами по безопасности. Вместе с тем уже в 2023 г. в Японии впервые на уровень парламентских дебатов был вынесен крайне деликатный вопрос, обсуждение которого может быть отдаленным прологом к более конкретной дискуссии о размещении в стране американского ядерного оружия. Поднял тему в бюджетной комиссии нижней палаты парламента бывший министр обороны, депутат от правящей Либерально-демократической партии Сигэру Исиба. Он призвал правительство премьер-министра Фумио Кисиды обсудить с США вопрос о введении двумя странами системы «совместного владения» ядерным оружием, что, по его словам, не нарушает отказ Токио от обладания ядерным оружием⁵.

«ЯДЕРНАЯ АЛЛЕРГИЯ» ИЛИ ПАЦИФИЗМ?

Вопросы безопасности Японии долгое время была в центре интенсивных политических дискуссий и международных отношений, поскольку они сильно влияли на внешнюю политику Японии. По мнению экспертов, позиция Японии в области безопасности представляет серьезную загадку. В то время как одни предсказывали, что государство с сильной экономикой попытается достичь статуса «гегемонии», другие утверждали, что позиция Японии в отношении безопасности остается довольно пассивной [3].

Здесь нельзя не отметить, что образ «миролюбивой» культуры Японии глубоко укоренился в японском обществе [4], и этот факт был особенно важным при принятии решения по вопросу о ядерных вооружениях, в котором Япония стойко сохраняла во внешней политике неядерную позицию. Одной из важнейших доктрин в этой области, как упоминалось выше, являются 3 неядерных принципа, впервые провозглашенные в годы холодной войны в декабре 1967 г. премьер-министром Эйсаку Сато: «Япония

¹ «Бюллетень ученых-атомщиков», основанный в 1945 г. А.Эйнштейном и учеными Чикагского университета, участвовавшими в Манхэттенском проекте по разработке атомного оружия, через два года создал Часы Судного дня, используя образы апокалипсиса (полночь) и ядерного взрыва (обратный отсчет времени до нуля), угрожающих человечеству и планете. Часы Судного дня устанавливаются каждый год Советом по науке и безопасности «Бюллетеня ученых-атомщиков» по согласованию с Советом спонсоров, в который входят 10 нобелевских лауреатов. Они стали индикатором уязвимости мира перед глобальной катастрофой, к которой могут привести созданные человечеством технологии. См.: Current Time – 2023. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 24.01.2023. <https://thebulletin.org/doomsday-clock/current-time/> (accessed 23.01.2023)

² Премьер-министр Японии в 2006–2007 и 2012–2020 гг., проработавший дольше всех на этой должности. Погиб 08.07.2022 от рук убийцы в г. Нара (о. Хонсю) во время уличного выступления в ходе предвыборной кампании (*прим. авт.*).

³ A debate about nuclear weapons resurfaces in East Asia. *Economist*. 19.03.2022. <https://www.economist.com/asia/2022/03/19/a-debate-about-nuclear-weapons-resurfaces-in-east-asia> (accessed 23.01.2023)

⁴ В традиционной японской архитектуре *сёдзи* – это дверь, окно или разделяющая внутреннее пространство жилища перегородка, состоящая из прозрачной или полупрозрачной бумаги (*прим. авт.*).

⁵ Головнин В. В Японии заговорили о ядерном оружии. https://t.me/golovnin_tokyo/2298 (accessed 17.02.2023)

не будет обладать, производить или допускать размещение или транзит ядерного оружия» в соответствии со ст. 9 Конституции⁶.

Эти принципы были приняты резолюцией парламента Японии в ноябре 1971 г. и с тех пор стали её национальной политикой [5]. Стоит также отметить, что японская общественность в целом, помня печальный опыт Хиросимы и Нагасаки 1945 г., была категорически против ядерного вооружения. По данным министерства здравоохранения, труда и социального обеспечения, общее число официально признанных выживших после двух ядерных атак, известных как «хибакуся»⁷, по состоянию на март 2022 г. составляло 118 935 чел. – на 8820 чел. меньше, чем годом ранее. Их средний возраст был 84,53 года⁸.

Как считают эксперты, история зарождения послевоенного японского пацифизма прочно укоренилась на руинах, страданиях и трудностях, вызванных долгой войной. Экономические лишения, которые повлекла за собой война, сформировали острое понимание важности вопросов войны и мира, а для рядовых японцев поддержка пацифизма стала выражением их стремления сделать всё, чтобы такие ужасы не повторились вновь [6]. «Это чувство “никогда больше” кристаллизовалось в форме коллективной жертвенности японского народа, таким образом, решимость сопротивляться войне можно понимать как прагматичный шаг для защиты собственного благополучия» [7].

Хотя проводимые в Японии опросы общественного мнения постоянно указывают на сильное сопротивление в «ядерном» вопросе⁹, некоторые исследователи считают, что сложившуюся в стране ситуацию скорее можно описать как «ядерную аллергию»¹⁰, не позволяющую людям открыто обсудить вариант ядерного вооружения [8]. Вместе с тем есть понимание, что антиядерная позиция Японии и впредь останется достаточно твердой, поскольку это один из важнейших элементов культуры безопасности страны в период после Второй мировой войны [9; 10].

Однако не стоит безапелляционно предполагать, что она и впредь будет стабильной. Принимая во внимание, что проблема ядерного вооружения – один из важнейших элементов культуры безопасности Японии и что это центральная тема в современном дискурсе, необходимо проанализировать, как под воздействием социального давления японцы выражают своё мнение по данному вопросу.

ПРОТИВ ИЛИ НЕ ОПРЕДЕЛИЛИСЬ?

Учитывая, что люди формируют свои установки, взвешивая мнения других, важно понять, как социальное давление может влиять на мнения людей по разным вопросам [11; 12], и уловить характер их поведения в социальной среде. Это особенно актуально для Японии, чьи граждане чрезвычайно чувствительны к тому, что думают другие [13]: в обществе существует сильная ориентация на группу (*shudanshugi*), поэтому люди избегают обмена новыми/разными мнениями, противоречащими убеждениям и взглядам большинства внутри своей группы.

Подобное явление также можно назвать «групповым мышлением», при котором предпочтительно не высказывать альтернативное или непопулярное мнение, чтобы соответствовать ожиданиям других членов общества, что, в свою очередь, влечет за собой определенный контроль общества над индивидами. Благодаря такому контролю элиты могут усилить эмпатию и взаимодействие между всеми членами группы и получить их полную поддержку по дискутируемым вопросам. Соответственно, можно пред-

⁶ Положение Конституции Японии, запрещающее войну как средство разрешения международных споров с участием государства. Конституция вступила в силу 3 мая 1947 г. (*прим. авт.*).

⁷ Выживших после атомной бомбардировки на японском языке называют «хибакуся», что буквально означает «люди, пострадавшие от бомбы». Согласно Закону о помощи пострадавшим от атомной бомбы, существуют признанные категории «хибакуся»: подвергшиеся непосредственному воздействию бомбы и её непосредственных последствий; подвергшиеся облучению в радиусе 2 км, попавшие в зону поражения в течение 2 недель после взрыва; подвергшиеся воздействию радиоактивных осадков в целом; подвергшиеся воздействию внутриутробно, чьи матери были беременны и принадлежали к любой из этих категорий (*прим. авт.*).

⁸ Nuclear weapons a ‘loaded gun’, U.N. chief warns, as Hiroshima marks 77 years since bombing. *Japan Times*. 06.08.2022. <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/08/06/national/hiroshima-bombing-77th-anniversary/> (accessed 19.02.2023)

⁹ Sekai Schuhou. 2006. Jiji seron chosa report (Survey report of contemporary issues), 87(47), 21. (In Jap.)

¹⁰ Эта метафора чаще всего использовалась в конце 1960-х гг., чтобы заклеймить противников ядерной политики Японии как «аллергиков». Критика антиядерных настроений с точки зрения «международного здравого смысла» и начало пропагандистской кампании использовались, чтобы попытаться «вылечить» антиядерную «аллергию» японцев (*прим. авт.*).

положить, что одобрение японскими гражданами вопроса «ядерных вооружений» будет зависеть от мнения большинства [12].

В 2018 г., в период высокой напряженности в отношениях с Северной Кореей, когда в течение нескольких месяцев накапливались доказательства того, что она может готовить очередное ядерное испытание, был проведен интернет-опрос¹¹ (в нём приняли участие 6623 чел.: американцы, японцы и южнокорейцы), который показал, что большинство японцев всё же поддерживают ядерное разоружение и Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО)¹². Результаты опроса были представлены в *Journal of Conflict Resolution*. Респондентам предложили выбрать одну из 10 возможных причин, по которым они предпочитают «ядерную сдержанность», обсуждая проблемы безопасности. В ответах участники опроса чаще всего упоминали «страх перед ядерной эскалацией» – 60% американцев и 59% южнокорейцев, и утверждали, что «использование ядерного оружия отвратительно». Среди граждан Японии (53%) этот ответ был вторым по частоте выбора. Самой распространенной причиной «ядерной сдержанности» в Японии (58%) было «ядерное табу» и вера в то, что «ни одна страна никогда не должна применять ядерное оружие». Это второе по частоте объяснение, прозвучавшее в США (44%) и Южной Корее (51%).

9¹³–12 августа 2019 г. глобальная исследовательская компания *Dynata* (ранее *Survey Sampling International*) провела еще один опрос – «Должна ли Япония присоединиться к Договору о запрещении ядерного оружия?» 75% респондентов ответили утвердительно, 17,7% высказались «против», а 7,3% «не определились» с ответом. Эти результаты еще раз продемонстрировали, что японская общественность имеет ярко выраженную «ядерную аллергию», желая и впредь придерживаться трех неядерных принципов [14].

В этом же году Исследовательский институт культуры вещания *NHK*¹⁴ в своём исследовании¹⁵ выявил, что 65,9% японских респондентов поддерживают участие Японии в ДЗЯО. Интересный факт: в то время как проводимые в Японии многочисленные опросы о так называемых «политических предпочтениях» граждан часто дают большую долю ответов «не знаю» или «затрудняюсь ответить», полезным открытием для специалистов, изучающих японское общественное мнение по ядерному вопросу, станет то, что среди респондентов была лишь небольшая доля «неопределившихся». Другими словами, японские граждане имели довольно четкую позицию по данному вопросу. Таким образом, можно сделать предположение, что выявленный при опросе относительно низкий процент «неопределившихся» респондентов может указывать на важность участия Японии в ДЗЯО¹⁶.

Однако, что касается вопроса поддержки политики ядерного разоружения, то начало СВО на Украине заметно усилило кризисные чувства у населения Японии. В резолюции японского отделения «Юристы против ядерного оружия»¹⁷ отмечалось, что поддержка ДЗЯО в японском обществе в 2022 г. упала на 10 процентных пунктов – с 71% в 2021 г. до 61% в июле 2022 г., и, как подчеркивалось в резолюции, ключевым фактором такого сдвига стало «вторжение на Украину» (так была названа СВО в резолюции. – Л.Ж.)¹⁸.

¹¹ См: Poll: Americans, Japanese, and South Koreans don't support using nuclear weapons against North Korea. Allison D.M., Herzog S. October 25, 2022. <https://thebulletin.org/2022/10/poll-americans-japanese-and-south-koreans-dont-support-using-nuclear-weapons-against-north-korea/> (accessed 23.01.2023)

¹² ДЗЯО – первое всемирное многостороннее соглашение, направленное на всеобъемлющее запрещение ядерного оружия. Это первый договор, содержащий положения о преодолении неблагоприятных гуманитарных последствий применения и испытания ядерного оружия. Он был принят на Дипломатической конференции ООН 07.07.2017 г. и вступил в силу 22.01.2021 (прим. авт.).

¹³ 6 и 9 августа 1945 г. американцы сбросили на японские города Хиросима и Нагасаки две атомные бомбы – «Мальш» и «Голстяк».

¹⁴ Японская государственно-общественная центральная телерадиокомпания (прим. авт.).

¹⁵ NHK Broadcasting Culture Research Institute. 2019. December 2019 Political Awareness Monthly Survey. NHK Public Awareness Monthly Survey. (In Jap). <https://www.nhk.or.jp/bunken/research/yoron/political/pdf/y201912.pdf> (accessed 23.01.2023)

¹⁶ При этом 73,6% мужчин и 76,3% женщин выразили поддержку ДЗЯО, хотя больше мужчин (22,3%) выступили против Договора, а больше женщин (10,1%) выразили неуверенность в своих ответах (прим. авт.).

¹⁷ Международная неправительственная организация со штаб-квартирой в Берлине была основана в 1988 г. Её деятельность направлена на «наращивание и укрепление международно-правовых усилий по запрещению применения и угрозы применения ядерного оружия». В её состав входят отдельные юристы и адвокатские организации (прим. авт.).

¹⁸ Japan Anti-Nuclear Lawyers Association. 2022. Japan Anti-Nuclear Lawyers Association 2022. General Assembly Resolution. (In Jap.). https://www.hankaku-j.org/event/2022_soukaiketsugi.pdf (accessed 21.02.2023)

Хотя премьер-министр Кисида всегда открыто поддерживал глобальное ядерное разоружение и отказывался от совместного использования ядерного оружия¹⁹, сложно предположить, сможет ли он выдержать давление сторонников жесткой линии в своей партии. В 2023 г. Япония начала прикладывать беспрецедентные усилия по ремилитаризации, и возможный пересмотр ядерной политики также стал предметом переговоров. Новый вектор японской политики можно рассматривать как курс правительства, оправданный результатами опросов общественного мнения в Японии. Кроме того, проведение Россией спецоперации на Украине укрепило веру японцев в то, что Япония должна не только пересмотреть свою Конституцию, но и работать над поиском лучших вариантов «ядерного сдерживания», включая «совместное использование ядерного оружия»²⁰. Многие японские респонденты, особенно пожилые женщины, хотя и не относятся к войне благосклонно, но вместе с тем не видят другого выхода, кроме милитаризации страны (помимо оборонных союзов) для защиты Японии от возможной агрессии со стороны Китая.

БЕЗОПАСНО ЛИ МОЛЧАНИЕ?

Хотя после Второй мировой войны японцы были категорически против ядерного оружия, до сих пор неясно, насколько сохранилась эта их установка. Есть вероятность, что японские граждане при определенных обстоятельствах могут пересмотреть свою антиядерную позицию. Вот почему важно учитывать факторы, которые могут критически повлиять на эту позицию.

Согласно выводам исследования психолога Соломона Э.Аша²¹, люди склонны менять свои взгляды, чтобы соответствовать мнению большинства [11]. Точно так же теория «спирали молчания»²² указывает на то, что люди менее склонны не соглашаться с большинством в группе из-за «страха изоляции» [12]. Когда три компонента – политика, СМИ и общественное мнение – противостоят «один против двух», это оказывает на людей социальное давление и напоминает «климат мнений»²³ в теории «спирали молчания». Ежедневно отслеживая социальные сети (свои и чужие), просматривая медийный контент, пользователи бессознательно усваивают доминирующие в текущий момент мнения в обществе по животрепещущим вопросам. Таким образом, по разным каналам связи на меньшинство оказывается серьезное давление путем словесных нападок или критики до тех пор, пока оно не сможет не уступить большинству – так постепенно формируется национальный консенсус.

Еще один из важных факторов, влияющих на формирование общественного мнения, – стремительное распространение Интернета. С развитием коммуникационных технологий и при тотальной доступности информации по разным темам Интернет создал огромное информационное пространство, в котором социальное давление стало играть еще более важную роль. Было, например, выявлено, что «давление со стороны сверстников в Интернете» влияет на принятие молодыми людьми решения об употреблении алкоголя и наркотиков [15]. Однако некоторые исследователи, анализируя поведение людей на дискуссионных онлайн-форумах, пришли к выводам, которые, в свою очередь, могут потребовать некоторых модификаций теории «спирали молчания» [16]. А именно: по результатам проведенных исследований было сделано важное заключение – людей, как правило, привлекают взгляды, схожие с их собственными, а это значит, что они могут объединяться в группы единомышленников. Вместе с тем стоит учитывать, что люди готовы говорить или молчать в зависимости от того, насколько они уверены в своих знаниях об обсуждаемой проблеме, насколько твердое мнение имеют по поднимаемому вопросу и каков уровень их заинтересованности в самом вопросе.

¹⁹ Aoki N. 2022. Japan may not militarize soon, but Abe's dream lives on. <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/japan-may-not-militarize-soon-but-abes-dream-lives-on/> (accessed 21.02.2023)

²⁰ Social Survey Research Center. 2022. April 23, 2022. Public Opinion Survey Results (Free Entry). https://ssrc.jp/blog_articles/20220423free.html (accessed 21.02.2023)

²¹ Провел эксперимент для выяснения, в какой степени социальное давление со стороны группы большинства может повлиять на человека, чтобы он ей соответствовал; создал основополагающие работы по формированию впечатления, внушению престижа, конформизму и многим другим темам (*прим. авт.*).

²² «Спиралью молчания» называют теорию, согласно которой люди склонны выражать идеи, созвучные с мнением большинства, а отличные от доминирующих мнений – замалчивать (*прим. авт.*).

²³ Климат мнений – неспецифическое понятие, которое определяет тенденцию к принятию определенной оценки в обществе. «Климат мнений» по способу распространения похож на вирус, т.к. мнение большинства быстро распространяется в обществе в целом (*прим. авт.*). См.: [12].

Учитывая ситуацию, в которой японская молодежь склонна развивать свою идентичность через тесные отношения в социальных сетях, где в определенном смысле обнажаются существующие в современном обществе проблемы «замкнутости» и обостряются человеческие отношения, можно предположить, что негативное воздействие социальных сетей будет иметь серьезные последствия для японского общества. Те, кто участвует в онлайн-дискуссиях, сталкиваются с сильным прессингом, конечная цель которого – корректировка мнения до уровня соответствия мнению большинства, а отклоняющиеся от общепринятых норм, как правило, «исключаются» из японского общества.

Ученые также пришли к выводу, что существуют межнациональные различия в уровнях социального давления с целью соответствия группе большинства [17], и предположили, «что общества различаются по степени боязни изоляции членами общества» [12]. Поскольку социальные взаимодействия в Интернете в этом плане не являются исключением, именно японские граждане, участвующие в онлайн-общении, подвергаются очень высокому уровню давления со стороны своего общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы Интернет стал одним из важнейших средств коммуникации в Японии²⁴, поэтому, учитывая его критическое влияние, необходимо и дальше изучать, как онлайн-общение формирует взгляды людей на некоторые важные проблемы, поднимаемые в обществе. В частности, пример Японии представляет собой важный контекст, в котором исследователи могут эффективно проверять влияние социального давления на мнения и взгляды активно использующих Интернет.

Можно предположить, что японские граждане с большей вероятностью поддержат вариант ядерного вооружения Японии, если им будет представлен сценарий, в котором большинство японского общества принимает именно этот вариант. Однако сегодня представление о том, что японское общество является ультраколлективистским и антииндивидуалистическим, весьма спорно, и его не следует принимать безапелляционно.

С одной стороны, «коллективно мыслящие» японцы, возможно, не более уязвимы перед последствиями «спирали молчания», чем индивидуалисты – представители Запада, но, с другой стороны, «спираль молчания» может оказаться подходящим инструментом для манипулирования общественным мнением в Японии [18]. Вместе с тем результаты приведенных в статье опросов, показывают, что японцы с меньшей вероятностью поддаются социальному давлению в вопросах, которые они считают жизненно важными.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Spinazze G. 2023. Press release: Doomsday Clock set at 90 seconds to midnight. *Bulletin of the Atomic Scientists*. <https://thebulletin.org/2023/01/press-release-doomsday-clock-set-at-90-seconds-to-midnight/> (accessed 23.01.2023)
2. Johnson F.A. 1993. Dependency and Japanese socialization: Psychoanalytic and Anthropological Investigations into Amae. New York: New York University Press.
3. Mearsheimer J. 1990. Back to the future: Instability of Europe after the cold war. *International Security*, 15(1), 5–56.
4. Katzenstein P. 1996. Cultural Norms and National Security: Police and Military in Postwar Japan. Ithaca: Cornell University Press.
5. Kawai K. 2022. Mission Unaccounted: Japan's Shift of Role in US Extended Nuclear Deterrence. *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, 5(3): 1–30, DOI:10.1080/25751654.2022.2110636
6. Жилина Л.В. Молодые японцы: лицом к миру. *Ежегодник Японии*. 2022; 51:40–60. С. 52. <https://doi.org/10.55105/2687-1440-2022-51-40-60>
7. Zhilina L.V. 2022. Japanese Youth: Facing the Peace. *Yearbook Japan*. 2022; 51:40–60. P. 52. (In Russ.). <https://doi.org/10.55105/2687-1440-2022-51-40-60>.
8. Cai Y. 2008. The Rise and Decline of Japanese Pacifism. *New Voices in Japanese Studies*, 2: 179–200. DOI: 10.21159/nv.02.09. P. 182
9. Hook G. 1984. The nuclearization of language: Nuclear allergy as political metaphor. *Journal of Peace Research*, 21(3), 259–275.

²⁴ Ministry of Internal Affairs and Communication of Japan. 2017. White paper: Information and communication in Japan. <http://www.soumu.go.jp/johotsusintokei/whitepaper/eng/WP2017/2017-index.html> (accessed 23.01.2023)

9. Kase Y. 2001. The cost and benefits of Japan's nuclearization: An insight into the 1968/70 internal report. *Nonproliferation Review*, 8(2), 55–68.
10. Mochizuki M. 2007. Japan tests the nuclear taboo. *Nonproliferation Review*, 14(2), 303–328.
11. Asch S.E. 1951. Effects of group pressure upon modification and distortion of judgment, In H. Guetzknow (ed.). *Groups, Leadership, and Men*. Pittsburg: Carnegie Press. 177–190.
12. Noelle-Neumann E. 1974. The spiral of silence: A theory of public opinion. *Journal of Communication*, 24(2), 43–51.
13. Yoneyama T., Kawahigashi T., & Sweet C. 1986. The importance of the peer group in Japanese society. *Review of Japanese Culture and Society*, 1(1), 46–50.
14. Baron J., Gibbons R.D. & Herzog S. 2020. Japanese Public Opinion, Political Persuasion, and the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, 3:2, 299–309, DOI: 10.1080/25751654.2020.1834961
15. Stoddard S.A., Bauermeister J.A., Gordon-Messer C., Johns M., & Zimmerman M.A. 2012. Permissive norms and young adults' alcohol and marijuana use: The role of online communities, *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*, 73(6), 968–975.
16. Yun G.W., & Park, S.Y. 2011. Selective posting: Willingness to post a message online. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 16(2), 201–227.
17. Matthes J., Hayes A., Rojas H., Shen F., Min S.J., & Dylko I.B. 2012. Exemplifying a dispositional approach to cross-cultural spiral of silence research: Fear of social isolation and the inclination to self-censor. *International Journal of Public Opinion Research*, 24(3), 287–305.
18. Everett C.L., Karlyn H.B. 1996. *Public Opinion in America and Japan: How We See Each Other and Ourselves*. Washington, D.C., AEI Press. P. 138.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жилина Лариса Владимировна кандидат исторических наук, доцент, факультет филологии, переводоведения и медиакоммуникаций, ОмГУ им. Ф.М.Достоевского, Омск, Россия.

Larisa V. Zhilina, PhD (History), Associate Professor, Department of Philology, Translation Studies and Media Communications, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 23.02.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.04.2023

Принята к публикации
(Accepted) 19.05.2023

Диалектика экономических реформ Н.Моди

© Садовникова Я.О.^а, 2023

^а ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН,
Москва, Россия
khoobsurat_90@rambler.ru

Резюме. В статье рассматриваются основные аспекты экономических преобразований индийского правительства в рамках объявленной в мае 2020 г. миссии «Самостоятельная Индия», направленной на достижение макроэкономической стабильности, высоких темпов роста экономики и обеспечение занятости. В ответ на вызванные пандемией *COVID-19* трудности были предложены меры по стимулированию производственного сектора, развитию инфраструктуры и поощрению предпринимательства и инвестиций.

Важно отметить, что взятый курс на самодостаточность не предполагает движения к обособленности или замкнутости. Наоборот, как подчеркивают индийские правящие круги, сущность данной стратегии состоит в том, чтобы увеличить вклад страны в мировые цепочки создания стоимости, повысить конкурентоспособность отечественного производства различных товаров и услуг, рассчитанных как на внутреннего потребителя, так и на экспорт. Построение экономически сильной и стабильной Республики Индия на основе раскрытия внутреннего потенциала развития должно также содействовать увеличению её политического влияния на региональные и общемировые процессы.

Ключевые слова: Индия, Нарендра Моди, Самостоятельная Индия, экономический рост, производственный сектор, инфраструктура

Благодарность. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Садовникова Я.О. Диалектика экономических реформ Н.Моди. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 6. С. 12–20. DOI: 10.31857/S032150750026130-5

Dialectics of Narendra Modi's Economic Reforms

© Yana O. Sadovnikova^а, 2023

^а IMEMO, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
khoobsurat_90@rambler.ru

Abstract. To overcome the negative consequences of the COVID-19 pandemic, the government of India has presented the special assistance package to the most affected industries and vulnerable segments of the population under Atmanirbhar Bharat Abhiyan, or Self-Reliant India mission, in May 2020. The initiative is aimed at revealing development potential of domestic production, focused on both export and internal consumption. After coming to power in 2014, BJP government immediately took steps to develop manufacturing sector, attract investment and create new jobs. These policies were renewed during the dealing with pandemic induced challenges. As the official authorities emphasize in their press-briefings and meetings with business, the announced course for self-reliance does not contradict the country's intention to integrate more firmly into global value chains. The ongoing structural reforms are expected to contribute to the India's economic leadership and therefore strengthening its influence on global and regional processes.

The article analyzes the features and main directions of BJP's economic policy at pre- and post-pandemic period, and in particular considers the nature and objectives of Self-Reliant India mission.

Keywords: India, Narendra Modi, Self-Reliant India, economic growth, manufacturing sector, infrastructure.

For citation: Sadovnikova Y.O. Dialectics of Narendra Modi's Economic Reforms. *Asia and Africa today*. 2023. № 6. Pp. 12–20. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750026130-5

ВВЕДЕНИЕ

После победы на парламентских выборах в мае 2019 г. и переизбрания Нарендры Моди на пост премьер-министра в преобразовательном курсе правящей Бхаратия джаната парти (БДП) была продолжена линия на развитие секторов обрабатывающей промышленности, инфраструктуры и услуг, за счет которых планировалось увеличить темпы экономического роста и обеспечить занятость. Еще в сентябре 2014 г. была инициирована программа *Make in India*, нацеленная на превращение страны в центр мирового производства. Благодаря её действию открылись возможности для стимулирования инвестиций в промышленное производство, продвижения ключевых инфраструктурных проектов (промышленные коридоры, транспортные узлы, центры логистики, новейшие коммуникации, «умные города» и т.д.), внедрения рационализаторских идей, повышения уровня профессиональных навыков и знаний.

В мае 2020 г. для смягчения негативных последствий пандемии *COVID-19* для экономики и общества премьер-министр Н.Моди инициировал начало миссии «Самостоятельная Индия» (*Aatmanirbhar Bharat*), включавшей в себя несколько пакетов помощи пострадавшим отраслям экономики и наименее защищенным слоям и группам общества. Затем 12 октября и 12 ноября 2020 г. было объявлено о дополнительных программах поддержки (*Aatmanirbhar Bharat Package 2.0* и *Aatmanirbhar Bharat Package 3.0*).

Общая сумма на реализацию всего плана по восстановлению экономики составила 27,1 трлн рупий (\$328 млрд), или примерно 13% ВВП [1, р. 2]. Существенная часть разработанных антикризисных мер касалась изменений политики в области инфраструктуры, предприятий государственного сектора, прямых иностранных инвестиций, налогообложения, а также расширения субсидий, финансирования и льготного кредитования для представителей мелкого, малого и среднего бизнеса, уличных торговцев, фермеров, предоставления бесплатной продовольственной помощи рабочим-мигрантам.

ИСТОКИ ИДЕИ «САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ИНДИЯ»

Исторические корни идеи *Aatmanirbhar Bharat* восходят еще к периоду борьбы за независимость. Во время раздела Бенгалии в 1905 г. возникло движение *свадешии*, основные принципы которого состояли в развитии производства отечественных товаров и бойкотировании индийцами британской продукции. Важно отметить, что контуры будущего социально-экономического курса, включавшего в себя элементы политики импортозамещения, были представлены в составленном индийскими промышленниками Бомбейском плане 1944 г. В период независимости обеспечение продовольственной безопасности (повестка «зеленой революции» 1970-х гг.), а также финансовой самодостаточности посредством проводившегося импортозамещения занимало важное место в пятилетних планах развития. На рубеже 1980–1990-х гг. страна столкнулась с многоуровневым кризисом, который привел к смене экономической модели.

Экономические реформы 1990-х гг. проложили дорогу к большей открытости индийской экономики путем снятия количественных ограничений на импорт, обеспечения свободной конвертируемости индийской рупии и т.д. Вместе с тем речь шла также о создании внутренней производственной базы, соответствующей мировому уровню. В условиях освобождения индийской экономики от излишнего вмешательства и контроля со стороны государства идея самодостаточного развития получила новое прочтение, связанное с формированием экспортно-ориентированной экономической модели. Её существенные черты состоят в уменьшении зависимости от импортного сырья, оборудования и ресурсов, расширении возможностей для частного сектора, а также создании благоприятной среды для развития конкурентоспособного отечественного производства. Лидер БДП Атал Бихари Ваджпаи, занимавший пост премьер-министра страны в 1996 г. и в 1998–2004 гг., отмечал в интервью: ««свадешии» не означает, что Индия станет островом или изоляционистом. Также это не означает, что мы будем препятствовать потоку новых идей и новых технологий или, если уж на то пошло, иностранным инвестициям» [2, р. 11–12].

В политике властей в области реформ подчеркивалось, что Республика Индия обладает всеми необходимыми природными, научно-техническими и человеческими ресурсами для достижения абсолютной политической и экономической самостоятельности [2, р. 12]. Кроме того, страна меняется не обособленно, а в соответствии с общемировыми вызовами, на которые она должна быть готова дать адек-

ватный ответ. В данном контексте БДП позиционирует себя в качестве устойчивой и консолидирующей силы, которая способна, опираясь на накопленный и новейший опыт развития, обеспечить стабильность, порядок и социально-экономическое благополучие.

Озвученная премьер-министром инициатива «Самостоятельная Индия» должна способствовать подъему местного производства, ориентированного как на экспорт, так и на удовлетворение внутреннего спроса. Программа *Make in India* получила дополнительный стимул для развития и по состоянию на 2022 г. охватывает уже 27 отраслей. Отдельно следует сказать о принятых в марте 2020 г. в рамках *Production Linked Incentive* мерах по расширению производственных возможностей в различных секторах экономики «с потенциалом создания 6 млн новых рабочих мест и дополнительного производства в объеме 30 трлн рупий (\$363 млрд) в течение следующих 5 лет» [3, р. 2]. На сегодняшний день стимулирующие меры распространяются на 14 отраслей, среди которых выпуск фармацевтических препаратов, медицинского оборудования, сетевых устройств, автомобилей, дронов и их комплектующих, электроники, бытовой техники и др.

КУРС Н.МОДИ НА ДЕРЕГУЛИРОВАНИЕ ИНДИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В отчетах правительства отмечается улучшившийся за последние несколько лет бизнес-климат в стране, а также признается весомый вклад предпринимаемых шагов по обеспечению более либерального режима для притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ). В рейтинге *Ease of Doing Business* Республика Индия с 142-го места в 2014 г. поднялась на 77-е в 2018 г., затем на 63-е в 2019 г. благодаря достижениям в таких показателях ведения бизнеса, как «урегулирование неплатежеспособности», «разрешение на строительство», «трансграничная торговля», «регистрация собственности», «доступ к электричеству», а также «уплата налогов»¹.

В последние 9 лет премьерства Н.Моди позиции Республики Индия как одного из наиболее привлекательных направлений для иностранного капитала заметно усилились: если в 2014–15 ф.г. приток ПИИ составил \$45,14 млрд, то уже в 2020–21 ф.г. – \$81,97 млрд [4, р. 275–276].

Для достижения высоких темпов экономического роста и увеличения объема ВВП к 2025 г. до \$5 трлн правительство БДП проводит реформы, направленные на поддержание восходящего тренда в сфере частных иностранных капиталовложений. Большинство индийских отраслей открыты для 100% ПИИ без предварительного правительственного одобрения, за исключением секторов, стратегически важных с точки зрения обороны и национальной безопасности. В 2021–22 ф.г. наибольший объем поступивших ПИИ зафиксирован в таких областях, как компьютерное оборудование и программное обеспечение (24,60%), услуги (12,13%), автомобильная промышленность (11,89%), торговля (7,72%) и строительство (5,52%)². В пятерку основных стран-инвесторов для индийских компаний входят: Сингапур (27,01%), США (17,94%), Мавритания (15,98%), Нидерланды (7,86%), Швейцария (7,31%)³.

Некоторые изменения в сторону повышения потолка инвестирования были включены в план по восстановлению экономики страны в период борьбы с пандемией. Так, в 2020 г. было объявлено об увеличении доступного уровня ПИИ в автоматическом режиме с 49% до 74% в оборонной отрасли, а с разрешения правительства и до 100% при условии, что «это может привести к получению доступа к современным технологиям»⁴. Основная цель – привлечь капиталовложения и внедрить передовые научные разработки в собственное оборонное производство, чтобы не только добиться необходимого военно-технического обеспечения/оснащения вооруженных сил страны, но и расширить экспортный потенциал индийской промышленности в области оборонных снаряжений и техники.

Еще в мае 2016 г. для разрешения ситуации с накопившимися в банковском секторе неработающими активами парламент принял «Кодекс о несостоятельности и банкротстве», что позволило законодательно улучшить систему разрешения спорных ситуаций с неплатежеспособными предприятиями. Когда

¹ India ranks 63 in World Bank's Doing Business Report. Press Information Bureau. Ministry of Commerce and Industry. 24.10.2019. <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=193994> (accessed 09.11.2022)

² National investment promotion and facilitation agency. <https://www.investindia.gov.in/foreign-direct-investment> (accessed 09.01.2023)

³ Ibidem.

⁴ FDI in defence sector. Press Information Bureau. Ministry of Defence. 25.07.2022. <https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1844610> (accessed 12.02.2023)

началась пандемия *COVID-19*, правительство объявило о послаблениях для корпоративных должников: во-первых, до весны 2021 г. было приостановлено инициирование новых производств по делам о платежной несостоятельности корпораций. То есть задолженность, возникшая в связи с пандемией, не подпадала под указанное в Кодексе определение «дефолт» и не являлась причиной/основанием для начала процедуры банкротства; во-вторых, был повышен минимальный порог неисполнения обязательств со 100 тыс. до 10 млн рупий (с \$1,2 тыс. до \$121 тыс.)⁵.

Одним из шагов по стимулированию предпринимательской и инвестиционной деятельности в допандемийный период стало уменьшение ставки налога на прибыль индийских корпораций. 20 сентября 2019 г. Министерство финансов сообщило о сокращении корпоративного налога с 30% до 22% для любой отечественной компании, а также с 25% до 15% для компаний, созданных и запустивших производство с 1 октября 2019 г. по 31 марта 2023 г.⁶ при условии, что они не будут пользоваться никакими стимулами и льготами [5]. Эксперты называли снижение налога на прибыль компаний довольно рискованным шагом, ориентируясь на официальные данные, согласно которым бюджет может недополучить в годовом исчислении 1,45 трлн рупий (\$17,5 млрд) [5].

Индийские власти, в свою очередь, рассчитывают привлечь инвестиции в промышленность и ускорить темпы выполнения программы *Make in India*. Как подчеркивал тогдашний главный советник по экономике при правительстве Республики Индия К.В.Субраманиан, «инвестиции важны для повышения производительности в экономике, и именно производительность в конечном итоге повышает заработную плату, создает рабочие места, увеличивает экспорт» [6]. Во многом при принятии решения нынешние власти ориентировались и на зарубежную практику, чтобы повысить конкурентные преимущества Индии по сравнению со странами АСЕАН.

Важной вехой в реформировании налогового законодательства стала отмена ретроспективного налога (*retrospective tax*). Этот налог был введен в мае 2012 г. по инициативе занимавшего тогда пост министра финансов Пранаба Мукхерджи. Предложенные им поправки в «Закон о подоходном налоге 1961 г.», прежде всего, касались нескольких многонациональных компаний, которые заключали сделки по покупке индийских бизнес-активов, но не уплачивали при этом налог в государственную казну страны, поскольку операции совершались за её пределами.

Помимо огромных финансовых вливаний в экономику, индийские фирмы, у многих из которых дела шли не лучшим образом, в результате сделок получали доступ к новейшим продуктам, производственному оборудованию и технологиям в самых разных областях плюс возможность увеличения производственных мощностей и освоение международного рынка. Однако Министерство финансов четко дало понять, что не позволит глобальным торгово-промышленным конгломератам обходить налоговую юрисдикцию страны, если речь идет о доходах / приросте капитала (*capital gains*) с приобретения, трансграничного объединения или поглощения индийских активов.

Решение правительства, в первую очередь, затронуло такие фирмы-гиганты, как британский оператор сотовой связи *Vodafone*, британская компания по нефтегазовым операциям *Cairn*, французский фармацевтический производитель *Sanofi*, японская торговая компания *Mitsui&Co* и ряд других.

Крупнейший поставщик телекоммуникационных услуг *Vodafone* одним из первых обратился в судебные органы Индии за разрешением конфликта. В начале 2012 г. Верховный суд вынес решение в пользу оператора *Vodafone*, не найдя в действующем законодательстве оснований для исполнения им дополнительных налоговых обязательств. После этого 28 мая 2012 г. был утвержден ретроспективный налог, т.е. имеющий обратную силу действия в отношении сделок, проводившихся начиная с 1962 г. до момента утверждения закона.

После долгих споров и разбирательств в декабре 2020 г. Постоянная палата третейского суда в Гааге постановила, что индийское правительство должно выплатить компенсацию ущерба на общую сумму \$1,7 млрд нефтегазовой компании *Cairn Energy* [7]. Кроме того, в судах других стран нефтяной гигант добивался возможности взыскивать средства через опечатывание зарубежного имущества Республики Индия, в частности принадлежащего авиакомпания *Air India* [7].

⁵ Finance Minister announces government reforms and enablers across seven sectors under Aatma Nirbhar Bharat Abhiyaan. Press Information Bureau. 17.05.2020. <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1624661> (accessed 12.02.2023)

⁶ По причине всплеска коронавирусной инфекции *COVID-19* в 2020 г. действие сниженной ставки для молодых производственных предприятий было решено продлить до 31 марта 2024 г. (*прим. авт.*).

Отдельные попытки сторон конфликта разрешить ситуацию оказались безрезультатными. В индийских СМИ со ссылкой на осведомленные источники сообщалось, что представители *Cairn Energy* заявляли о готовности поступиться начисленными к компенсации процентами и затратами в размере \$500 млн, чтобы «инвестировать эту сумму в любой определенный индийским правительством проект в сфере нефти и газа или возобновляемых источников энергии в обмен на выполнение Нью-Дели вердикта международного суда и возвращение суммы убытков, понесенных из-за обложения компании ретроспективным налогом» [7]. Министерство финансов предлагало воспользоваться схемой *Vivad se vishwas*, «предусматривающей прекращение налогового дела при 50%-й оплате налога», но предложение не было принято нефтяным гигантом [7].

В конечном итоге все эти события, помноженные на возросшую потребность в иностранных капиталовложениях на фоне спада в экономике, побудили правительство Моды упразднить в августе 2021 г. ретроспективный налог. Согласно новому закону в ответ на отзыв всех претензий и исков к индийскому государству компаниям будет возвращена вся сумма ретроспективно уплаченных налогов без процентов. По сообщениям прессы, *Cairn Energy* и *Vodafone* одобрительно восприняли решение руководства страны и объявили о готовности уладить все имеющиеся разногласия [8]. Можно ожидать, что в скором времени к ним присоединятся и другие компании.

Ориентируясь в большей степени на реализацию поставленных задач по стимулированию и усилению позиций частного сектора, правительство БДП в последние годы ускорило продажу инвестиционных активов государственных предприятий и организаций (*disinvestment*).

Политика БДП в области развития государственного сектора предусматривает разделение предприятий на стратегические и нестратегические. К *первой категории* отраслей, участие государства в которых будет представлено как минимум одним предприятием, относятся:

- 1) атомная энергетика, космос и оборона;
- 2) транспорт и телекоммуникации;
- 3) энергетика, нефть, уголь и другие полезные ископаемые;
- 4) банковский сектор, страхование и финансовые услуги.

Во *вторую категорию* входят все остальные отрасли, госпредприятия, которые будут приватизированы или закрыты⁷.

Министр финансов Нирмала Ситхараман также уточнила, что «принцип правительственной программы дезинвестирования состоит не в закрытии какого-либо подразделения или компании, а в том, чтобы сделать их более эффективными и профессионально управляемыми» [9]. Кроме того, полученные в результате средства должны быть направлены на финансирование общественно значимых программ и проектов, в частности на поддержание социальной и городской инфраструктуры.

В январе 2022 г. завершилась реприватизация крупнейшего авиаперевозчика страны – *Air India*, в результате которой компания перешла под полный контроль индийского конгломерата *TATA Group*. Авиакомпания создавалась в 1932 г. под названием *Tata Airlines*, затем в 1946 г. она была переименована в *Air India*. Её основатель, крупнейший индийский промышленник и профессиональный летчик Дж.Р.Д.Тата продолжал занимать пост главы *Air India* еще в течение 25 лет после национализации компании в 1953 г.

За последние годы дела старейшей национальной авиакомпании ухудшились, накопились долги. Министр гражданской авиации Хардип Сингх Пури прямо заявлял в сентябре 2020 г. и марте 2021 г., что без продажи в частные руки *Air India* прекратит своё существование [10]. От следующего собственника ожидают решений по улучшению управления и повышению конкурентоспособности компании уже в новом качестве не только на международном уровне, но и внутри страны, где её основным соперником выступает частный лоукостер *IndiGo*, занимающий 58,8% внутреннего рынка авиаперевозок [11].

Дезинвестирование в виде продажи государством контрольного или миноритарного пакета акций предприятий и денежно-кредитных организаций существенно расширилось после инициирования экономических реформ 1990-х гг., но по сей день вызывает бурные дискуссии в общественно-политической среде. Одна часть экспертного сообщества считает, что правительству следует предпринимать бо-

⁷ Policy of strategic disinvestment announced; clear roadmap for strategic and non-strategic sectors. 01.02.2021. Press Information Bureau. Ministry of Finance. <https://pib.gov.in/Pressreleaseshare.aspx?PRID=1693899> (accessed 14.01.2023)

лее уверенные и решительные шаги по приватизации госпредприятий. Другие же, находят, что избыточный уклон в сторону разгосударствления индийской экономики таит в себе опасность создания сверхкрупных монополий в будущем и усиления социально-экономического неравенства. Правящие круги настаивают на продуманной и взвешенной политике по отношению к государственному сектору с учетом необходимости технологического обновления и общемировых интенций развития при сохранении курса на самодостаточность.

ИНФРАСТРУКТУРА КАК ФАКТОР ДОЛГОСРОЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

С задачами увеличения темпов роста ВВП, повышения конкурентоспособности различных секторов экономики, формирования новых рабочих мест, продвижения бизнеса, технологий и инвестиций тесно связана необходимость совершенствования инфраструктурного каркаса Республики Индия, объединяющего друг с другом штаты, дистрикты, города и сельскую местность.

Еще в предвыборном манифесте БДП 2019 г. и в выступлении Н.Моди по случаю празднования дня независимости сообщалось о намерении индийского правительства выделить 100 трлн рупий (\$1,2 трлн) на развитие инфраструктуры. В апреле 2020 г. специально учрежденная рабочая группа представила итоговый отчет по подготовке группы социально-экономических инфраструктурных проектов *National Infrastructure Pipeline* на период с 2020 по 2025 г. За эти 5 лет планируется вложить 111 трлн рупий (\$1,5 трлн) в реализацию почти 9000 различных проектов, чтобы «обеспечить инфраструктуру мирового класса по всей стране и улучшить качество жизни для всех граждан» [4, р. 289]. Основная доля капитальных затрат (примерно 71%) будет приходиться на такие сегменты, как дороги (18%), городская инфраструктура (17%), энергетика (24%), железные дороги (12%)⁸. В результате предполагается создание обновленной системы общественного транспорта, водоснабжения и электричества, обеспечение повсеместного доступа к чистой питьевой воде, продвижение современных телекоммуникаций, цифровых технологий, обеспечение широких масс населения комфортным жильем и качественной медицинской помощью.

Для поддержки долгосрочного финансирования инфраструктуры на основании принятого в марте 2021 г. закона был создан Национальный банк финансирования инфраструктуры и развития (*National Bank for Financing Infrastructure and Development – NaBFID*), который в 2022 г. перешел под регулирование и контроль Резервного банка Индии (РБИ) в качестве Всеиндийского финансового учреждения [12]. В бюджете на 2021–22 ф.г. было предложено обеспечить финансирование намеченных проектов с помощью монетизации правительственных активов. Полученные средства будут направлены на возведение новых объектов инфраструктуры.

В августе 2021 г. Национальный институт трансформации Индии (*NITI Aayog*) представил двухтомный отчет, в котором раскрываются подробности и порядок действий при реализации выдвинутой правительством программы монетизации – *National Monetisation Pipeline*. Исполнительный директор *NITI Aayog* А.Кант отмечал, что этот документ «направлен на создание систематического и прозрачного механизма, позволяющего государственным органам контролировать эффективность инициативы, а инвесторам планировать свою будущую деятельность»⁹. В соответствии с планом, рассчитанным на четырехлетний период с 2022 по 2025 ф.г., потенциал стоимости подлежащих монетизации основных государственных активов, таких как, например, автомагистрали, электросети, нефте- и газопроводы, порты, стадионы, железные дороги, складские помещения и т.д., оценивается в 6 трлн рупий (\$72,6 млрд)¹⁰.

Важно отметить, что перечисленные объекты не передаются в собственность, а сдаются в аренду на длительный срок частным организациям, которые берут на себя обязательства по эксплуатации и дальнейшему обслуживанию государственного имущества. В плане предусмотрены две основные модели реализации сделок: во-первых, частно-государственное партнерство, и, во-вторых, через инфраструктурные инвестиционные фонды *InvITs*¹¹.

⁸ Task Force on National Infrastructure Pipeline presents its Final Report to Finance Minister Smt. Nirmala Sitharaman. Press Information Bureau. 29.04.2020. <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1619236> (accessed 16.03.2023)

⁹ Finance Minister launches the National Monetisation Pipeline. Press Information Bureau. 23.08.2021. <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1748297> (accessed 07.02.2023)

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibid.

Монетизация государственных активов вызвала острую критику со стороны различных оппозиционных политических сил, считающих, что данный шаг продиктован интересами крупных частных корпораций. По словам одного из лидеров Индийского национального конгресса (ИНК), бывшего министра финансов П.Чидамбарам, «всё, что было построено за последние 70 лет, передается в руки немногих избранных» [13]. Кроме того, недовольство оппонентов БДП вызывал и тот факт, что решение принималось в узком кругу, без надлежащих консультаций на региональном уровне.

В сложных условиях противодействия различным внешним шокам, с которыми столкнулась индийская экономика за последние три года, руководство страны стремится сохранить темпы выполнения намеченных планов. Правительство с помощью монетизации своих активов планирует дополнительно поддержать финансирование новой инфраструктуры и ускорить реализацию социально ориентированных проектов.

Имеющиеся изъяны в базовой инфраструктуре остаются серьезным барьером для развития экономических кластеров, промышленных коридоров, технологических парков, с которыми связываются задачи создания рабочих мест, раскрытия потенциала роста и уменьшения региональных диспаритетов. В генеральном плане инфраструктурного строительства – *National Master Plan – NMP (PM Gati Shakti)*¹², обнародованном в октябре 2021 г., акцент сделан на согласованности действий между всеми заинтересованными участниками, в т.ч. на уровне властей штатов, соответствующих министерств, а также бизнеса, на всех этапах выполнения работ от проектирования до реализации.

На основе геоинформационных систем в рамках плана формируется «общая зонтичная платформа, на которой все относящиеся к различным министерствам/департаментам инфраструктурные проекты объединены во всеобъемлющую базу данных для их эффективного планирования и реализации в режиме реального времени» [14, р. 352]. Наладив взаимодействие и контроль, власти намерены побороть проблему «долгостроев» и неэффективной траты средств и ресурсов.

Действие *National Master Plan* направлено на повсеместное развитие телекоммуникаций (Интернет, телефонная связь), электро- и водоснабжения, а также создание интегрированной системы пассажирских и грузовых перевозок, включая весь наземный, воздушный и водный транспорт. В плане предусмотрено, что для подъема промышленного производства, ориентированного как на внутренний, так и на внешний рынок, к 2025 г. будет создано 11 индустриальных коридоров, состоящих из 32 узлов/проектов, 38 кластеров по производству электроники, 90 текстильных кластеров, 109 кластеров фармацевтической промышленности и медицинского оборудования, 2 оборонно-промышленных коридора, а также 197 продуктовых мегапарков и центров по переработке сельскохозяйственной продукции, а также 202 рыбопромысловых гавани/кластера¹³.

Предлагаемые решения в области логистики должны способствовать расширению возможностей для бизнеса и инвестиций, стимулировать появление новых рабочих мест и повышать уровень доходов индийских граждан. Особое внимание уделяется электрификации отдаленных деревень и населенных пунктов, налаживанию логистики между промышленными центрами.

В «Экономическом обзоре 2020–21» подчеркивалось: «Возрождение промышленности и инфраструктурного сектора будет иметь ключевое значение для общего экономического роста и макроэкономической стабильности» [15, р. 303]. Ставка на приток инвестиций, научное и технологическое обновление, заложенное в программе *Make in India*, относится к важным предпосылкам для увеличения производительности труда, что, в свою очередь, должно сделать индийскую экономику более конкурентоспособной на мировой арене.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Индийская экономика продолжает энергично восстанавливаться после пандемии *COVID-19*. Снижение экономической активности в период карантинных ограничений обернулось резким падением ВВП (на 6,6%) в 2020–2021 ф.г. [16] Упор на повсеместную вакцинацию и структурные реформы позволил

¹² В переводе с яз. хинди *Gati* означает «скорость», а *Shakti* – «сила» (*нприм. авм.*)

¹³ PM Gati Shakti – National Master Plan. Press Information bureau (Research Unit). 25.10.2021. <https://static.pib.gov.in/WriteReadData/specificdocs/documents/2021/oct/doc2021102511.pdf> (accessed 04.02.2023)

сохранить устойчивость экономики и добиться положительной динамики экономического роста, который в 2021–2022 ф.г. достиг 8,7%, превысив на 1,5% уровень ВВП 2019–2020 ф.г.¹⁴

Выступая в августе 2020 г. на праздновании дня независимости Республики Индия, премьер-министр Нарендра Моди раскрыл важность сотрудничества и взаимовлияния в современном мироустройстве: «Сегодняшний мир взаимосвязан и взаимозависим. Таким образом, насущная необходимость состоит в том, чтобы такая огромная страна, как Индия, увеличила свой вклад в мировую экономику. Индия также должна способствовать всемирному благосостоянию. Если Индия собирается увеличить свой вклад, она сама должна быть наделена силой, она должна быть самостоятельной»¹⁵. В своей торжественной речи Н.Моди также обратил особое внимание на достигнутые результаты в здравоохранении. В кратчайшие сроки под натиском невиданной ранее коронавирусной инфекции в стране было налажено собственное производство необходимых масок N95 и аппаратов для искусственной вентиляции легких, прежде закупавшихся в основном за рубежом. Большим прорывом в военно-морском кораблестроении стал состоявшийся в сентябре 2022 г. ввод в эксплуатацию первого авианосца «Викрант», полностью спроектированного и построенного на судовой верфи в г. Кочи (штат Керала).

Официальные власти подчеркивают в беседах с прессой и на встречах с представителями бизнеса, что объявленный курс на самодостаточное развитие не противоречит намерению страны прочнее встраиваться в общемировые хозяйственные связи. Проводимые реформы по улучшению логистики, инфраструктуры и стимулированию бизнеса, особенно в высокотехнологичных сегментах, свидетельствуют о стремлении добиться не только экономического лидерства, но и усилить влияние индийского государства на общемировые и региональные процессы.

Приверженность индийских элит принципу «стратегической автономии» в международных делах концептуально тесно связана с воплощением идеи *Aatmanirbhar Bharat* («Самостоятельная Индия»), в основе которой лежит построение экономически сильной и самостоятельной Республики Индия.

REFERENCES

1. Budget 2021-2022. Speech of Nirmala Sitharaman, Minister of Finance. February 1, 2021. https://www.indiabudget.gov.in/budget2021-22/doc/Budget_Speech.pdf (accessed 09.11.2022)
2. Kaushik S. A.B. Vajpayee: An Eloquent Speaker and a Visionary Parliamentarian. New Delhi: APH Publishing, 1998. 323 p.
3. Budget 2022-2023. Speech of Nirmala Sitharaman Minister of Finance. February 1, 2022. <https://www.indiabudget.gov.in/doc/bspeech/bs202223.pdf> (accessed 09.11.2022)
4. Economic survey 2021–22. Chapter 8. Industry and Infrastructure. <https://www.indiabudget.gov.in/budget2022-23/economicsurvey/doc/eschapter/echap08.pdf> (accessed 09.01.2023)
5. Mini-Budget after Budget: Government slashes corporate tax rates to boost economy, investments. *Times of India*. 20.09.2019. <https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/mini-budget-after-budget-govt-slashes-corp-tax-rates-to-boost-economy-investments/articleshow/71214427.cms> (accessed 25.02.2023)
6. Cut in corporate tax rate was needed to spur investments, boost growth: CEA Subramanian. *Economic Times*. 29.11.2019. <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/policy/cut-in-corporate-tax-rate-important-for-investments-cea-krishnamurthy-subramanian/articleshow/72287864.cms> (accessed 12.01.2023)
7. Cairn offers to forego \$500 mln if India agrees to pay principal due. *Economic Times*. 12.04.2021. <https://economictimes.indiatimes.com/markets/stocks/news/cairn-offers-to-forego-500-mn-if-india-agrees-to-pay-principal-due/articleshow/82014131.cms> (accessed 16.01.2023)
8. Sikarwar D. Vodafone files for retro tax settlement with India. *Economic Times*. 06.12.2021. <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/policy/vodafone-files-for-retro-tax-settlement-with-india/articleshow/88061385.cms> (accepted 14.01.2023)
9. Disinvestment not for shutting down CPSEs, but to make them more efficient: Nirmala Sitharaman. *Times of India*. 10.06.2022. <https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/disinvestment-not-for-shutting-down-cpses-but-to-make-them-more-efficient-nirmala-sitharaman/articleshow/92135362.cms> (accessed 15.02.2023)

¹⁴ Real GDP growth in 2021-22 stands at 8.7%, 1.5% higher than the real GDP of 2019-20. Press Information Bureau. 01.08.2022. <https://pib.gov.in/PressReleaseSelfFramePage.aspx?PRID=1847122> (accessed 16.03.2023)

¹⁵ English rendering of Prime Minister Shri Narendra Modi's address to the Nation from the ramparts of the Red Fort on the 74th Independence Day. Press Information Bureau. 15.08.2020. <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=214566> (accessed 16.03.2023)

10. Jain Bh. Air India: choice is between privatising or closing it down, says Puri. *Times of India*. 15.09.2020. <https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/air-india-choice-is-between-privatising-or-closing-it-down-says-puri/articleshow/78130394.cms> (accessed 20.01.2023); Either privatise or close Air India, says Minister Puri. *Outlook India*. 27.03.2021. <https://www.outlookindia.com/website/story/india-news-either-privatise-or-close-air-india-says-minister-puri/378444> (accessed 20.01.2023)
11. Vistara 2nd in market share with 10%, behind IndiGo's 59%. *Times of India*. 19.08.2022. <https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/vistara-2nd-in-market-share-with-10-behind-indigos-59/articleshow/93649190.cms> (accessed 20.01.2023)
12. NaBFID to be regulated as AIFI under RBI Act. *Economic Times*. 09.03.2022. <https://economictimes.indiatimes.com/industry/banking/finance/banking/nabfid-to-be-regulated-as-aifi-under-rbi-act/articleshow/90107837.cms> (accessed 15.12.2022)
13. Congress only sold non-core assets, Modi govt selling everything, says Chidambaram. *The Indian Express*. 04.09.2021. <https://indianexpress.com/article/cities/mumbai/p-chidambaram-national-monetisation-pipeline-modi-government-7486330/> (accessed 08.02.2023).
14. Economic survey 2022-2023. Chapter 12. Physical and digital infrastructure: lifting potential growth. <https://indiabudget.gov.in/economicsurvey/doc/eschapter/echap12.pdf> (accessed 17.02.2023)
15. Economic survey 2020-21. Vol. 2. Chapter 8. Industry and infrastructure. https://www.indiabudget.gov.in/budget/2021-22/economicsurvey/doc/vol2chapter/echap08_vol2.pdf (accessed 16.03.2023)
16. Indian economy contracts by 6.6 pc in 2020-21. *Economic Times*. 31.01.2022. <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/indicators/indian-economy-contracts-by-6-6-pc-in-2020-21/articleshow/89248879.cms> (accessed 16.03.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Садовникова Яна Олеговна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр проблем развития и модернизации, ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия.

Yana O. Sadovnikova, PhD (History), Research Fellow, Center for Development and Modernization Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 04.04.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.05.2023

Принята к публикации
(Accepted) 29.05.2023

Выборы 2023 года в Нигерии: смена политического руководства

© Денисова Т.С.^{a,c}, Костелянец С.В.^{a,b,d}, 2023

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия

^c ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^d ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Резюме. В начале 2023 г. закончился второй (и последний) срок президентства Мухаммаду Бухари. 25 февраля состоялись очередные всеобщие выборы, в результате которых новым главой государства был избран Бола Тинубу – кандидат от правящей партии «Конгресс всех прогрессивных сил». Выборы проходили на фоне заметной поляризации страны по этническому и религиозному принципам, усиливавшейся разобщающей риторикой некоторых претендентов на пост президента.

Перед новым лидером страны встанет множество проблем самого разного свойства – от кризиса в сфере безопасности до плохо управляемой экономики. Однако приход к власти в Нигерии Б.Тинубу, активно участвовавшего в политической жизни страны при правлении М.Бухари и поддерживавшего бывшего президента во многих начинаниях, вряд ли приведет к кардинальным изменениям в формировании внутренней, экономической и внешней политики, в т.ч. в отношениях между Москвой и Абуджей.

Ключевые слова: Нигерия, всеобщие выборы, Мухаммаду Бухари, Бола Тинубу, военно-политические конфликты, экономические реформы

Благодарность: Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Денисова Т.С., Костелянец С.В. Выборы 2023 года в Нигерии: смена политического руководства. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 6. С. 21–29. DOI: 10.31857/S032150750026133-8

Nigeria's 2023 Election: A Change in Political Leadership

© Tatyana S. Denisova^{a,c}, Sergey V. Kostelyanets^{a,b,d}, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

^b Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia

^c ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^d ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Abstract. At the beginning of 2023, the second (and last) term of Muhammadu Buhari's presidency came to an end. On February 25, there took place a general election, as a result of which Bola Tinubu, the candidate of the ruling All Progressives Congress, was elected as the new head of state. The election was held against the backdrop of a marked polarization of the country along ethnic and religious lines, exacerbated by the divisive rhetoric of certain presidential contenders.

The new leader will face a host of challenges ranging from a security crisis to a mismanaged economy. Political instability persists in many parts of the country: terrorists of Boko Haram and its splinter group, the Islamic State West Africa Province, operate in the northeast; the conflict between pastoralists and farmers is escalating in the northwest and central regions; in the south, in the Niger Delta, anti-government groups engage in oil theft and vandalism; there is an upsurge of pro-Biafra separatist sentiment in the southeast, etc. At the same time, the coming to power in Nigeria of B. Tinubu, who actively participated in the political life of the country during the terms of M. Buhari and supported the former president in many undertakings, is unlikely to lead to fundamental changes in domestic, economic and foreign policymaking, including Abuja's relations with Moscow.

Keywords: Nigeria, General elections, Muhammadu Buhari, Bola Tinubu, military and political conflicts, economic reforms

For citation: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Nigeria's 2023 Election: A Change in Political Leadership. *Asia and Africa today*. 2023. № 6. Pp. 21–29. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750026133-8

ВВЕДЕНИЕ

Нигерия – благодаря богатству её природных ресурсов и человеческому капиталу – могла бы стать одной из ведущих экономик мира, если бы не двигалась «против часовой стрелки», не только не решая застарелые проблемы (коррупция, nepotism, разного рода насилие и др.), но и сталкиваясь с новыми, прежде всего с «ползучей» политической нестабильностью, постепенно охватывающей даже те регионы страны, которые до недавнего времени отличались относительным спокойствием.

Это касается, например, юго-западных районов с преимущественным проживанием народа *йоруба*, где всё выше поднимают голову приверженцы традиционных религиозных культов: видимо, чтобы громче заявить о своем существовании, они начинают вмешиваться не только в повседневную жизнь, но и в электоральные процессы, таким образом создавая угрозу безопасности.

И это не говоря уже о радикализации ислама и активизации на северо-востоке страны деятельности многочисленных отрядов распавшейся в 2021 г. – после гибели её лидера Абубакара Шекау – террористической организации «Боко Харам» и отколовшейся от неё исламистской группировки «Западноафриканская провинция Исламского государства» (ЗАПИГ), обострении соперничества между скотоводами и земледельцами в северных и центральных штатах и росте на юго-востоке – в Биафре – сепаратистских настроений. К списку можно добавить продолжающиеся акты хищения нефти и вандализма в дельте Нигера и действия пиратов в акватории Гвинейского залива.

В целом в 2022 г. число жертв вооруженных столкновений на территории Нигерии превысило 10 тыс.; кроме того, примерно 5 тыс. человек были похищены с целью получения выкупа [1].

Рост числа вооруженных группировок, прежде всего исламистских, произошел на фоне снижения общественного единения и фрагментации элиты. Рейтинг социальной сплоченности (по данным Африканского института опросов общественного мнения), который и ранее был ниже среднемировых 50%, в 2022 г. снизился на 4,6% по сравнению с 2021 г. (44,2%), упав до 39,6%¹. Постоянные расколы на отдельные фракции, дезертирства, переходы в другие организации наблюдаются и в руководстве всех крупных политических партий (подробнее см.: [2]).

Разногласия между различными группировками обострились перед и в ходе партийных праймериз 2023 г. На фоне борьбы за власть и доступ к государственным ресурсам меркнут даже межэтнические, межконфессиональные и межрегиональные противоречия внутри истеблишмента, хотя то обстоятельство, что 3 основных соперника принадлежали к 3 самым крупным этническим группам – *хауса*, *йоруба* и *игбо* – заметно трибализировало электоральную кампанию и, вполне вероятно, придаст соответствующую окраску политической жизни Нигерии по крайней мере в ближайшие годы.

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 2023 г.

25 февраля 2023 г. в Нигерии состоялись очередные президентские выборы. В стране произошла смена руководства, т.к. срок полномочий бывшего главы государства Мухаммаду Бухари, занимавшего этот пост два 4-летних срока (с 2015 г.), закончился. Важно отметить, что, в отличие от правящих групп в ряде других африканских стран, нигерийский истеблишмент последовательно придерживается главного конституционного электорального принципа – своевременной сменяемости власти.

В отличие от предыдущих (2019 г.) выборов, в которых участвовали 73 кандидата от 91 партии, в 2023 г. нигерийцы должны были выбирать одного из 18 кандидатов от 18 партий. Для участия в голосовании были зарегистрированы 93,47 млн чел. – почти на 10 млн больше, чем в 2019 г. (84 млн), однако явка в 2023 г. составила лишь 27,7% (в 2019 г. – 35,6%), что отчасти можно объяснить отсутствием безопасности передвижения и ожидавшимися нападениями на избирательные участки².

¹ <https://moneycentral.com.ng/markets/article/nigeria-social-cohesion-index-remains-weak-at-39-6-new-api-report> (accessed 03.04.2023)

² <https://premiumtimesng.com/news/headlines/556316-key-issues-that-will-shape-nigerias-2023-elections-report.html> (accessed 04.04.2023)

Новым президентом Нигерии был избран Бола Тинубу – кандидат от партии Конгресс всех прогрессивных сил (КВПС, *All Progressives Congress – APC*), получивший 8,8 млн голосов избирателей (или 36,61%) – намного меньше, чем М.Бухари в 2019 г. (55,6%), и меньше, чем у любого избранного президента с начала гражданского правления, т.е. с 1999 г., что явилось свидетельством недовольства граждан страны политикой КВПС и 8-летним правлением Бухари, поддержавшего в ходе выборов именно Тинубу.

Второе место (6,98 млн, 29,07%) занял Атику Абубакар от Народно-демократической партии (НДП, *People's Democratic Party – PDP*), третье (6,1 млн, 25,4%) – Питер Оби от Трудовой партии (ТП, *Labour Party – LP*), четвертое – Рабиу Кванквасо (1,49 млн, 6,23%) от Новой народной партии Нигерии (ННПН, *New Nigeria People's Party – NNPP*). Именно они стали главными соперниками Тинубу, вместе с которым получили в общей сложности 97,31% голосов³.

Результаты голосования соответствовали неформальному соглашению между Севером и Югом Нигерии о ротации представителей этих регионов на высшем государственном посту – после северянина Бухари к власти пришел южанин Тинубу. В пользу избранного президента сыграло и то, что он *йоруба*, но мусульманин, а это важно в связи с нестабильностью в северных штатах с преимущественным проживанием приверженцев ислама.

Нигерийцы по инерции придерживаются той точки зрения, что мусульманину проще разрешить многолетний межконфессиональный конфликт на Севере, хотя при Бухари это противостояние не только не было преодолено, но и обострилось из-за появления множества бандитских группировок, якобы сражающихся «под знаменами Аллаха», экспансии их деятельности на несевверные штаты, роста их внутреннего (в результате грабежей, экспроприаций собственности, контрабанды и т.д.) и внешнего (в т.ч. от международных террористических организаций) финансирования и расширения сотрудничества между исламистскими и криминальными структурами, разницу между которыми становится всё труднее выявить.

В свою очередь, жители южных районов Нигерии также столкнулись с подъемом насилия, совершаемого различными вооруженными бандами и религиозными «братствами», которые в условиях падения уровня жизни «размножаются» с большой скоростью. В 2019–2022 гг. в результате их нападений на мелкие населенные пункты в одном только штате Риверс погибло более 420 человек [3]. Как правило, активность этих группировок усиливается именно в преддверии выборов: контроль над территорией позволяет им оказывать политикам и партиям некоторые «услуги» – запугивать соперников, принуждать избирателей к «нужному» голосованию, подменять бюллетени и т.д.

Для южан избрание Тинубу символизировало политическую преемственность с режимом Бухари, что не устраивало большую часть электората. К тому же предполагалось, что южанин-мусульманин выдвинет кандидатом на пост вице-президента северянина-христианина, однако Тинубу выбрал мусульманина Кашима Шеттиму – сенатора (с 2019 г.) от штата Борно (партия КВПС), нарушив джентльменские договоренности о представленности на двух высших постах двух религий. Впрочем, нельзя не признать разумным высказанное им в ходе электоральной кампании предложение избирать руководителей по принципу не религиозной принадлежности, а наибольшей компетентности⁴.

В ситуации с Шеттиму новый президент заявил, что выбрал человека, который способен помочь ему «обеспечить лучшее управление для всех нигерийцев... независимо от их религиозной принадлежности»⁵.

Выборы проходили на фоне заметной поляризации страны по этническому и религиозному принципам, усиливавшейся разобщающей риторикой некоторых претендентов на пост президента. Например, Абубакар (*хауса*) неоднократно призывал северян не голосовать за кандидатов *йоруба* или *игбо*⁶.

Для *игбо* итоги выборов стали особенно разочаровывающими: в годы Четвертой республики (с 1999 г.) в Нигерии не было ни одного президента – представителя этой народности (третьей по численности после хауса и йоруба), и они возлагали большие надежды на избрание Питера Оби – католика-игбо, известного политика и крупного бизнесмена, получившего образование в Гарвард-

³ <https://www.bbc.co.uk/news/resources/idt-9ff664e9-8cf9-4948-93e5-3268debcee1b> (accessed 04.04.2023)

⁴ <https://republic.com.ng/nigeria/2023-election-updates> (accessed 04.04.2023)

⁵ <https://theparadise.ng/pt-state-of-the-race-tinubu-atiku-search-for-running-mates-worry-about-obi-kwankwaso> (accessed 04.04.2023)

⁶ <https://punchng.com/fresh-trouble-hits-atiku-over-anti-yoruba-igbo-comment> (accessed 05.04.2023)

ской школе бизнеса (Бостон, США) и Лондонской школе экономики, бывшего губернатора штата Анамбра.

Во время предвыборной кампании в поддержку М.Оби проводились многотысячные демонстрации; результаты голосования свидетельствуют о популярности Оби среди южан и не только, поэтому его поражение в сочетании с подъемом сепаратистских настроений в Биафре может стать опасным конфликтогенным фактором. Кроме того, за относительно молодого (61 год) – по сравнению с 76-летним Абубакаром и более чем 70-летним Тинубу – кандидата проголосовала значительная часть нигерийской молодежи (40% избирателей моложе 34 лет), стремящейся к изменениям⁷.

Питеру Оби удалось заручиться поддержкой бывшего (1999–2007) президента Нигерии Олусегуна Обасанджо, который в открытом письме гражданам указал, что этот кандидат «обладает всеми качествами для эффективного решения текущих проблем страны»⁸. Вызовом Тинубу стала и победа Оби в штате Лагос – на родине избранного президента. Оби лидировал почти во всех предвыборных опросах, и завоевание им почти четверти электората свидетельствует о стремлении нигерийцев нарушить статус-кво – прежде всего, доминирование с 1999 г. в политике Нигерии двух партий, от передачи которых власти друг другу ничего не меняется.

Незначительное число голосов, отданных за Тинубу, отчасти было обусловлено его близостью с Бухари, который всячески продвигал его на этот пост, в то время как итоги деятельности его самого далеко не у всех вызвали одобрение из-за фактического отказа от борьбы с коррупцией, сохранения низкого уровня жизни и неспособности обеспечить безопасность во многих районах страны. Хотя бывший глава государства неоднократно заявлял, что не будет влиять на результаты выборов, его отношение к кандидатам имело большое значение: в Нигерии исторически сложилось так, что получение президентской поддержки рассматривается в качестве одного из факторов успеха.

НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ

Бола Асиваджу Ахмед Тинубу родился 29 марта 1952 г. Начальное и среднее образование получил в Лагосе и Ибадане. В 1975 г. отправился в США, где учился в Чикагском государственном университете. В 1979 г. получил диплом бакалавра по специальности «бухгалтерский учет и финансы», трудился в американских компаниях *Arthur Andersen*, *Deloitte*, *Haskins & Sells* и *GTE Services Corporation*. В 1983 г. вернулся в Нигерию и начал работать казначеем компании *Mobil Oil Nigeria*.

В 1990-е гг. занялся политикой; с 1999 по 2007 г. Б.Тинубу был губернатором штата Лагос; на этом посту заметно модернизировал инфраструктуру крупнейшего нигерийского города и его окрестностей; строил дома для бедных, дороги и школы, большое внимание уделял вопросам образования⁹.

Надо сказать, что в выборах 2023 г. участвовала сильная команда кандидатов, представленная крупными бизнесменами, банкирами, министрами, партийными функционерами и высокопоставленными чиновниками международного уровня, поэтому избрание Тинубу – «первого среди равных» – в значительной степени объясняется его если не популярностью, то известностью в качестве «крестного отца» Лагоса, население которого с пригородами превышает 30 млн человек и который при губернаторстве Тинубу превратился в самый эффективно развивающийся город Африки.

Тинубу сыграл важную роль в создании партии «Конгресс всех прогрессивных сил» (КВПС) в 2013 г.; при этом был известен частыми конфликтами с другими политиками, в т.ч. со своими заместителями и однопартийцами, и неоднократно обвинялся и в США, и в Нигерии в причастности к торговле наркотиками, но успешно избегал сколько-нибудь серьезного наказания (правда, в США ему пришлось заплатить крупную сумму в качестве компенсации незаконных доходов)¹⁰. Против Тинубу, обладающего огромным личным состоянием, неоднократно выдвигались обвинения в коррупции и в отмывании средств, которые он всегда эффективно отрицал. Впрочем, в Нигерии, пожалуй, нет такого политика, который не был бы причастен к каким-либо злоупотреблениям.

⁷ <https://edition.cnn.com/2018/05/31/africa/nigeria-not-too-young-to-run/index.html> (accessed 08.04.2023)

⁸ <https://businessday.ng/politics/article/2023-how-obasanjos-support-for-peter-obi-may-shape-poll-outcome> (accessed 08.04.2023)

⁹ <https://bolatinubuelibrary.com/about> (accessed 05.04.2023)

¹⁰ <https://www.vanguardngr.com/2009/10/v-mobile-shares-tinubu-attah-vindicated-2> (accessed 05.04.2023)

Выборы 2023 г. показали, что политика в современной Нигерии идеологически нейтральна; никто из кандидатов не проявлял своей приверженности к какому-либо определенному набору ценностей, не высказывал особых симпатий или антипатий к внешнеполитическим или внешнеэкономическим партнерам; программные заявления содержали обычные для нигерийских, как, впрочем, и для африканских кандидатов в целом, обещания побороть коррупцию, повысить уровни безопасности, материального благосостояния и т.д.

Поскольку нигерийцы уже давно осознали, что победить коррупцию в Нигерии практически невозможно, обеспечить безопасность политическая элита не может, потому что не знает как, а повышение уровня жизни, хотя объективно и достижимое, сталкивается с таким набором препятствий, что мало кто в стране надеется на кого-либо, кроме как на себя, решения всех этих проблем никто, по сути, и не ждет, т.е. результаты голосования больше зависели от патронажных связей претендента и его этнической/религиозной принадлежности, нежели от его деловых качеств и политического опыта.

Единственным серьезным заявлением Тинубу в ходе предвыборной кампании было обещание отменить субсидии на покупку бензина, которые, по прогнозам, могут обойтись стране в 2023 г. в \$13 млрд, а это примерно две трети того, что она зарабатывает на экспорте нефти¹¹. Напомним, что в 2012 г. президент (2010–2015) Гудлак Джонатан также пытался осуществить эту операцию, но под давлением профсоюзов, организовавших массовые протесты и пригрозивших прекращением добычи нефти, вынужден был не только отказаться от своего решения, но и снизить цены на топливо¹². Представляется, что и Тинубу не сможет безболезненно для себя проводить подобные реформы.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ

В течение всего периода правления М.Бухари (2015–2023) проблема безопасности, обостряющаяся по мере роста радикального исламизма в северных районах страны, не сходила с повестки дня политического развития Нигерии, которая, несмотря на действия правительственной армии по преодолению «джихадистского кризиса», в последнее десятилетие превратилась в одну из самых «горячих» точек Африканского континента (см., например: [4; 5]).

Прежде всего, это связано с деятельностью исламистских организаций «Боко Харам», ЗАПИГ и др., едва не сорвавших проведение выборов 2015 и 2019 гг. и оказавших большое влияние на исход голосования 2023 г., своими действиями заметно снизив уровень явки нигерийцев на избирательные участки. Причем если в предыдущие годы главным источником нестабильности была группировка «Боко Харам», то с 2021 г., когда она раскололась на множество отдельных отрядов, наибольшую угрозу единству страны и безопасности её граждан начала представлять ЗАПИГ, образовавшаяся после того как в марте 2015 г. тогдашний лидер «Боко Харам» Абубакар Шекау присягнул на верность Абу-Бакру аль-Багдади, халифу ИГИЛ.

В 2016 г. из-за разногласий в руководстве движения «Боко Харам» разделилась на две группы: ЗАПИГ и собственно «Боко Харам» под руководством Шекау. Главной целью «Провинции» стало основание транснационального халифата. В том же году ЗАПИГ создала штаб-квартиру на озере Чад и лагеря вдоль границы с Нигером на крайнем северо-востоке Нигерии, но позже распространилась южнее на нигерийские штаты Йобе и Борно. Одновременно она расширила свои контакты с глобальной террористической сетью, прежде всего, с группировками, действующими в зоне Сахеля и в Северной Африке. При этом ЗАПИГ сохранила свой статус вилаята ИГИЛ и развивает «партнерские» отношения с региональными движениями, связанными с ИГИЛ и действующими на севере Мали и Нигера, а также в Ливии [6].

Насилие, совершаемое ЗАПИГ, приводит к большему, чем при Шекау, количеству смертей в целом, но меньшему среди мирных жителей, т.к. мишенями группы преимущественно служат армия и правительственные ополчения. В настоящее время, несмотря на сохраняющуюся способность разрозненных отрядов «Боко Харам» не только к выживанию, но и к применению современного оружия (например, артиллерийских установок) и дронов, деятельность ЗАПИГ представляется более серьезной и дол-

¹¹ <https://icimigeria.org/2023-presidential-election-behold-politicians-being-touted-as-nigerias-next-messiahs> (accessed 05.04.2023)

¹² <https://www.economist.com/baobab/2012/01/18/an-embarrassing-climbdown> (accessed 07.04.2023)

госрочной угрозой для нигерийского Севера и региона оз. Чад, т.к. её атаки одновременно нацелены на ослабление сил противника – национальных армий стран бассейна – и на усиление своих рядов, что достигается путем разграбления оружейных складов и других объектов (подробнее см.: [7]).

Ослабление единства страны обусловлено еще и тем, что ЗАПИГ ориентирована, среди прочего, на предоставление услуг населению с целью привлечения его к делу выстраивания Исламского халифата в западных и центральных районах Африки. В сельских районах ЗАПИГ зачастую выступает в качестве защитника населения от злоупотреблений властей, жандармерии, таможенников и т.д. и нередко предлагает молодым людям, готовым присоединиться к группировке, деньги «на женитьбу», таким образом вбивая клин между гражданами и правительством. Иногда бойцы этой фракции покупают, а не отнимают продукты у местных жителей, что заметно отличает их от боевиков «Боко Харам», которые предпочитали действовать исключительно силой. В то же время в районах, подконтрольных ЗАПИГ, сохраняется система суровых наказаний, одобряемых большинством правоверных мусульман, за участие в азартных играх, курение и употребление алкоголя [8].

Следует отметить, однако, что тактика налаживания контактов с мирными жителями, взятая ЗАПИГ на вооружение, имеет свои изъяны: во-первых, за годы деятельности «Боко Харам» население привыкло опасаться за свою жизнь и не доверять исламистам; во-вторых, «мирные» отношения с местными общинами сохраняются лишь до тех пор, пока они в состоянии «добровольно» снабжать боевиков всем необходимым. Поэтому масштабное бегство из зон действия ЗАПИГ продолжается, несмотря на обещания её лидеров обеспечивать безопасность мирных граждан. Впрочем, немалую роль с точки зрения получения поддержки населения играет и то обстоятельство, что многие боевики находят себе жен в местах дислокации, у них появляются дети, и таким образом упрочиваются родственные связи.

Группировка в состоянии поддерживать не только свою жизнедеятельность, но и экспансию на новые территории, полагаясь на доступные ресурсы. Боевики занимаются вымогательством, участвуют в незаконной торговле, похищениях людей с целью получения выкупа, т.е. активно развивают «экономику терроризма». Исламисты пытаются создать своего рода «пространство для экономической деятельности» с целью организации различных поборов. Например, ЗАПИГ получает с местных пастухов налог на каждое животное, но предоставляет безопасное место для выпаса. «Налоги» боевики предпочитают брать натурой – продуктами питания, зерном, горючим и т.д., т.е. поощряют экономическую активность, стараясь извлечь из этого выгоду¹³. Среди видов деятельности, также приносящих боевикам большие доходы, – угон скота с целью его продажи, рыболовство и похищения людей ради получения выкупа.

Главной проблемой, с которой сталкиваются местные жители в северных районах Нигерии, является то, что они постоянно оказываются между двух огней – исламисты считают их «агентами правительства», а власти обвиняют в сотрудничестве с боевиками. Поскольку военные далеко не всегда могут защитить население, оно предпочитает обходиться без присутствия армии: сотрудничество с террористами становится прагматичным и является тактикой выживания, что приносит пользу исламистам.

В свою очередь, правительство Бухари не смогло в эпоху террористической опасности и международного негодования в адрес экстремистских групп, действующих по всему миру, воспользоваться ситуацией, чтобы получить поддержку в раскрытии международных связей западноафриканских фундаменталистов. Меры, принимаемые властями Нигерии, не соответствовали степени влияния исламизма в стране. Поспешные, поверхностные и нескоординированные действия правительственных структур и армии, наряду с политизацией религии, препятствуют преодолению мощной угрозы национальной безопасности.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ

Годы, предшествовавшие выборам, были довольно тяжелыми и для экономики, и для социальной сферы: из-за последствий пандемии *COVID-19* страна переживала высокую инфляцию (19%¹⁴) на фоне масштабной безработицы и резкого роста цен на продукты питания. При Бухари дважды – в 2016 и в

¹³ <https://cn.reuters.com/article/us-nigeria-security-idUSKBN1I0063> (accessed 07.04.2023)

¹⁴ <https://www.bbc.com/news/world-africa-64431962> (accessed 02.04.2023)

2020 гг. – экономика впадала в рецессию, и хотя Нигерия и остается первой экономикой Африки с объемами ВВП в 2020 и 2021 гг. соответственно \$432 млрд и \$441 млрд, с оценочным объемом на 2022 г. \$470 млрд¹⁵ и с темпами роста 3,5%, более 70% населения живет за чертой бедности, а подушевой доход сократился с \$5,4 тыс. в 2015 г. до \$2,4 тыс. в 2021 г., что особенно неблагоприятно для страны, жители которой расходуют на продукты питания более 56% месячного бюджета¹⁶.

К концу 2022 г. общий долг Нигерии, по оценкам, вырос до \$172 млрд, и на его обслуживание уходит 80% бюджетных расходов. При Бухари, совмещавшем президентский пост с должностью министра нефтяной промышленности, доходы от этой отрасли сократились на 3,83%, а нефтяной сектор вырос всего на 1,31%. Из-за неэффективного управления, недостаточного инвестирования, возраста месторождений и хищений страна не смогла выполнить квоту ОПЕК по добыче «черного золота» и уступила первенство Анголе¹⁷.

Во время электоральных кампаний в Нигерии всегда возникают вопросы об инфраструктуре – отсутствии городского общественного транспорта, сильной изношенности автодорог, плохом состоянии электросети (лишь 55% населения имеют доступ к электричеству¹⁸). Всего 36% нигерийцев пользуются Интернетом: по этому показателю Нигерия отстает от многих стран Западной Африки.

Хотя при Бухари были реализованы некоторые инфраструктурные проекты (например, реконструкция международного аэропорта в Лагосе), теперь местные эксперты, возможно, чтобы лишний раз покритиковать правительство, утверждают, что они были слишком дорогостоящими для страны, особенно в условиях отсутствия их надлежащего обслуживания. Надо сказать, что Тинубу пообещал «модернизировать и расширить общественную инфраструктуру», заняв безработных на строительстве дорог и объектов водо- и энергоснабжения¹⁹. Определенные успехи, достигнутые им на этих направлениях во время пребывания на должности губернатора штата Лагос, позволяют предположить, что и в масштабах страны Тинубу сможет добиться существенного прогресса в инфраструктурной сфере.

Правление Бухари запомнится принятием ряда важных постановлений – консолидацией государственных финансов путем создания единого казначейского счета (2015); Законом о компаниях и смежных вопросах (2020), ослабившим регуляторную политику; Законом о нефтяной промышленности (2021) и др., а также ростом инвестиций в сельское хозяйство. Однако, стараясь держать в своих руках решение всех вопросов, Бухари избегал делегирования полномочий и так и не сумел добиться слаженной работы органов власти; в случаях же, когда из-за плохого здоровья он отлучался на лечение в Великобританию, работа правительства оказывалась парализована. При этом лояльность ценилась выше компетентности: за 8 лет Бухари уволил всего трех министров. Его руководство нельзя считать эффективным: в стране процветали лишь те отрасли и индустрии (IT, музыка, кино), которые оставались вне поля зрения властей.

Доля нигерийцев, недовольных тем, как развивается страна, за период с 1999 по 2022 г. удвоилась, а с 2019 по 2022 г. выросла более чем на 40% [9, p. 15]. Эта динамика совпала с углублением раскола между поколениями – в 220-миллионной Нигерии проживает более 65 млн человек в возрасте 10–24 лет, а 40% нигерийцев – моложе 15 лет. Однако появление этого «демографического бугра» не сопровождается ни ростом молодежного политического представительства, ни расширением возможностей занятости: безработица среди молодежи достигает 37%. Отчасти именно поэтому «молодой» Питер Оби получил наибольшую поддержку молодежи, усматривавшей в его кандидатуре возможность преодолеть гегемонию «старой гвардии» политиков.

Между тем угроза масштабного социального взрыва побудила власти принять в 2018 г. закон о снижении допустимого возраста кандидата в президенты с 40 до 35 лет²⁰, что, впрочем, на результатах выборов 2019 и 2023 гг. не сказалось: нигерийцы всё чаще выходят на улицы с протестами против политики, сформированной старшим поколением.

¹⁵ <https://ceicdata.com/en/indicator/nigeria/nominal-gdp#:~:text=Nigeria%20Nominal%20GDP%20reached%20128.6,bn%20in%20the%20previous%20quarter> (accessed 02.04.2023)

¹⁶ <https://take-profit.org/statistics/gdp/nigeria> (accessed 05.04.2023)

¹⁷ <https://t.me/cat0news/5829> (accessed 02.04.2023)

¹⁸ <https://www.bbc.com/news/world-africa-64431962> (accessed 02.04.2023)

¹⁹ <https://punchng.com/manifesto-tinubus-10-promises-to-nigerians> (accessed 02.04.2023)

²⁰ <https://edition.cnn.com/2018/05/31/africa/nigeria-not-too-young-to-run/index.html> (accessed 03.04.2023)

РОССИЙСКО-НИГЕРИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Приход к власти в Нигерии Болы Тинубу, активно участвовавшего в политической жизни страны при правлении М.Бухари и поддерживавшего уходящего президента во многих начинаниях, вряд ли приведет к кардинальным изменениям в отношениях между Москвой и Абуджей.

В настоящее время российско-нигерийское торгово-экономическое сотрудничество расширяется довольно быстрыми темпами: объем товарооборота вырос с \$36 млн в 2017 г. до \$920,7 млн в 2021 г. (на 2022 г. данных пока нет). Сальдо торгового баланса в 2021 г. сложилось в пользу России в размере \$846, увеличившись на 119% по сравнению с 2020 г. Доля Нигерии во внешнеторговом обороте РФ в 2021 г. составила 0,12% против 0,08% в 2020 г. По доле в российском товарообороте в 2021 г. Нигерия заняла 71-е место (в 2020 г. – 80-е). Экспорт РФ в Нигерию в 2021 г. составил \$883,4 млн, увеличившись на 108% по сравнению с 2020 г. (\$459,8 млн); импорт из Нигерии – \$37,3 млн. Доля Нигерии в экспорте России в 2021 г. составила 0,18% против 0,08% в 2020 г. По доле в российском экспорте в 2021 г. Нигерия заняла 58-е место (в 2020 г. – 99-е). Доля Нигерии в импорте России в 2021 г. – 0,01%, как и в 2020 г. По доле в российском импорте в 2021 г. Нигерия заняла 103-е место (в 2020 г. – 99-е).

Основными статьями российского экспорта в Нигерию в 2021 г. были минеральные продукты (57%), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (31,4%), продукция химической промышленности (8,6%), металлы и металлоизделия (1,4%), древесина и целлюлозно-бумажные изделия (1,25%). Из Нигерии в РФ вывозятся продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (98%) – в основном масличные семена, лекарственные и технические растения, рыба, овощи, корнеплоды и клубнеплоды, фрукты, орехи, кофе, чай, эфирные масла, каучук и др.²¹

Наиболее перспективными сферами развития российско-нигерийских экономических отношений представляются разведка и добыча углеводородов и твердых полезных ископаемых, поставки машиностроительной и химической продукции, авиационной техники, сотрудничество в области атомной энергетики и ИКТ.

Можно предположить, что в следующие (до очередных выборов) годы масштабы российско-нигерийского сотрудничества, прежде всего торгово-экономического, если и не будут (из-за антироссийских санкций и пр.) расширяться, то, скорее всего, сохранятся на нынешнем уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К выборам 2023 г. страна пришла с ухудшениями в области экономики и без улучшений в сфере безопасности. Хотя местные и международные наблюдатели отметили «отсутствие прозрачности и операционные сбои» в ходе голосования, в целом они были признаны состоявшимися, т.к. нарушения вписались в «разумные» – по африканским меркам – пределы.

Между тем фальсификация итогов голосования в некоторых районах побудила А.Абубакара, П.Оби, а также О.Обасанджо, поддержавшего последнего, поставить под сомнение результаты выборов и призвать Независимую национальную избирательную комиссию повторить этот процесс, на что ННИК ответила отказом. В свою очередь, это привело к дальнейшей дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в Нигерии. Парадоксально, но нестабильность возросла не в результате действий «Боко Харам», ЗАПИГ или сепаратистов Биэфры, а по итогам «демократических» электоральных процессов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Countdown Begins to Nigeria's Crucial 2023 Elections. ICG, 2022. <https://www.crisisgroup.org/africa/west-africa/nigeria/countdown-begins-nigerias-crucial-2023-elections> (accessed 03.04.2023)
2. Очерки партийной жизни в Тропической Африке. М.: ИАФР РАН, 2022. ISBN 978-5-91298-283-5
Essays on party life in Tropical Africa. Moscow: 2022. (In Russ.). ISBN 978-5-91298-283-5
3. Mitigating Risks of Violence in Nigeria's 2023 Elections. ICG, 2023. <https://www.crisisgroup.org/africa/west-africa/nigeria/311-mitigating-risks-violence-nigerias-2023-elections> (accessed 04.04.2023)
4. Денисова Т.С. Нигерия: итоги первого срока президентства Мухаммаду Бухари и всеобщие выборы 2019 года. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 8. С. 37–42. DOI: 10.31857/S032150750005775-4

²¹ <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-nigeriey-v-2021-g> (accessed 03.04.2023)

- Denisova T.S. Nigeria: the Results of Muhammadu Buhari's First Presidential Term and the 2019 General Election. *Asia and Africa today*. 2019. № 8. Pp. 37–42. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750005775-4
5. Жамбиков А.М. Вооруженный конфликт в Сахельском регионе и усилия ЭКОВАС по его урегулированию. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2022. № 4. С. 100–114. DOI: 10.31132/2412-5717-2022-61-4-100-114
Zhambikov A.M. The Armed Conflict in the Sahel Region and Efforts of the ECOWAS to Settle it. *Journal of the Institute for African Studies*. 2022. № 4. Pp. 100–114. (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2022-61-4-100-114
  6. Niger and Boko Haram: Beyond Counter-Insurgency. ICG, 2017. <https://www.crisisgroup.org/africa/west-africa/niger/245-niger-and-boko-haram-beyond-counter-insurgency> (accessed 05.04.2023)
  7. Денисова Т.С., Костелянец С.В. Раскол в «Боко Харам» и его последствия для региона бассейна озера Чад. *Контуры глобальных трансформаций*. 2021, № 2. С. 214–230. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-12
Denisova T.S., Kostelyanets S.V. 2021. The Split in Boko Haram and Its Impact for the Lake Chad Basin Region. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. № 2, pp. 214–230. (In Russ.). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-12
  8. Mahmood O.S., Ani N.C. Factional Dynamics within Boko Haram. Pretoria: Institute for Security Studies, 2018. <https://issafrica.org/research/books-and-other-publications/factional-dynamics-within-boko-haram> (accessed 04.04.2023)
  9. Husaini S. Nigeria's 2023 Election: Democratic Development and Political Fragmentation. Sub-Saharan Africa Center, 2023. https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/nigeria-election_husaini_fev2023.pdf (accessed 04.04.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Денисова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatyana S. Denisova, PhD (History), Leading Researcher, Head, Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Костелянец Сергей Валерьянович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН; доцент, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

Sergey V. Kostelyanets, PhD (Political Science), Leading Researcher, Head, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 10.03.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.04.2023

Принята к публикации
(Accepted) 25.05.2023

DOI: 10.31857/S032150750026135-0

Дефиниции с префиксом «нарко-» и реальные проблемы Западной Африки

© Пономарев И.В.^а, 2023

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8848-3750; iliaponomarev@inafr.ru

Резюме. Проблема наркотрафика обсуждается в научной литературе уже достаточно давно, она приобрела два измерения: политическое и научно-практическое. Первое раскрывается в статье путем анализа идеологически ориентированных научных исследований, второе – обращением к широкому спектру данных по Западной Африке.

Сильная политизированность источников вызывает необходимость особым образом разделить два уровня анализа: общий и контекстный. Поэтому акцент сделан на Центральном Сахеле: этот регион переживает сильные социальные трансформации, и важно установить, какое место в них занимает наркотрафик.

В Западной Африке транспортировка кокаина и гашиша имеет мало общего с распространенными клише. Наркотрафик опирается на глубоко укоренные в социальной ткани родственные сети, занимавшиеся и ранее контрабандой. Реификация понятий политизированного типа (наркотерроризм, наркогосударство и др.) используется в идеологических целях.

Ключевые слова: наркотрафик, Западная Африка, наркотерроризм, США, Центральный Сахель, кокаин, гашиш

Для цитирования: Пономарев И.В. Дефиниции с префиксом «нарко-» и реальные проблемы Западной Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 6. С. 30–38. DOI: 10.31857/S032150750026135-0

The Definitions with a Prefix 'Narco-', and a Real Conundrum in West Africa

© Iliia V. Ponomarev^a, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8848-3750; iliaponomarev@inafr.ru

Abstract. The problem of drug trafficking has been discussed, taking two dimensions in historiography: political and heuristic-practical. While the first is dealt with in the article by revealing some cases of policy-guided research agendas, the second is explored on the example of West Africa.

To give address to these problems, the paper distinguished different levels of analysis: apprehending of social context, strata analysis, and careful generalizing. Central Sahel takes a special attention – the region has suffered great social transformations and the question is what place has trafficking had in these processes.

In West Africa, the trafficking of cocaine and hashish is incongruent with existing simplistic stereotypes. It has relied on preexisting smuggling networks and deeply engaged with local social structures, maintaining business as usual. Reification of politicized concepts ('narco-terrorism', 'narco-states', etc.) has been utilised to advance political agenda.

Keywords: drug trafficking, West Africa, narco-terrorism, USA, Central Sahel, cocaine, hashish

For citation: Ponomarev I.V. The Definitions with a Prefix 'Narco-', and a Real Conundrum in West Africa. *Asia and Africa today*. 2023. № 6. Pp. 30–38. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750026135-0

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной науке проблема международной наркоторговли, в т.ч. на Африканском континенте, затрагивалась неоднократно [1; 2; 3].

С научной точки зрения эта проблема, и тем более связанные с ней дефиниции, должна была бы привлекать внимание преимущественно узких специалистов. Однако ровно 40 лет назад президент Перу Фернандо Терри своим авторитетом закрепил в массовом сознании термин «наркотерроризм» [4, pp. 2–3], а уже в 1984 г. администрация Р.Рейгана превратила его в рамочную концепцию, послужившую для оправдания вмешательства в суверенные дела латиноамериканских стран.

Эпоха холодной войны порождает схожие идеологемы: если американские исследователи склонны были видеть в наркоторговле, прежде всего, подрывную руку Москвы, действовавшую против США через союзные ей режимы в Латинской Америке, то советские ученые характеризовали её как подрывную деятельность в социалистическом лагере и других странах со стороны ЦРУ (см., напр.: [5; 6]).

С тех пор возможная «смычка» между терроризмом и криминалитетом неоднократно обсуждалась в научной литературе, политиками и прессой – далеко не в последнюю очередь на примере Западной Африки. Ученые разделились на сторонников концепции «смычки» и более критически настроенных оппонентов. Проблема приобрела два измерения: политическое и научно-практическое.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ПОЛИТИКА

Термин «наркотерроризм» стал одним из наиболее распространенных клише сначала в США и только затем, в ходе «войны с террором», был спроецирован на Западную Африку.

Как показывают А.Х.Миллер и Н.А.Дамаск (США), начиная с 1984 г. и правые, и левые политические силы страны по-своему эксплуатировали «миф о наркотерроризме» [7]. Для администраций Р.Рейгана и Дж.Буша-старшего, которые и стояли за его созданием, он был необходим для оправдания «военного вмешательства в дела южных соседей Америки» под предлогом «войны с наркотиками» [7, pp. 120–121]. Что касается левых политических кругов США, то они обыгрывали «наркотерроризм» как уловку правых, «созданную исключительно для того, чтобы подорвать левоориентированные повстанческие движения» [7, p. 127].

Ученые приходят к выводу, что концепция «наркотерроризма», имея «диффузные предпосылки для политики», породила «нереалистичные ожидания и плохую политику» [7, pp. 119, 129]. Однако достаточно обратиться к документам Конгресса США, чтобы увидеть, что «диффузные предпосылки» концепции «наркотерроризма» были весьма выгодны для прикрытия хорошо продуманной политики¹.

Неадекватность концепции «наркотерроризма» была продемонстрирована на примере самых разных стран (см., напр.: [4]).

Особое внимание исследователей привлек Центральный Сахель, в связи с которым «миф о наркотерроризме» продолжает эксплуатироваться как западным, так и африканским истеблишментом [8; 9, p. 9]. Например, на «наркотеррористическую угрозу» неоднократно указывал осенью–зимой 2012 г. видный французский политик Лоран Фабью². Став в тот год министром иностранных дел, он приложил немало усилий, чтобы подготовить общественное мнение к французской военной интервенции в Мали. С другой стороны, и западноафриканские политики не раз акцентировали эту угрозу, т.к. на борьбу с ней западные страны выделяют щедрые средства [9, p. 3; 10, p. 337].

Критические научные работы оказывают мало влияния на риторику политиков, и этому есть причины, опять-таки уходящие корнями в прошлое.

В середине 1990-х гг., при администрации Б.Клинтона, концепция «наркотерроризма» была переформатирована: нужна была новая идея, которая бы отвечала более глобальным устремлениям США. Американские политтехнологи стали говорить о слиянии различных «международных угроз»: терроризма, наркотрафика, кибервойн, организованной преступности и распространения оружия массового поражения, – но делая особый акцент на «криминально-террористических гибридах» [11, pp. 185–186].

После событий 11 сентября 2001 г. концепция «наркотерроризма» была возрождена новой администрацией. Госдепартамент США прямо заявил о необходимости интеграции «войны с наркотиками» и «войны с террором». Сразу же нашлись ученые, которые стали обосновывать эту идеологему. Например, М.Кенни (США) подчеркивал: «Действительно, представители разведслужб США утверждают,

¹ U.S.Senate. 1989. Drugs, law enforcement and foreign policy. A report prepared by the Subcommittee on terrorism, narcotics and international operations of the Committee on foreign relations. December 1988. Washington.

² См., напр.: Barluet A. Fabius pointe la «menace narcoterroriste». *Le Figaro*, 09.12.2012. <https://www.lefigaro.fr/international/2012/12/09/01003-20121209ARTFIG00205-fabius-pointe-la-menace-narcoterroriste.php> (accessed 07.02.2023)

что антинаркотические ударные рейды в Колумбии в 1990-е гг. служат сегодня в качестве модели для антитеррористических операций в Афганистане, Пакистане, Йемене и на Филиппинах» [12, p. 187].

По мысли М.Кенни, США должны создавать в других странах как можно больше «натренированных, суперэкипированных антитеррористических ударных групп», выведенных из-под «излишнего контроля» властей [12, pp. 201–203]. Такие группы в 10–12 человек и были сформированы под эгидой Администрации по борьбе с наркотиками (*Drug Enforcement Administration – DEA*) при поддержке ФБР, ЦРУ и других спецслужб США [13, p. 80]. Среди госорганов США именно *DEA* играет важную роль в концептуализации «наркотерроризма»³.

В Западной Африке *DEA* осуществила несколько провокаций. Её агенты выдавали себя за представителей «наркокартелей» при контактах с африканцами, не занимавшимися ранее наркоторговлей: в результате были арестованы и экстрадированы в США несколько граждан. Например, в суде Нью-Йорка троем *несостоявшимся* наркотрафикантам из Республики Мали были предъявлены обвинения в «наркотерроризме»⁴, которые впоследствии, однако, не подтвердились⁵. Произвол, с которым действовали судебные органы США с подачи *DEA*, проявился в деле российского пилота Константина Ярошенко, арестованного в Либерии и осужденного судом Нью-Йорка на 20 лет тюремного заключения только за одно предварительное согласие на сотрудничество с *несостоявшимся* наркоторговцем [14, pp. 13–14].

Риторика ученых в США повела за собой некоторых европейских исследователей, которые стали рассуждать об «угрозе наркотерроризма», хотя и с разной долей критичности (см., напр.: [15; 16]). Совпадение их аргументации и терминологии с политизированным дискурсом свидетельствует, что они исполняли социальный заказ. Их построения о нексе (лат. смычка) между терроризмом и криминалитетом (*crime-terror nexus*) отличались выявлением поверхностных (фенотипических) характеристик при игнорировании контекста. Вскоре появились схожие работы ученых из других мировых регионов (см., напр.: [17]). Но даже те работы этого направления, в которых применяется более контекстный подход, страдают поверхностностью описаний, например в отношении Центрального Сахеля [18].

При приходе к власти администрации Б.Обамы с новой силой начала отстаиваться концепция о «слиянии угроз» [11, p. 184], т.е. всё того же «наркотерроризма», но в терминах адептов Демократической партии (см. выше). Такие американские ученые, как Д.Т.Пикарелли, уделили немало усилий её обоснованию. Утверждая, что «некоторые организованные криминальные и террористические группы слились или трансформировались в новые гибридные организации» [11, pp. 185–187], он, однако, не приводит конкретных примеров.

Все эти тенденции политизации научных исследований выступают особенно резко, если учесть, что параллельно им шла критика концепции «смычки» между терроризмом и криминалитетом. Если в одних научных работах она была достаточно скромной [19], то другие прямо поставили под сомнение саму концепцию [4, 9; 20]. Особо следует отметить исследование, продемонстрировавшее отсутствие прочных связей между терроризмом и криминалитетом в Африке южнее Сахары [21].

Дефиниции с префиксом «нарко-» разнообразны, и многие из них вызывают обоснованную критику. Остановимся далее на самых известных и релевантных по отношению к Западной Африке.

В работе П.-А.Шуви (Франция) показано, что термин «наркогосударство» используется для тех же политических целей, о которых шла речь выше: «иллюзорность этого термина» и его произвольное «наклеивание в качестве ярлыка» политиками «могут служить интересам иностранных держав, делегитимизируя конкретные режимы и государства, оправдывая различные формы интервенции и политического вмешательства» [22, p. 1]. Ученый предлагает 3 критерия для отнесения конкретной страны к «наркогосударству»: «масштабы площадей, занятых под выращивание незаконных наркосодержащих растений; доля доходов от незаконного оборота наркотиков в общей экономике; и самый важный – организация самим государством незаконного производства и/или транспортировки наркотиков» [22, p. 10]. Рассмотрев наиболее яркие примеры, включая Гвинею-Биссау и Марокко, Шуви при-

³ См., напр.: U.S.Senate. 2003. Narco-terror: The worldwide connection between drugs and terrorism. Hearing before the Subcommittee on technology, terrorism, and government information of the Committee on the judiciary. 13 March 2002. Washington.

⁴ US District Court. 2009. USA vs. O.Issa, H.Touré, and I.Abdelrahman, defendants. Indictment 09 CRIM 1244. Southern District of New York.

⁵ Weiser B. Citing terror defendants' motivation, judge shows sentencing leniency. *The New York Times*, 22.11.2012. <https://nytimes.com/2012/11/23/nyregion/judges-ruling-in-qaeda-terror-case-open-ideology-debate.html> (accessed 07.02.2023)

ходит к выводу, что по данным критериям ни одна страна мира не может считаться «наркогосударством».

Несколько иным путем пошел в своем исследовании Ф.Страззари (Италия), демонстрируя, что ярлык «наркогосударство» часто бывает связан с концептом «неудавшихся/слабых государств», широко употребляемым в официальных госдокументах и политизированных научных работах в Европе и США [23]. Подробно рассмотрев ситуацию в Гвинее-Биссау и Марокко, он заключает: «Эмпирический анализ обоих случаев показывает, что образ, представляющий неудавшиеся государства как захваченные неким чужеродным агентом, называемым (международная) организованная преступность, искажен ошибочными и неадекватными представлениями, хотя постоянная пропаганда в политических и научных кругах превратила его почти в *клише*» [23, р. 27].

Как в этой, так и в других работах, написанных совместно с норвежскими коллегами, Ф.Страззари старается показать, что концепты «слабых государств» и «неконтролируемых территорий» служат для оправдания западного вмешательства в дела суверенных государств Африки. Особенно наглядно эти выводы подтверждаются в отношении Республики Мали и других стран Центрального Сахеля [24; 25].

Различные исследователи указывают, что в Западной Африке никогда не было ощутимого присутствия латиноамериканских «наркокартелей», а сам этот термин едва ли применим к локальным акторам [23; 26, р. 15; 27, р. 9]. В этой связи стоит упомянуть, что его адекватность для описания во многом изменившейся ситуации и в Латинской Америке ставилась под сомнение (см., напр.: [28]).

Наконец, последние 10 лет популярными клише в Центральном Сахеле стали термины «наркоджихадисты» и «наркосепаратисты» [29, pp. 25–26]. После всего сказанного едва ли стоит упоминать об их политической ангажированности, которую отмечают многие исследователи [9; 25; 27; 30]. Достаточно указать на их прямую связь с дискурсом о «наркотерроризме», в частности на одну из его опорных тем о «наркоповстанцах», уже давно разрабатываемую американскими учеными (см., напр.: [31]). На настоящий момент только отдельные небольшие сегменты сложной мозаики движения джихада в Центральном Сахеле могут быть косвенно связаны с наркотрафиком [32].

Таким образом, термины с префиксом «нарко-» несут на себе идеологическую нагрузку и в некоторых научных исследованиях. Такие работы активно ссылаются друг на друга, чтобы создать впечатление научной обоснованности своей аргументации.

Большой корпус научной литературы по проблеме наркоторговли в Западной Африке составляют экспертные доклады, официально публикуемые под грифом специализированных исследовательских институтов. Многие из них нерелевантно воспринимают те или иные дефиниции, не до конца отсекая сенсационные преувеличения, распространенные в прессе [29; 33; 34; 35; 36; 37]. Однако до некоторой степени их можно верифицировать, сопоставляя с другими работами и источниками. Этому должен способствовать и контекстный подход, реализуемый далее путем введения двух уровней анализа проблемы: более общего по всей Западной Африке, более детального по Центральному Сахелю.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАРКОТРАФИКА В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ

По оценке Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), в 2004–2010 гг. через Западную Африку ежегодно проходило от 3 до 47 т кокаина [38, р. 27; 39, р. 18]. В следующем десятилетии тоннаж, по-видимому, стабилизировался на 18–23 т в год, хотя в 2019–2021 гг. наблюдался некоторый рост⁶.

Однако не раз отмечалось, что эти цифры опираются по большей части на тоннаж перехваченного кокаина, по которому затруднительно оценивать реальные объемы наркотрафика [40, р. 3; 33, pp. 212–213]. Указывалось и на тенденциозность представления данных даже в официальных отчетах по наркоконтролю, в т.ч. УНП ООН [41, pp. 10, 13; 42, pp. 3–5]. Это ставит перед необходимостью проверки каждого факта в 7–8 источниках, что и было сделано, однако из-за ограниченного объема журнальной публикации далее приводится не более трех ссылок подряд.

⁶ World Drug Report (далее – WDR). 2021. Drug market trends: cocaine, amphetamine-type stimulants. Vienna: UNODC. Pp. 20–21; Africa Organised Crime Index. 2021. Evolution of crime in a Covid world. A comparative analysis of organised crime in Africa, 2019–2021. EU: ENACT. Pp. 21, 102.

Самые крупные производители кокаина в Латинской Америке – Колумбия, Боливия и Перу, однако 70% его поставок в Западную Африку идет через Бразилию [38, pp. 8, 29–30; 39, p. 12]⁷. Трудно сказать, в каких африканских странах принимают больше нарковеществ – за последние 20 лет разные страны выходили на первый план по количеству перехваченного кокаина. Однако суммируя эти данные с другими факторами, можно выделить Гвинею-Биссау, Марокко и Нигерию (см., напр.: [38, pp. 29–41])⁸.

Африканские страны-реципиенты, имеющие выход к Атлантике, следует разбить на 3 группы.

Наиболее тесные культурно-экономические связи и, соответственно, интенсивный наркотранзит существуют внутри следующих пар стран: Гвинея-Биссау и Острова Зеленого Мыса, Марокко и Мавритания, Сенегал и Гамбия. Ко второй менее консолидированной группе условно можно отнести Гвинею, Либерию и Сьерра-Леоне. Наконец, страны Бенинского залива составляют 3-ю группу – Нигерия и Бенин, Гана и Того [39, pp. 9–14]⁹.

В дальнейшей переброске кокаина в Европу задействована вся Западная Африка, т.к. страны Центрального Сахеля (Мали, Нигер, Буркина-Фасо) играют роль транзитного коридора для всех трех указанных групп [39, pp. 14–15]¹⁰. Однако роль Центрального Сахеля этим не ограничивается. Если в первом десятилетии XXI в. самым распространенным способом переброски кокаина из Латинской Америки в Западную Африку были морские контейнеры, то во втором стали использоваться средние и малогабаритные самолеты (с дополнительными баками), способные садиться на самодельные взлетно-посадочные полосы [38, pp. 26–32; 39, pp. 11–13]¹¹. Поэтому Центральный Сахель с его огромными пустынными областями оказался альтернативным реципиентом «товара».

Для транспортировки кокаина из Латинской Америки в Западную Африку более характерны крупные партии, однако его последующая доставка в Европу осуществляется по-разному, иногда и силами 1–2 курьеров. Используются самолеты, поезда, автомашины, скоростные катера и даже самодельные одноместные подводные лодки. Кокаин переправляется не только в Испанию, Португалию и Италию, но и на Балканы и Ближний Восток [38, pp. 33–34]¹². Статистика по задержанию курьеров из стран Африки в больших европейских аэропортах показывает, что рост их числа пришелся на середину первого десятилетия XXI в., но затем началось резкое снижение [39, p. 14]¹³. Усиление контроля в аэропортах по отношению к прибывающим из Западной Африки также стало одной из причин интенсификации наземного пути через Сахару.

Такова динамика наркотрафика, если опираться преимущественно на официальные документы УНП ООН. Однако за ней скрывается масса деталей и подводных камней, которые при незнании контекста в африканских странах могут ввести в заблуждение. Во избежание этого при дальнейшем анализе будут сопоставляться данные различных источников, но с особым акцентом на Центральном Сахеле.

Для быстрого формирования наркотрафика кокаина в этом регионе существенную роль сыграл опыт некоторых кланов марокканских, западно-сахарских и мавританских арабов и берберов, и ранее занимавшихся нелегальной транспортировкой гашиша, оружия и автозапчастей [32; 42, pp. 7–16; 23, pp. 20–24]. Ему также способствовали и родственные связи контрабандистов, доставлявших бензин, сухое молоко, кускус и другие субсидируемые в Алжире и Ливии товары [37, pp. 1–4; 10, pp. 206, 318]. В этом нелегальном бизнесе было занято сравнительно ограниченное количество *локальных* акторов, как правило, хорошо знавших друг друга и имевших связи среди таможенников и других госслужащих низкого ранга [43; 44].

К 2004 г. тоннаж транспортируемого через Западную Африку кокаина стал превышать 3 т, а затем стал стремительно расти. Для сравнения обычно указывают, что стоимость одной его тонны на черных рынках Европы больше или сопоставима с годовыми военными расходами беднейших стран Западной Африки [39, p. 18; 38, p. 27]. Однако следует учитывать, что его африканский транзит приносит не

⁷ WDR. 2022. Drug market trends: cocaine, amphetamine-type stimulants, new psychoactive substances. New York & Vienna: UNODC. Pp. 15–27.

⁸ WDR. 2022. Drug market trends... Pp. 26–29.

⁹ WDR. 2021. Drug market trends... Pp. 21–22, 30–31.

¹⁰ WDR. 2022. Global overview. Drug demand, drug supply. New York & Vienna: UNODC. P. 65.

¹¹ Transnational trafficking and the rule of law in West Africa. A threat assessment. 2009. Vienna: UNODC. Pp. 13–15.

¹² Cocaine: A European Union perspective in the global context. 2010. Luxembourg: EUROPOL; Overview of serious and organized crime in North Africa. 2018. Lyon: INTERPOL. Pp. 10–11.

¹³ Transnational trafficking... Pp. 16–17.

столь уж баснословные доходы, т.к. бóльшую часть всей прибыли получают торговцы в Европе [41, р. 13]. И всё-таки из-за роста наркотрафика за какие-нибудь 10 лет ситуация в Западной Африке в корне изменилась.

Во-первых, в него оказались вовлечены отдельные высокопоставленные чиновники, военные, политики, но опять-таки всё строилось на родственных связях и часто замыкалось на конкретное лицо или клан [34, pp. 22–37; 45, pp. 308–313; 37, pp. 36–39]. В Центральном Сахеле доходы от наркотрафика дают отдельным представителям локальных элит преимущество в борьбе за поддержку населения, т.к. часть из них идет на оплату образования и медицинского обслуживания для бедных членов общины, строительство мечетей и другие социальные нужды [40, pp. 11–12]¹⁴. Теневые доходы оказали влияние и на электоральную обстановку, приводя иногда к кровавым столкновениям во время выборов [27, р. 13; 41, pp. 17–18; 29, pp. 21–22].

Во-вторых, транспортировка нарковеществ стала осуществляться по длинной цепи посредников или крупными партиями [14; 43, pp. 81–87; 23, pp. 23–24]. Партии товара от 2 до 7 т гашиша (реже марихуаны), еще 10 лет назад бывшие редкостью, все чаще и чаще перехватываются в самых разных районах Сахеля и Магриба [37, pp. 94–95]¹⁵. Одной из причин этого стало то, что теперь кокаин может обмениваться на гашиш, часть которого затем отправляется с обратным рейсом через Атлантику¹⁶. Основным производителем гашиша на Африканском континенте остается Марокко (до 700 т в год), тогда как в поставках марихуаны в Центральный Сахель растет роль стран Тропической Африки¹⁷.

Диверсификация путей и способов доставки нарковеществ отражает использование теневым бизнесом не только родственных связей, но и маркетинговых технологий. В этой ситуации оптовым поставщикам совсем не обязательно знать, куда направится проданная продукция; оптовая поставка может быть расфасована для перепродажи на более мелкие партии, расходящиеся в разных направлениях; чтобы увеличить прибыли, на каждом этапе в нарковещества могут быть добавлены примеси (мука, анальгин, сахарная пудра) [40, р. 5; 33, pp. 218–219]¹⁸.

Увеличившиеся объемы наркотрафика потребовали усиления вооруженной защиты караванов от нападений конкурентов [43, р. 88; 35, pp. 31–32]. Именно поэтому в него оказались вовлечены отдельные кланы туарегов, с детства привыкших к обращению с огнестрельным оружием [45, р. 315; 46, pp. 128–129]. Для охраны караванов стали использоваться джипы «Тойота» с крупнокалиберными пулеметами, приваренными к кузову типа пикап: столкновения между конкурентами стали намного более кровавыми [40, pp. 7, 12]¹⁹, хотя говорить о «нарковойнах» в Сахеле еще рано.

Если гашиш широко употребляется мусульманским населением, заменяя во многом алкогольные напитки, то кокаин в основном уходит в Европу, хотя его потребление растет и в Западной Африке [46, pp. 126–129]²⁰. Эти нарковещества транспортируются в самых разных направлениях: маршруты пролегают по пустыне Сахара вдоль границ между Мавританией, Мали, Алжиром, Нигером, Чадом и Ливией [40, pp. 6–9; 35, pp. 12, 26; 45, pp. 310–313]. Современная техника (джипы и *GPS*²¹) позволяет обходить редкие кордоны на дорогах, прокладывая маршруты по пересохшим руслам рек даже в незнакомой местности [26, р. 14; 44, pp. 147–159].

Наркотрафик нередко сочетается с перевозкой нелегальных мигрантов, контрабандой оружия и других товаров [37, pp. 13–65]²². Основные доходы теневые бизнесмены вкладывают в недвижимость, коммерческие и финансовые предприятия, владельцами которых, как правило, являются их родственни-

¹⁴ International Crisis Group (далее – ICG). 2018. Drug trafficking, violence and politics in northern Mali. Brussels: ICG. P. 6.

¹⁵ UN Security Council. 2020. Final report of the Panel of Experts established pursuant to Security Council resolution 2374 (2017) on Mali and renewed pursuant to resolution 2484 (2019), S/2020/785. New York: UNSC. Pp. 25–28.

¹⁶ Overview of serious and organized crime... Pp. 9–10. International Narcotics Control Strategy Report. 2019. Drug and chemical. Vol. 1. Washington: U.S. Department of State. P. 216.

¹⁷ WDR. 2018. Global overview of drug demand and supply. Vienna: UNODC. Pp. 54–57; ICG. 2018. Drug trafficking... Pp. 3–4, 19; UN Security Council. 2018. Final report of the Panel of Experts established pursuant to Security Council resolution 2374 (2017) on Mali, S/2018/581. New York: UNSC. P. 31.

¹⁸ Overview of serious and organized crime... P. 14.

¹⁹ ICG. 2018. Drug trafficking... P. 5.

²⁰ WDR. 2022. Global overview... Pp. 16, 29.

²¹ Глобальная система позиционирования.

²² Africa Organised Crime Index. 2021... Pp. 99–101.

ки [39, pp. 11–16; 42, p. 14]²³. Реальный образ современных африканцев, так или иначе связанных с наркоторговлей, сильно отличается от стереотипов прошлого: среди них немало юристов, депутатов и других людей с высшим образованием [29, pp. 12–29; 40, pp. 11–12].

Таким образом, основными действующими лицами описанной драмы были и остаются локальные акторы, не порывающие связей с социальной тканью, а совсем не «организованная преступность» традиционного типа: основанная на иерархии и живущая по своим «законам». Именно поэтому их описание с помощью категорий «наркобароны» и «наркокартели» создает превратное впечатление.

Наконец, есть и глобальные причины расширения наркорынка и теневой экономики в Западной Африке. Они связаны с ослаблением госсектора и силовых структур, произошедшим из-за навязанных коллективным Западом программ политической децентрализации и экономической «либерализации» [47; 40, p. 12]. В результате этих «структурных реформ» в Западной Африке резко возросли нелегальные перевозки товаров и людей через границы, что открыло дорогу и самым разнообразным наркотикам [36; 35, pp. 17–19]. Контрпродуктивным оказалось и вмешательство Запада в дела стран Африки под предлогом борьбы с «наркоугрозой», т.к. «международные стратегии по борьбе с наркоторговлей часто влекут за собой негативное воздействие на затронутые наркотрафиком страны, усугубляя существующие недостатки госаппарата и социоэкономические трудности» [41, pp. 10, 21–22].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Транспортировка кокаина и гашиша в Западной Африке – это лишь часть нелегальных трансграничных перевозок, которые и ранее были единственным источником существования для многих локальных этнических общин. Однако за последние 20 лет наркотрафик обоих нарковеществ привел к расширению теневой экономики, в которую в разной степени вовлечены политические и этнические элиты, таможенные и правоохранительные органы, легальный бизнес и госчиновники. Эти акторы практически не объединяются в иерархические структуры, характерные для организованной преступности, а переброска нарковеществ нередко осуществляется по длинной цепи посредников, в которой отдельные звенья не имеют информации друг о друге.

Деятельность наркоторговцев, хорошо интегрированных в социальную ткань Западной Африки, не совпадает с представлениями, укорененными в массовом сознании благодаря СМИ и поп-культуре. Реальная ситуация выглядит совершенно иным образом, чем это подразумевается при использовании терминов «наркотерроризм», «наркогосударство», «наркоджихадизм» и даже «наркобароны» и «наркокартели». Особенно четко это видно на примере Центрального Сахеля, который является транзитным коридором для всей Западной Африки. Ключом к пониманию происходящего может служить только детальный анализ этнополитических факторов в отдельных странах, поэтому обрисованная картина не может претендовать на исчерпывающую полноту.

Данная статья не имела целью доказать, что наркоторговцы и террористы не прибегают к сотрудничеству, что первые и вторые не могут комбинировать террор и нелегальный бизнес, что мотивы обоих этих акторов не могут до какой-то степени сочетаться. Дело совсем в другом – эти процессы и их концептуализация часто используются западными политиками и учеными для обоснования идеологических целей в рамках избранного политического курса, для оправдания вмешательства в дела суверенных стран.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бражалович Ф.Л. Географические особенности наркорынков в Азии и Африке. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 9. С. 18–24. DOI: 10.31857/S032150750000687-7
Brazhalovich F.L. 2018. The Geographical features of illegal markets in Asia and Africa. *Asia and Africa today*. № 9. Pp. 18–24 (In Russ.). DOI:10.31857/S032150750000687-7
2. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Наркотрафик через Африканский континент – новый вызов европейской безопасности. *Современная Европа*. 2018. № 6. С. 40–50.
Abramova I.O., Fituni L.L. 2018. Trans-African trafficking of illicit drugs: A new challenge to European security. *Contemporary Europe*. № 6. Pp. 40–50. (In Russ.)

²³ ICG. 2018. Drug trafficking... Pp. 9, 11.

3. Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь Мир, 2005.
Stepanova E.A. 2005. The role of narco-business in political economy of conflicts and terrorism. Moscow. (In Russ.)
4. Gomis B. 2015. Demystifying ‘narcoterrorism’. Policy Brief. № 9. Swansea: GDPO.
5. Ehrenfeld R. *Narco-terrorism*. New York: Basic Books, 1990.
6. Зеленский Ю.И. Контрабанда – язва империализма. М.: Международные отношения, 1985.
Zelensky Y.I. 1985. *Contraband – the peril of imperialism*. Moscow. (In Russ.)
7. Miller A.H., Damask N.A. 1996. The dual myths of ‘narco-terrorism’: how myths drive policy. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 8 (1), pp. 114–131.
8. Pellerin M. 2014. Narcoterrorism: beyond the myth. *Re-mapping the Sahel: Transnational security challenges and international responses*, ed. by C.Barrios, T.Koepf. Paris: ISS. Pp. 25–31.
9. Lacher W. 2013. Challenging the myth of the drug-terror nexus in the Sahel. Accra: WACD.
10. Lecocq B. 2010. *Disputed desert. Decolonisation, competing nationalisms and Tuareg rebellions in Northern Mali*. Leiden: Brill.
11. Picarelli J.T. 2012. Osama bin Corleone? Vito the Jackal? Framing threat convergence through an examination of transnational organized crime and international terrorism. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 24 (2). DOI: 10.1080/09546553.2011.648349
12. Kenney M. 2003. From Pablo to Osama: Counter-terrorism lessons from the war on drugs. *Survival*. Vol. 45, № 3, pp. 187–206.
13. Mullins S., Wither J.K. 2016. Terrorism and organized crime. *Connections QJ*. Vol. 15 (3). DOI: 10.11610/Connections.15.3.06
14. Berghezan G. 2012. Panorama du trafic de cocaïne en Afrique de l’Ouest. Bruxelles: GRIP.
15. Makarenko T. 2004. The crime-terror continuum: Tracing the interplay between transnational organised crime and terrorism. *Global Crime*. Vol. 6 (1), pp. 129–145. DOI: 10.1080/1744057042000297025
16. Björnehed E. 2004. Narco-terrorism: The merger of the war on drugs and the war on terror. *Global Crime*. 2004. Vol. 6 (3&4), pp. 305–324. DOI: 10.1080/17440570500273440
17. Wang P. 2010. The crime-terror nexus: Transformation, alliance, convergence. *Asian Social Science*. Vol. 6 (6).
18. Teirilä O.J. 2014. The challenges to cooperation posed by the nexus of terrorism and organized crime: Comparing the situations between the Andean and the Sahel regions. *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 37 (1). DOI: 10.1080/1057610X.2014.853605
19. Hutchinson S., O’Malley P. 2007. A crime-terror nexus? Thinking on some of the links between terrorism and criminality. *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 30 (12). DOI: 10.1080/10576100701670870
20. Bencherif A. 2018. Le ‘crime-terror nexus’: Apories et limites d’une innovation conceptuelle. *Délinquances et innovations*, ed. by D.Décary-Héту, M.Bérubé. Montréal: l’Université de Montréal. Pp. 207–223.
21. Hübschle A. 2011. From theory to practice: Exploring the organised crime-terror nexus in Sub-Saharan Africa. *Perspectives on Terrorism*. Vol. 5 (3–4), pp. 81–95.
22. Chouvy P.-A. 2015. The myth of the narco-state. *Space and Polity*. Vol. 20 (1). DOI: 10.1080/13562576.2015.1052348
23. Strazzari F. 2014. Captured or capturing? Narcotics and political instability along the “African route” to Europe. *European Review of Organised Crime*. Vol. 1 (2).
24. Whitehouse B., Strazzari F. 2015. Introduction: Rethinking challenges to state sovereignty in Mali and northwest Africa. *African Security*. Vol. 8 (4). DOI: 10.1080/19392206.2015.1100498
25. Bøås M., Strazzari F. 2020. Governance, fragility and insurgency in the Sahel: A hybrid political order in the making. *The International Spectator*. Vol. 55 (4). DOI: 10.1080/03932729.2020.1835324
26. Ba B., Bøås M. 2017. Mali: A political economy analysis. Oslo: NIIA.
27. Tinti P. 2020. Drug trafficking in northern Mali. A tenuous criminal equilibrium. EU: ENACT.
28. Kenney M. 2007. The architecture of drug trafficking: Network forms of organisation in the Colombian cocaine trade. *Global Crime*. Vol. 8 (3), pp. 233–259. DOI: 10.1080/17440570701507794
29. Obasanjo O. et al. 2014. Not just in transit. Drugs, the state and society in West Africa. Accra: WACD.
30. Bencherif A. 2018. Le Mali post “Accord d’Alger”: une période intérimaire entre conflits et négociations. *Politique africaine*. № 150, pp. 179–201.
31. Dishman C. 2001. Terrorism, crime, and transformation. *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 24 (1), pp. 43–58.
32. Пономарев И.В. Сегментированный терроризм в зоне Сахары-Сахеля. Период второй: 2016–2021. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 47–55. DOI: 10.31857/S032150750018779-8
Ponomarev I.V. 2022. Segmented terrorism in the Sahara-Sahel zone. The second stage: 2016–2021. *Asia and Africa today*. № 2. Pp. 47–55. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018779-8
33. De Andrés A.Ph. 2008. West Africa under attack: Drug, organized crime and terrorism as the new threats to global security. *UNISCI Discussion Papers*. № 16, pp. 203–228.
34. Mazzitelli A.L. 2011. The new transatlantic bonanza: Cocaine on highway 10. Miami: WHEMSAC.

35. Shaw M., Reitano T. 2014. The political economy of trafficking and trade in the Sahara: Instability and opportunities. Washington: World Bank.
36. Olukoshi A. 2013. Drug trafficking and its impact on governance in West Africa. Accra: WACD.
37. Micallef M. et al. 2019. After the storm. Organized crime across the Sahel-Sahara following upheaval in Libya and Mali. Geneva: GIATOC.
38. Le Pichon T. et al. 2011. The transatlantic cocaine Market. Dakar & Vienna: UNODC.
39. Bevan J. et al. 2013. Transnational organized crime in West Africa. Vienna: UNODC.
40. Tinti P. 2014. Illicit trafficking and instability in Mali: Past, present and future. Geneva: GIATOC.
41. Schultze-Kraft M. 2014. Getting real about an illicit 'external stressor': Transnational cocaine trafficking through West Africa. Brighton (UK): IDS.
42. Antil A. 2010. Contrôler les trafics ou perdre le nord: Notes sur les trafics en Mauritanie. Paris: IFRI.
43. Scheele J. 2009. Tribus, États et fraude: la région frontalière algéro-malienne. *Études rurales*. Vol. 184, pp. 79–94. DOI: 10.4000/etudesrurales.10486
44. Scheele J. 2011. Circulations marchandes au Sahara: entre licite et illicite. *Hérodote*. Vol. 3 (142), pp. 143–162. DOI: 10.3917/her.142.0143
45. Antil A. 2012. Trafic de cocaïne au Sahel. *Études*. Vol. 417, pp. 307–316.
46. Julien S. 2011. Le Sahel comme espace de transit des stupéfiants. Acteurs et conséquences politiques. *Hérodote*. Vol. 3 (142), pp. 125–142. DOI: 10.3917/her.142.0125
47. Meagher K. 2003. A back door to globalisation? Structural adjustment, globalisation & transborder trade in West Africa. *Review of African Political Economy*. Vol. 30 (95). DOI: 10.1080/03056240308374

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пonomareв Илья Вячеславович, кандидат исторических наук, ст.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, Москва, Россия.

Iliya V. Ponomarev, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Civilization and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 01.03.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 14.04.23

Принята к публикации
(Accepted) 23.05.2023

DOI: 10.31857/S032150750026134-9

Миротворческая миссия UNIFIL: «Голубые каски» на Юге Ливана

© Савичева Е.М.^{a,b}, Катеренчук Д.В.^{a,c}, 2023

^a РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0001-8617-3508; savicheva@mail.ru

^c ORCID: 0000-0002-8513-3026; daniil.katerenchuk@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена деятельности Временных сил ООН в Ливане (ВСООНЛ/UNIFIL). Авторы раскрывают условия и предпосылки принятия Советом Безопасности ООН решения о вводе на юг Ливана миротворческого контингента, рассматривают особенности выполнения мандата миссии и возложенных на миротворцев задач. Делается вывод, что ВСООНЛ выступают в качестве сдерживающего фактора в противостоянии Израиля и ливанской «Хезболлы», а также играют роль посредника в переговорном процессе между Тель-Авивом и Бейрутом. И хотя результаты деятельности миссии за прошедшие практически четыре с половиной десятилетия нельзя назвать особенно эффективными, однако отсутствие миротворцев на юге Ливана могло бы повысить вероятность прямого столкновения противоборствующих сторон. Отметим и гуманитарный аспект миротворческой миссии, сотрудники которой прилагают значительные усилия для помощи местному населению, а также занимаются разминированием территории.

Ключевые слова: Ливан, Израиль, «Хезболла», ООН, конфликт, урегулирование, миротворчество, ВСООНЛ

Для цитирования: Савичева Е.М., Катеренчук Д.В. Миротворческая миссия UNIFIL: «Голубые каски» на Юге Ливана. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 6. С. 39–45. DOI: 10.31857/S032150750026134-9

Peacekeeping Mission UNIFIL: “Blue Helmets” in the South of Lebanon

© Elena M. Savicheva^{a,b}, Daniil V. Katerenchuk^{a,c}, 2023

^a Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0001-8617-3508; savicheva@mail.ru

^c ORCID: 0000-0002-8513-3026; daniil.katerenchuk@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the activities of the United Nations Interim Force in Lebanon (UNIFIL). The authors outline the conditions and prerequisites for the UN Security Council decision on deployment of a peacekeeping contingent in the south of Lebanon. They also consider the specifics of fulfilling the mission’s mandate and the tasks assigned to the peacekeepers. The authors come to the conclusion that the UN peacekeeping mission in Lebanon acts as a deterrent in the confrontation between Israel and the Lebanese Hezbollah, and it also undertakes mediation efforts in the negotiation process between Tel Aviv and Beirut. And although the results of the peacekeeping mission over the past almost four and a half decades cannot be called particularly effective, the absence of peacekeepers in the Southern Lebanon could increase the likelihood of a direct clash between the warring parties. The causes of the conflict have not yet been eliminated. Consequently, the UNIFIL mandate could be extended for years to come. The authors also pay attention to the humanitarian aspect of the peacekeeping mission, whose personnel have made significant efforts to help the local population and carried out the demining of the territory.

Keywords: Lebanon, Israel, Hezbollah, United Nations, conflict, settlement, peacekeeping, UNIFIL

For citation: Savicheva E.M., Katerenchuk D.V. Peacekeeping Mission UNIFIL: “Blue Helmets” in the South of Lebanon. *Asia and Africa today*. 2023. № 6. Pp. 39–45. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750026134-9

ВВЕДЕНИЕ

Всё чаще в экспертном сообществе звучит тезис о снижении роли ООН в конфликтном урегулировании и неспособности всемирной организации реализовывать свою основополагающую функцию – поддерживать мир и безопасность. На практике поддержание мира, разрешение конфликтов и постконфликтное урегулирование через механизмы ООН сталкивается с множеством трудностей.

Проблема миротворческой деятельности ООН в целом достаточно обстоятельно изучена в отечественной историографии. Исследователи не обошли вниманием отдельные миротворческие миссии в разных уголках земного шара, однако деятельность Временных сил ООН в Ливане (ВСООНЛ / *United Nations Interim Force in Lebanon – UNIFIL*) осталась на периферии научных интересов российских экспертов. Вместе с тем Ливан, небольшое арабское государство, занимает важное геостратегическое положение в Восточном Средиземноморье [1, с. 111–140], имеет общую границу с Израилем на юге и с Сирией на севере и востоке и в течение длительного времени был достаточно плотно вовлечен в арабо-израильскую конфронтацию.

ПРЕДПОСЫЛКИ К МИРОТВОРЧЕСТВУ

После первой арабо-израильской войны (1948–1949 гг.) в Ливан хлынула волна палестинских беженцев, численность которых в мире, по данным Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), к настоящему моменту превысила 4,7 млн человек¹. В Ливане, где вот уже почти 80 лет существует система конфессионализма (67,8% населения составляют мусульмане: сунниты – 31,9%, шииты – 31,2% и др.; 32,4% – христиане; 4,5% – друзы)², периодически подвергающаяся критике со стороны различных политических сил страны, присутствие палестинских беженцев, среди которых были ярые сторонники вооруженной борьбы с Израилем, нередко вызвало серьезные разногласия в обществе, перераставшие в вооруженные столкновения.

Ситуация усугубилась в начале 1970-х гг. после заключения 3 ноября 1969 г. главнокомандующим ливанской армией Эмилем Бустани и главой Организации освобождения Палестины (ООП) Ясиром Арафатом т.н. Каирского соглашения. Хотя документ не был официально предан гласности, однако его текст попал в ливанские СМИ в апреле 1970 г. В соответствии с достигнутыми договоренностями, палестинцам, находившимся на территории Ливана, предоставлялось право участвовать посредством вооруженной борьбы в «палестинской революции», то есть сражаться за освобождение оккупированных Израилем территорий, но с оговоркой – при уважении суверенитета Ливана³. Позднее, 22 мая 1978 г., ливанский парламент аннулировал это соглашение [2].

После ухудшения отношений с властями Иорданского Королевства и событий «черного сентября» 1970 г.⁴ ООП перенесла офис своего представительства в Ливан. В период с 1970 по 1982 г. страна фактически стала центром притяжения палестинского сопротивления. Между тем присутствие ООП, в т.ч. её вооруженных формирований в Ливане, усугубило уже имевшуюся напряженность в ливанском обществе, что в итоге привело страну в 1975 г. к гражданской войне, а также усилило вмешательство Израиля и арабских стран в дела Ливана.

ОПЕРАЦИЯ «ЛИТАНИ» И РЕШЕНИЕ О ВВОДЕ МИРОТВОРЧЕСКОГО КОНТИНГЕНТА ООН

Армия обороны Израиля (ЦАХАЛ) провела серию операций по ослаблению ООП, а также Ливана [3], несмотря на достигнутое между двумя странами соглашение о перемирии (1949 г.). Помимо обязательств о том, что вооруженные силы сторон не будут предпринимать никаких агрессивных действий друг против друга, в документе закреплялась демаркационная линия, а фактически граница между Ливаном и Израилем⁵. Рейды Израиля на ливанскую территорию совершались как в ответ на нападения палестинцев, так и с целью уничтожения вооруженных формирований ООП.

11 марта 1978 г. группа палестинских боевиков совершила нападение на автобус на прибрежной автомагистрали в Тель-Авиве, что стало предлогом к масштабному вторжению Израиля в Ливан, извест-

¹ The United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East, Lebanon. <https://www.unrwa.org/where-work/lebanon> (accessed 15.12.2022)

² The World Factbook. <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/lebanon/> (accessed 01.12.2022)

³ Cairo Agreement, 1969. (In Arab.). <https://massader.net/sources/1969-اتفاق-القاهرة> (accessed 01.12.2022)

⁴ «Черный сентябрь» 1970 года – вооруженный конфликт между отрядами ООП, базировавшимися на территории Иордании, и иорданской армией, в результате которого палестинские вооруженные формирования были вынуждены покинуть королевство и штаб-квартира ООП была перенесена в Ливан (*прим. авт.*).

⁵ Israel-Lebanon Armistice Agreement, 1949. <https://www.gov.il/en/Departments/General/israel-lebanon-armistice-agreement> (accessed 15.12.2022)

ному как операция «Литани»⁶. Перед ЦАХАЛ стояла задача разрушить базы ООП на юге Ливана и отеснить палестинские вооруженные формирования за реку Литани⁷. Наземная часть операции сопровождалась обстрелом позиций ООП из артиллерии и ударами авиации, была также установлена морская блокада юга страны до города Сайда.

Совет Безопасности ООН, выражая приверженность территориальной целостности, суверенитету и независимости Ливана, принял в 1978 г. резолюции 425 и 426, в которых призвал Израиль немедленно прекратить военные действия и вывести свои силы из Ливана, а также принял решение сформировать по просьбе правительства Ливана временные силы ООН в южной части страны «с целью подтверждения вывода израильских войск, восстановления международного мира и безопасности и оказания помощи правительству Ливана в обеспечении возвращении ему его эффективной власти в этой районе»⁸. Так были созданы Временные силы ООН в Ливане (ВСООНЛ), которые приступили к работе 23 марта 1978 г. Таким образом, нормализация ливано-израильских отношений лежала в плоскости не только двусторонних связей, но и многосторонних контактов, в т.ч. посредством многосторонней дипломатии.

Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм считал, что задачи ВСООНЛ следует выполнять в два этапа: на первом – подтвердить вывод израильских войск с территории Ливана, на втором – охранять район проведения операции, обеспечивать его безопасность, вести наблюдение за прекращением боевых действий. Он также отмечал, что ВСООНЛ, как и другие силы ООН, «не могут и не должны брать на себя функции, входящие в сферу полномочий правительства страны, в которой они действуют»⁹. Таким образом, ответственность за восстановление контроля ливанского правительства над ситуацией на юге страны возлагалась непосредственно на него.

Мандат миссии корректировался несколько раз: по окончании ливано-израильской войны 1982 г., в 2000 г. – после отвода израильских сил из Ливана к «голубой линии», и был вновь расширен в августе 2006 г. (на основе резолюции СБ 1701) после войны между Израилем и движением «Хезболла». Задачи ВСООНЛ включали наблюдение за прекращением боевых действий, сопровождение и поддержку ливанских вооруженных сил в процессе их развертывания на юге Ливана, обеспечение доступа гражданского населения к гуманитарной помощи, оказание содействия добровольному и безопасному возвращению перемещенных лиц.

Менялась и численность миссии. Первоначально численность ВСООНЛ была 4 тыс. чел., однако в мае 1978 г. К.Вальдхайм предложил увеличить её до 6 тыс., что и было сделано к середине июня. Дополнительные батальоны предоставили Иран, Фиджи и Ирландия. Миротворческий контингент ООН состоял тогда из военнослужащих (кроме указанных выше стран) Франции, Непала, Нигерии, Норвегии, Сенегала, Канады. Штаб миротворческих сил разместился в городе Накура, расположенном на побережье Средиземного моря в 5 км к северу от границы с Израилем.

Не считая проблем технического характера, ВСООНЛ сталкивались с неподчинением, а порою и сопротивлением со стороны действовавших на юге Ливана вооруженных формирований¹⁰. За полгода операции в результате перестрелок и взрывов мин было убито 8 и ранено 52 миротворца. Ливанские и палестинские вооруженные лица пытались проникнуть в район операции ВСООНЛ, ссылаясь на положения Каирского соглашения 1969 г. Ситуацию для миротворцев осложняли базировавшиеся на юге страны формирования «Армии Южного Ливана» (АЮЛ) под командованием майора ливанской армии С.Хаддада. Отделившись от ливанской армии во время гражданской войны и состоявшая в основном из христиан, она пользовалась поддержкой Израиля и соперничала с ООП и мусульманскими силами Ливана.

В 1981 г. премьер-министр Израиля М.Бегин представил правительству план операции «Большие сосны» по уничтожению палестинских формирований в Ливане. В частности, Тель-Авив намеревался

⁶ Литани – река, берущая начало в долине Бекаа на востоке страны и впадающая в Средиземное море примерно в 8 км к северу от города Тир (*прим. авт.*).

⁷ Operation Litani. Israel Defense Forces. <https://www.idf.il/en/mini-sites/wars-and-operations/operation-litani/> (accessed 01.12.2022)

⁸ UN Security Council Resolution 425 (1978). <https://digitallibrary.un.org/record/71622> (accessed 01.12.2022)

⁹ Report of the Secretary-General on the implementation of Security Council resolution 425. 1978. <https://digitallibrary.un.org/record/224511?ln=en> (accessed 15.12.2022)

¹⁰ Report of the Secretary-General on the UNIFIL for the period from 19 March to 13 September 1978. <https://digitallibrary.un.org/record/224442?ln=en> (accessed 15.12.2022)

создать на юге страны своего рода экономический придаток и буферную зону, а также сформировать условия для вывода сирийских войск, которые были введены в Ливан в мае 1976 г. [4, с. 128–134.]. Однако вопреки трудностям, с которыми постоянно сталкивались ВСООНЛ, миротворцам удалось улучшить ситуацию с безопасностью на занимаемых территориях, следствием чего стало постепенное возвращение местного населения.

Как пишут норвежские эксперты М.Хейберг и Й.Холст, в 1978–1981 гг. ВСООНЛ сделали зону своей миссии самым безопасным районом для гражданского населения Ливана. В то же время они отмечают, что миротворцы не смогли в полной мере выполнить даже первый компонент своего мандата, т.к. Израиль создал к северу от своей границы анклав, который контролировался АЮЛ. Это не позволило ВСООНЛ полностью занять зону ответственности от границы с Израилем до реки Литани [5, pp. 399–422].

С очередным витком эскалации палестино-израильского конфликта в июне 1982 г. Израиль начал операцию в Ливане. Израильские военные дошли до западного Бейрута, где располагалась ООП, что вынудило организацию перенести штаб-квартиру в Тунис.

По состоянию на октябрь 1982 г. ВСООНЛ насчитывали 6,5 тыс. чел.¹¹ Как отмечает ирландский эксперт из Голуэя Р.Мерфи, в период израильского вторжения миротворцы, «не имея мандата или огневой мощи для крупномасштабных действий, оказались в незавидном положении, наблюдая, как ракеты и снаряды пролетают над головами из стороны в сторону, а иногда они и сами становились жертвами прямых попаданий» [6, pp. 373–402]. По мнению ученого, СБ ООН не сделал тогда ничего, чтобы изменить положение дел. В сложившейся ситуации миротворцы сосредоточили свои усилия на доставке гуманитарной помощи местному населению и отслеживании нарушений режима прекращения огня между сторонами.

В июле 1983 г. Израиль решил вывести часть войск из Ливана, сохранив контроль на юге страны (до 2000 г. – *авт.*). В районе миссии ВСООНЛ численность военнослужащих ЦАХАЛ сохранялась на уровне батальона. За исключением нескольких инцидентов, ситуация на подконтрольной ВСООНЛ территории в целом оставалась стабильной, миротворцы не вступали в бой с израильскими солдатами, а командование ВСООНЛ поддерживало связь как с Бейрутом, так и с Тель-Авивом. Примечательно, что на юг прибывали ливанцы, бежавшие от боевых действий в Бейруте и прилегающих к нему районах¹². Однако израильское вторжение 1982 г. не только не снизило уровень угроз для Израиля, но и стало одним из факторов появления новой силы на ливанской арене – движения «Хезболла»¹³.

ВОЙНА 2006 г. И РАСШИРЕНИЕ МАНДАТА ВСООНЛ

Движение «Хезболла», возникшее в середине 1980-х гг. на волне «исламской революции» в Иране (1978–1979 гг.) в результате объединения шиитских группировок, закрепилось на юге Ливана и в пригородах Бейрута. В 1990-х гг. «Хезболла», трансформировавшаяся в политическую партию с боевым крылом, приобрела широкую популярность среди ливанского населения и получила представительство в парламенте. Пользуясь поддержкой Ирана и Сирии, «Хезболла» продвигала идеи освобождения юга страны и борьбы с Израилем [7, с. 133–138]. Появление такой силы на северных границах еврейского государства вызвало ответ Тель-Авива, который провел на юге Ливана операции «Ответственность» в 1993 г. и «Гроздья гнева» в 1996 г.

После вывода израильских войск за «голубую линию» (120-километровая линия отвода войск, которая была определена в 2000 г. экспертами ООН совместно с представителями Ливана и Израиля с целью подтверждения вывода израильских сил) частота столкновений на границе двух стран значительно снизилась. Тем не менее случаи эскалации напряженности имели место и происходили волнообразно. Кроме того, военно-воздушные силы Израиля периодически нарушали воздушное пространство Ливана. «Хезболла» нередко отвечала на это огнем из средств противовоздушной обороны. Миротворцы же

¹¹ Report of the Secretary-General on the UNIFIL. 1982. <https://digitallibrary.un.org/record/37005?ln=en> (accessed 15.12.2022)

¹² Report of the Secretary-General on the UNIFIL for the period from 19 January to 12 July 1983. <https://digitallibrary.un.org/record/45561?ln=en> (accessed 10.12.2022)

¹³ «Хезболла» («Партия Аллаха» – араб.) – шиитская организация, возникшая в Ливане в 1982 г. под влиянием исламской революции в Иране. Имеет сильное военизированное крыло (*прим. авт.*).

были в основном сосредоточены на контроле за «голубой линией» и предоставлении гуманитарной помощи местному населению. В то же время правительство Ливана отказалось размещать вдоль «голубой линии» свои войска, пока не будет подписан всеобъемлющий мир с Израилем. Вакуум безопасности в этом районе заполнила «Хезболла», которая также занималась социальным обеспечением местных жителей¹⁴. Ввиду относительной стабилизации ситуации и выполнения первых двух компонентов мандата от 1978 г. в январе 2002 г. встал вопрос о реорганизации ВСООНЛ, т.е. сокращении воинского контингента. Представляется, что сокращение численности ВСООНЛ стало одним из факторов, подтолкнувших Израиль к началу крупнейшей военной операции на территории Ливана.

12 июля 2006 г. Израиль начал очередное широкомасштабное вторжение в Ливан, поводом к которому стало похищение «Хезболлой» двух израильских военнослужащих. Тель-Авив планировал вытеснить с ливано-израильской границы отряды движения; в то же время ракетно-бомбовым ударам подверглась почти вся территория Ливана, а также объекты гражданской инфраструктуры. Война длилась 34 дня, вторжение фактически закончилось неудачно, но в результате погибли около 1,5 тыс. чел. с ливанской стороны и около 150 – с израильской. Начало боевых действий застало миротворцев врасплох. К лету 2006 г. численность ВСООНЛ вместе с гражданским персоналом составляла около 2 тыс. чел., а среди военнослужащих ходили разговоры о выводе миротворцев из Ливана [8]. Миротворцы играли роль сдерживающего фактора, были одним из элементов безопасности, но отнюдь не решающим.

11 августа СБ ООН принял резолюцию 1701, согласно которой увеличивалась численность ВСООНЛ до 15 тыс. чел. Совет также расширил мандат, в частности, поручив миротворцам осуществлять дневное и ночное патрулирование, контролировать соблюдение режима «голубой линии», вести работы по разминированию территории. ВСООНЛ поддерживали связь с достаточно широким кругом субъектов на региональном и национальном уровнях, в частности с представителями местных органов власти, общинными лидерами, религиозными деятелями, группами гражданского общества и пр. Такая связь и координация, в т.ч. с ливанской армией, имела важное значение для проведения совместных мероприятий в интересах безопасности на юге Ливана.

В принятых позднее документах ООН по Ливану – резолюции 2373 (2017 г.), 2433 (2018 г.) и 2485 (2019 г.) – встречается термин «стратегический диалог». Стратегический диалог является средством усиления поддержки и координации с ливанскими Вооруженными силами, укрепления их потенциала с целью принятия ими на себя большего числа обязанностей по обеспечению безопасности в южной части страны и в ливанских территориальных водах. В обозримой перспективе ливанские вооруженные силы должны стать единственным законным защитником безопасности, суверенитета и территориальной целостности республики.

В октябре 2006 г. в рамках мандата, предусмотренного резолюцией СБ ООН 1701, по просьбе Ливана было развернуто Оперативное морское соединение (ОМС)¹⁵. Это была первая военно-морская оперативная группа, которая когда-либо принимала участие в миротворческих миссиях ООН. Её развертывание стало знаковым шагом, побудившим Израиль снять морскую блокаду Ливана.

ОМС помогает ливанской армии в наблюдении за территориальными водами страны, обеспечении безопасности побережья, предотвращении несанкционированного проникновения оружия по морю, а также наблюдает за воздушным пространством и совместно с ливанскими военными проводит поисково-спасательные операции. Морская операция проводится на площади 17,1 тыс. кв. км, что, для сравнения, в 16 раз больше, чем площадь сухопутной миротворческой операции в Ливане. Использование вертолетов способствует быстрому и эффективному патрулированию морского района.

Взрыв в порту Бейрута в августе 2021 г. привел к жертвам и среди миротворцев. Порт Бейрута – главный порт Ливана и один из крупнейших в мире: он включает 4 дока, 16 причалов, 12 складов и новый контейнерный терминал. Один из кораблей ВСООНЛ, пришвартованный в порту, был поврежден, в результате чего несколько военнослужащих военно-морских сил ВСООНЛ получили ранения, причем некоторые из них серьезные. После взрывов в больницы были доставлены в общей сложности 23 миротворца (в основном из Бангладеш).

¹⁴ Report of the Secretary-General on the UNIFIL for the period from 17 January 2002 to 12 July 2002. <https://digitallibrary.un.org/record/469043?ln=en> (accessed 15.12.2022)

¹⁵ UNIFIL Maritime Task Force. <https://unifil.unmissions.org/unifil-maritime-task-force> (accessed 01.12.2022)

ХРУПКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

На юге Ливана установилась относительная стабильность. Инциденты разной степени тяжести происходили регулярно, но их удавалось купировать благодаря деятельности ВСООНЛ и нежеланию сторон повторять трагические события 2006 г. По мнению исследователя Жана-Лу Самаана, после войны конфликтующие стороны перешли к стратегии сдерживания, направленной на то, чтобы свести на нет преимущества противника. «Хезболла» нарастила боевые возможности, увеличила запас ракет и усилила военную инфраструктуру. Израиль сосредоточился на разведке, обнаружении и уничтожении пусковых установок противника. Самаан полагал, что возможное следующее серьезное противостояние будет больше походить на войну в небе, а не на земле [9]. По прошествии времени этот тезис подтвердила сама жизнь. Способы ведения боя перетерпели значительные изменения. На первый план, помимо ракет, вышли беспилотные летательные аппараты (БПЛА), способные нести боеприпасы и взрывчатые вещества.

4 декабря 2018 г. ЦАХАЛ начала операцию «Северный щит», нацеленную на поиск и уничтожение тоннелей, ведущих из Ливана на территорию Израиля через «голубую линию» (израильцы уже приобрели соответствующий опыт в секторе Газа). В день начала операции Тель-Авив объявил об обнаружении первого тоннеля, прорытого, как утверждалось, «Хезболлой» для нападения на израильтян. Израиль передал данные о тоннеле представителям ВСООНЛ и вооруженных сил Ливана на трехсторонней встрече и выразил протест в связи с нарушением резолюции СБ ООН 1701, однако в Бейруте заявили, что Тель-Авив не предоставил никаких координат или другой конкретной информации¹⁶. В ходе операции, завершившейся в январе 2019 г., израильские военные обнаружили 6 тоннелей. Специалисты ВСООНЛ подтвердили существование 5 из них (шестой был взорван ранее), а также установили, что по меньшей мере 2 тоннеля пересекали «голубую линию», и подтвердили нарушение указанной резолюции (оценка трех других сооружений не представлялась технически возможной). При этом ливанские власти в связи с указанными обстоятельствами не приняли никаких мер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, «временные силы» остаются на юге Ливана уже более четырех десятков лет. Формально решения о продлении миссии принимаются каждые полгода по просьбе правительства Ливана.

Вопреки критике ВСООНЛ, их отсутствие на юге Ливана повысило бы вероятность прямого столкновения с Израилем. Очевидно, что миротворцы не будут препятствовать возможной агрессии одной из сторон конфликта, вступая в бой, но они выполняют не менее важную функцию – выступают в качестве сдерживающего фактора в противостоянии между Израилем и «Хезболлой», а также прилагают посреднические усилия в переговорном процессе Тель-Авива и Бейрута. Серия непрямых переговоров по демаркации морской границы между Ливаном и Израилем под эгидой США прошла в 2020–2021 гг. в штаб-квартире ВСООНЛ в Накуре. Там же в октябре 2022 г. состоялось подписание соответствующих документов. Не стоит также упускать из виду гуманитарный аспект миротворческой миссии, сотрудники которой прилагают значительные усилия для помощи местному населению, а также занимаются разминированием территории.

Действительно, причины конфликта до сих пор не устранены. Следовательно, можно предположить, что мандат ВСООНЛ будет продлеваться, поскольку пока не просматриваются реальные перспективы выполнения конфликтующими сторонами всех положений принятых СБ ООН резолюций.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции. Колл. Монография / под ред. И.Д.Звягельской. М.: Аспект-Пресс, 2022.
2022. Struggle for the Eastern Mediterranean: Interests and Ambitions. Collective monograph / Ed. I.D.Zvyagelskaya. Moscow. (In Russ.)

¹⁶ Israel says it shared tunnel details with Lebanon and UN, calls for sanctions. <https://www.timesofisrael.com/israel-says-it-shared-tunnel-details-with-lebanon-and-un-calls-for-sanctions/> (accessed 15.12.2022)

2. Boustany N. Lebanon Annuls PLO Agreement. <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1987/05/22/lebanon-annuls-plo-agreement/20c11566-8919-4f64-9027-69cd3a6fa7b5/> (accessed 15.12.2022)
3. Brynen R. PLO Policy in Lebanon: Legacies and Lessons. *Journal of Palestine Studies*. 1989. V. 18. № 2, pp. 48–70.
4. Ковальчук А.А. Роль Сирийской Арабской Республики в гражданской войне в Ливане (1976–1990 гг.). *Общество: философия, история, культура*. 2017, № 8.
Kovalchuk A.A. 2017. Role of the Syrian Arab Republic in the Lebanese Civil War (1976–1990). *Society: Philosophy, History, Culture*. № 8. Moscow. (In Russ.)
5. Heiberg M., Holst J.J. 1986. Comparing UNIFIL and the MNF. *Survival: Global Politics and Strategy*. V. 28. № 5.
6. Murphy R. 2012. Peacekeeping in Lebanon and Civilian Protection. *Journal of Conflict & Security Law*. V. 17. № 3.
7. Савичева Е.М. Роль и место «Хизбаллы» в ливанском треке ближневосточного урегулирования. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010, № 18.
Savicheva E.M. 2010. The role and place of Hezbollah in the Lebanese track of the Middle East settlement. *Chelyabinsk State University Bulletin*. № 18. (In Russ.)
8. Molloy J. A Reflection of 2006 War. 2017. <https://unifil.unmissions.org/reflection-2006-war> (accessed 01.12.2022)
9. Samaan J.L. 2014. From War to Deterrence? Israel-Hezbollah Conflict since 2006. Strategic Studies Institute. 82 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ /INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Савичева Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, факультет гуманитарных и социальных наук, РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

Elena M. Savicheva, PhD (History), Associate Professor, Faculty of Humanities and Social Sciences, Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia.

Катеренчук Даниил Владимирович, аспирант РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

Daniil V. Katerenchuk, Post-graduate student, Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 04.01.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 23.04.2023

Принята к публикации
(Accepted) 20.05.2023

Цифровая экономика северо-восточных провинций Китая: современные подходы к развитию региона

© Петрунина Ж.В.^{a,b}, Шушарина Г.А.^{a,c}, 2023

^a Комсомольский-на-Амуре государственный университет,
Комсомольск-на-Амуре, Россия

^b ORCID: 0000-0003-0121-2147; petrunina71@bk.ru

^c ORCID: 0000-0002-5741-1914; Galinalmk@yandex.ru

Резюме. В статье представлен общий обзор задач руководства Китая по развитию цифровой экономики в государстве, которые были определены 14-м пятилетним планом развития страны и решениями XX съезда КПК. Дана характеристика состояния цифровой экономики на территории северо-восточных провинций КНР. Показано, что цифровизация открывает широкие возможности для развития реального сектора экономики рассматриваемого региона, сферы бизнеса и рынка услуг, а также диверсификации международных связей провинций Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин с сопредельными государствами, позволяя увеличить приток национальных и иностранных инвестиций в экономику Северо-Востока КНР.

Подчеркивается, что цифровые технологии могут рассматриваться как механизм, позволяющий приблизиться к решению социально-экономических проблем, связанных с депопуляцией Северо-Востока Китая, старением и, как следствие, сокращением доли трудоспособного населения. Отмечено, что получение необходимого результата возможно при проведении политики, направленной на достижение баланса между темпами цифровизации и уровнем развития экономики в северо-восточных провинциях Китая.

Ключевые слова: цифровая экономика, Северо-Восток Китая, информационно-коммуникационные технологии

Для цитирования: Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А. (Комсомольск-на-Амуре). Цифровая экономика северо-восточных провинций Китая: современные подходы к развитию региона. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 6. С. 46–53. DOI: 10.31857/S032150750026136-1

Digital Economy of Northeastern Provinces of China: Modern Approaches to Regional Development

© Zanna V. Petrunina^{a,b}, Galina A. Shusharina^{a,c}, 2023

^a Komsomolsk-na-Amure State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia

^b ORCID: 0000-0003-0121-2147; petrunina71@bk.ru

^c ORCID: 0000-0002-5741-1914; Galinalmk@yandex.ru

Abstract. The article provides a general overview of the tasks of the Chinese leadership to develop the digital economy in the state, which were defined by the 14th Five-Year Development Plan and the decisions of the 20th Congress of the CPC. It describes the state of the digital economy within the northeastern provinces of the People's Republic of China. It shows that digitalization opens up great opportunities for the development of the real economy of the region, business and service market, as well as the diversification of international relations of Heilongjiang, Jilin and Liaoning provinces with neighboring countries, that allows increasing the inflow of national and foreign investments into the economy of North-Eastern China. It is emphasized that digital technologies can be considered as a tool to approach the solution of socio-economic problems associated with the depopulation of the North-East of China, the aging and, consequently, the reduction of the working-age population. It is noted that obtaining the necessary result is possible following the policy aimed at achieving a balance between the digitalization pace and the level of economic development in the Northeastern provinces of China.

Keywords: digital economy, northeast China, information and communication technology

For citation: Petrunina Zh.V., Shusharina G.A. (Komsomolsk-on-Amur). Digital Economy of Northeastern Provinces of China: Modern Approaches to Regional Development. *Asia and Africa today*. 2023. № 6. Pp. 46–53. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750026136-1

ВВЕДЕНИЕ

Цифровая экономика относится к числу значимых современных направлений развития государств. Благодаря новейшим технологиям стали возникать новые отрасли экономики, развитие которых оказывает существенное влияние на военно-политические, социально-экономические, технологические и другие стороны жизни большинства государств, включая Китай. Выступая перед Политбюро ЦК КПК в 2021 г., председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что цифровая экономика представляет собой ключевую силу «в реструктуризации мировой экономики и трансформации глобальной конкурентной среды», а интернет, большие данные, облачные вычисления и другие инновации «всё больше интегрируются во все секторы экономического и социального развития»¹.

В рамках реализуемой Пекином «Инициативы пояса и пути» (ИПП) особое место отводится «Цифровому Шелковому пути» (ЦШП), провозглашенному в 2015 г. Развитие ЦШП позволяет Китаю укреплять свое влияние в глобальном цифровом порядке, сокращая зависимость от мировых технологических лидеров и развивая национальные цифровые отрасли.

Дополнительным импульсом к ускорению внедрения цифровых технологий во всех сферах стала пандемия *COVID-19*. Когда в начале 2020-х гг. многие проекты ИПП были приостановлены, китайские компании продолжали активный поиск новых способов ведения бизнеса. Технологические достижения Китая – стимулирующий фактор во внутренней политике и международной деятельности страны, привлекающий внимание специалистов разных стран.

Основное содержание, тенденции и перспективы реализации проектов цифровизации экономики Китая вызывают интерес зарубежных и отечественных исследователей [1–5]. Специалисты рассматривают цифровую экономику в узком и широком понимании. В узком смысле она включает только отрасли, непосредственно связанные с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), а в широком – как сами ИКТ-отрасли, так и часть отраслей «традиционной» экономики, в которых внедряются цифровые технологии [6, с. 275–276]. В данной работе развитие цифровой экономики в Китае в целом и на Северо-Востоке в частности рассматривается с точки зрения второго подхода.

Отметим, что провинции КНР имеют разный уровень развития цифровизации. Можно говорить о региональной специфике цифровой трансформации в стране и необходимости предметного рассмотрения проблем цифровизации на Северо-Востоке Китая, где проводится модернизация промышленной структуры и совершенствуются подходы к сельскохозяйственной деятельности.

ОБЗОР ПЛАНОВ КНР ПО РАЗВИТИЮ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Руководство КНР уделяет развитию цифровой экономики большое внимание, принимая разнообразные меры по её развитию на национальном уровне. В докладе Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде КПК важной задачей партии в новую эпоху было названо содействие высококачественному развитию, намечена работа по созданию «цифрового Китая», интеграции цифровой экономики и реального сектора экономики, развитию цифровой торговли, цифровизации образования, культуры и других сфер².

В Китае реализуется несколько проектов, способствующих развитию цифровой экономики: «Интернет +» (2015 г.), «Сделано в Китае – 2025» (*Made in China – MIC 2025*) (2015 г.), «План национальной стратегии развития информатизации» (2016 г.), «Тринадцатый пятилетний национальный план информатизации» (2016 г.), Национальная стратегия взаимодействия в киберпространстве (2017 г.), «Китайские стандарты 2035» (2018 г.), «Новая инфраструктура» (2020 г.), План совместных действий в сфере цифровой трансформации до 2035 г. (*Digital Transformation Partnership Action Plan*) (2020 г.) и др.

В 2017 г. «цифровая экономика» впервые была включена в отчет о работе правительства Китая, что свидетельствует о превращении цифровой экономики в национальную стратегию и движущую силу экономического развития, её проникновении во все сферы жизни Китая. В 2012–2021 гг. средние темпы роста цифровой экономики КНР составили 15,9%, а доля цифровой экономики страны в ВВП уве-

¹ Лидер цифры. Как Китай «оцифровывает» свою экономику. *РИА Новости*. 29.12.2021. <https://ria.ru/20211229/kitay-1766052437.html> (accessed 19.12.2023)

² Полный текст доклада XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. 25.10.2022. https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (accessed 10.01.2023)

личилась с 20,9% до 39,8%³. Пекин твердо намерен снизить зависимость Китая от иностранных технологий, сместить фокус с интенсивного использования труда на высокотехнологичные продукты и создавать собственные продукты и технологии, перестав быть мировой фабрикой.

В январе 2022 г. был опубликован «14-й пятилетний план развития цифровой экономики» Китая. На ближайшие годы в нём намечено провести работу по модернизации цифровой инфраструктуры КНР, активизировать взаимодействие со странами ЕС, АСЕАН, африканскими странами и странами, в которых Китай реализует «Инициативу пояса и пути»⁴. Огромное внимание уделяется развитию информационной инфраструктуры и увеличению числа интернет-пользователей. К концу 2020 г. число жителей Китая, пользующихся Интернетом, достигло 989 млн чел.⁵, а по данным на июль 2022 г. – уже 1,05 млрд. Уровень доступности Интернета в стране достиг 74,4%. Фактически происходит тотальная цифровизация китайского общества. Всего к 2022 г. в Китае было установлено 1,85 млн базовых станций 5G, а число абонентов 5G достигло 455 млн чел.⁶ Правительство КНР строит амбициозные планы по доведению доли цифровой экономики в структуре ВВП до 50% к 2030 г.⁷

Реализация «Цифрового Шелкового пути» стимулирует деловую, производственную, внешнеэкономическую деятельность в международном и региональном масштабе при закреплении за Китаем ключевой роли в этих процессах [7].

Особое место отведено расширению международного сотрудничества в области цифровизации, что отмечено в выпущенной Пекином «Белой книге» по международному сотрудничеству (2020 г.) и «Белой книге» о «сообществе единой судьбы в киберпространстве» (2022 г.). КНР считается одной из ведущих стран в сфере применения электронных технологий, уверенно занимая 2-е место в мире после США. К началу 2020-х гг. Китай вышел на лидирующие позиции в мире в электронной коммерции, финансовых технологиях, облачных вычислениях и экспорте ИТ-продукции.

В июле 2020 г. в КНР была официально введена в эксплуатацию глобальная навигационная спутниковая система «Бэйдоу-3» (*BDS-3*), предоставляющая услуги всему миру и являющаяся альтернативой глобальной системе позиционирования США (*GPS*). Телекоммуникационные гиганты Китая (*Huawei* и *ZTE*) в последние годы лидируют на рынке 5G в мире. Ведущие китайские компании – производители средств видеонаблюдения (*Hikvision*, *Dahua* и *Huawei*) входят в число основных поставщиков услуг и технологий наблюдения в развивающихся странах⁸. Большой объем инвестиций в эти отрасли обеспечил стремительный технологический рост Китая, что позволило ему обогнать США в развитии 5G-сетей, производстве беспилотных летательных аппаратов, наступательных гиперзвуковых вооружений и литий-ионных аккумуляторов⁹.

Китайские специалисты заинтересованы в реализации программ в сфере мобильных технологий 5G, проектов в области больших данных и искусственного интеллекта.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА – ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ

Площадь территорий Северо-Востока Китая – около 789 тыс км², что составляет 8% от общей площади КНР, занимающей около 9,6 млн км². С начала 2020-х гг. в провинциях Ляонин, Хэйлуцзян и Цзилинь проживает примерно 108 млн человек (7,38% от численности населения Китая). Испытываю-

³ China's digital economy hits \$7.1t: white paper. ChandaDaily.com.CN. 30.07.2022. <http://www.chinadaily.com.cn/a/202207/30/WS62e4ef9ca310fd2b29e6f520.html#:~:text=Digital%20economy%20is%20a%20key,20.9%20percent%20to%2039.8%20percent> (accessed 06.11.2022)

⁴ China digital economy development plan. International Trade Administration. 31.05.2022. <https://www.trade.gov/market-intelligence/china-digital-economy-development-plan> (accessed 06.11.2022)

⁵ Число пользователей интернета в Китае приблизилось к 1 млрд человек. *Коммерсантъ*. 03.02.2021. <https://kommersant.ru/doc/4672801> (accessed 06.11.2022)

⁶ Белая книга: цифровая экономика стала главным двигателем экономического роста Китая. Russian.News.Cn. *Синьхуа Новостям*. 07.11.2022. <https://russian.news.cn/20221107/36dcd40fdedd4beaa5724cd0669f2104/c.html> (accessed 14.01.2023)

⁷ China's Digital Economy: Opportunities and Risks. International Monetary Fund Working Paper. 2019. <https://imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/01/17/Chinas-Digital-Economy-Opportunities-and-Risks-46459> (accessed 14.01.2023)

⁸ Цифровой шелковый путь Китая после пандемии. Eurasian Research institute. <https://eurasian-research.org/publication/chinas-post-pandemic-digital-silk-road/?lang=ru> (accessed 14.01.2023)

⁹ Китай обошел США в области развития 5G-сетей и производства БПЛА – исследование. D.Russia.Ru. 14.09.2022. <https://d-russia.ru/kitaj-oboshel-ssha-v-oblasti-razvitiya-5g-setej-i-proizvodstva-bpla-issledovanie.html> (accessed 14.01.2023)

щий ряд социально-экономических и демографических проблем регион нуждается в поиске новых векторов развития.

Стратегия возрождения северо-восточных провинций вошла в число приоритетов КНР с начала XXI в. и была зафиксирована в ряде документов [8]. В планах Пекина – модернизировать промышленные базы Северо-Востока Китая путем развития интеллектуального производства.

Предполагается, что в 2020-х гг. этот регион займет одно из ведущих мест по производству конкурентоспособного промышленного оборудования на мировом рынке, станет стратегической базой по технологическому оснащению, национальной сырьевой базой нового типа, производственной базой современного агрохозяйства, крупнейшей базой технологических инноваций и научных разработок¹⁰. На важность работы по возрождению северо-восточных провинций КНР указал Си Цзиньпин в ходе инспекционной поездки по провинции Ляонин в августе 2022 г.

Возможности использования достижений цифровой экономики для развития Северо-Востока КНР обсуждались на Всемирной конференции по вопросам 5G в Харбине в августе 2022 г. При всесторонней и разнообразной поддержке властей провинций Северо-Востока Китая внедрение цифровых технологий происходит во многих секторах экономики – промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг и на рынке мобильных приложений.

Очевидные перспективы развития цифровой экономики на Северо-Востоке Китая позволили в последние годы увеличить приток инвестиций в значимые отрасли провинций Хэйлуцзян, Цзилинь, Ляонин. Среди крупных инвестиционных проектов – развитие цифрового медицинского обслуживания, в т.ч. интернет-больниц, изучение причин эпидемий и механизмов борьбы с ними, создание инновационных моделей диагностики и лечения заболеваний¹¹, модернизация и цифровизация автомобильной, аэрокосмической и железнодорожной отраслей¹², строительство автомагистралей, организация интеллектуальных ферм и развитие «умного» сельского хозяйства. В регионе постепенно внедряется «цифровое правосудие», позволяющее повысить эффективность работы административно-судебного персонала [9].

Большое внимание региональные власти КНР уделяют обеспечению покрытия сетью 5G основных городских районов, уездных городов и крупных сельских поселений. Например, строительство объектов 5G в Харбине началось в 2020 г., а к концу 2021 г. в столице провинции Хэйлуцзян действовало уже 14 000 базовых станций, охватывающих 18 районов и округов города. К концу 2022 г. в Харбине запланировано завершить строительство 6000 новых базовых станций связи 5G, что позволит обеспечить сплошное покрытие сетью большинства районов города, промышленных предприятий и учреждений¹³. К работе привлечены крупные национальные мобильные операторы *China Unicom*, *China Telecom*, *China Mobile* и *China Radio and Television*.

Цифровые технологии применяются в бизнесе в провинциях Северо-Востока КНР. Это обсуждалось летом 2022 г. на крупных мероприятиях, проводившихся в провинции Хэйлуцзян (Форум предпринимателей Китая, Саммит председателей Всекитайских ассоциаций промышленности и торговли – 2022, Ежегодная научная конференция Департамента информационных технологий при Китайской академии наук). Новые технологии позволяют китайским предпринимателям региона выдерживать конкуренцию на внутреннем и международном рынке.

В 2019 г. в провинции Хэйлуцзян была создана пилотная зона свободной торговли (ПЗСТ), разделенная на три района с центрами в городах Харбин, Хэйхэ, Суйфэньхэ. В условиях пандемии *COVID-19* деятельность Хэйлуцзянской ЗСТ позволила сохранить деловую активность на Северо-Востоке Китая. К 2021 г. в Харбине было запущено 8787 предприятий, треть из которых относится к сектору высоких технологий¹⁴.

¹⁰ Стратегия возрождения старых промышленных баз Северо-Восточного Китая (Реформы и открытость). Russian.China.org.cn. 24.10.2018. http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2018-10/30/content_69084892.htm (accessed 15.01.2023)

¹¹ План развития четырех крупных индустрий в провинции Хэйлуцзян привлёк большое внимание инвесторов. CGTN. 27.04.2022. <https://russian.cgtn.com/t/BfJIA-BAA-GcA/EcafEA/index.html> (accessed 19.01.2023)

¹² Northeast China's revival: Jilin accelerated with digital industries. CGTN. 06.08.2019. <https://news.cgtn.com/news/2019-08-06/Northeast-China-s-revival-Jilin-accelerated-with-digitalization-IWqTrxXfH2/index.html> (accessed 19.01.2023)

¹³ 全市今年计划新建5G基站6000个 (The city plans to build 6,000 new 5G base stations this year). Harbin Municipal People's Government. 12.03.2022. (In Chin.). http://www.harbin.gov.cn/art/2022/3/12/art_98_1238406.html (accessed 19.01.2023)

¹⁴ China's Northernmost Free Trade Zone Sees Wider Reform and Opening-up. Cision PR News-wire. 09.11.2021. <https://prnews-wire.com/news-releases/chinas-northernmost-free-trade-zone-sees-wider-reform-and-opening-up-301372240.html> (accessed 19.01.2023)

В соответствии с «14-м пятилетним планом развития цифровой экономики провинции Хэйлунцзян» в ближайшие годы район Харбина предполагается сделать экспериментальной площадкой для ускорения социально-экономического развития всех провинций Северо-Востока Китая, сосредоточив внимание на новых стратегических отраслях, в т.ч. производстве цифровых продуктов, внедрении ИТ нового поколения, использовании высокотехнологичного оборудования и достижений биомедицины и модернизации сектора услуг, включая технологии, финансы, культуру, туризм и т.н. снежно-ледовую экономику.

Цифровая инфраструктура в Харбине, Хэйхэ и Суйфэньхэ открыла широкие возможности для реализации инициативы «Цифровой Шелковый путь», укрепления позиций Китая в международном сотрудничестве со странами Северо-Восточной Азии и Тихого океана и расширения китайско-российского взаимодействия на приграничных территориях. В решении этих вопросов региональные власти уделяют большое внимание развитию транспортного коридора Суйфэньхэ. Суйфэньхэ, важный торговый город в регионе, обеспечивает оперативную доставку грузов с предприятий провинции Хэйлунцзян к портам Владивостока и Находки, Шанхая и Гонконга, к рынкам Японии, Южной Кореи, Индии, западному побережью США и Северному морскому пути в Европу.

ЗСТ Хэйхэ ориентирована на трансграничное сотрудничество с российскими дальневосточными регионами. Связующим звеном стал логистический хаб «Юэсин», расположенный на китайской стороне вблизи моста Хэйхэ – Благовещенск. В ближайшей перспективе хаб должен связать сеть китайских железных дорог с российской Транссибирской железнодорожной магистралью, что поможет активизировать торгово-экономические отношения в приграничье двух стран.

Приграничное положение Хэйхэ позволяет развивать трансграничную электронную торговлю. К 2020 г. в Хэйхэ был построен крупный индустриальный парк трансграничной электронной торговли с полным набором функций. Благодаря ИКТ-технологиям (в т.ч. 35 студий для прямых трансляций) и снижению издержек в логистике к концу 2020 г. объем продаж на платформе Хэйхэской компании электронной коммерции *EPINDUO* достиг почти 70 млн юаней¹⁵, а уже в первом полугодии 2021 г. оборот трансграничной электронной торговли Хэйхэского участка Хэйлунцзянской ПЗСТ достиг 640 млн юаней (около \$99,1 млн), увеличившись на 17% в годовом выражении¹⁶.

Потенциал цифровой экономики для возрождения Северо-Востока Китая и строительства «Одного пояса и одного пути» используется и в провинции Цзилинь. Пограничная с Россией провинция – это старая промышленная база Китая, центр производства автомобилей (корпорация *First Automobile Works – FAW*) и продукции железнодорожного назначения (АО «Чанчуньская компания по производству железнодорожного транспорта»), один из крупных районов страны по производству зерна. Технологии *5G* используются в обеспечении безопасности автодорог¹⁷. Стратегическим направлением возрождения аграрных районов провинции является создание «цифровых деревень», в которых предполагается развивать интеллектуальное сельское хозяйство, повышая урожай, используя возможности высоких технологий и увеличивая объемы продаж с помощью электронной торговли¹⁸.

Цифровая трансформация экономики позволит шире использовать географические возможности провинции Цзилинь, обеспечив доступ Китая к международным морским портам Приморского края России и Южной Кореи, расширить транспортную коммуникацию между Китаем, Россией и Северной Кореей, взаимодействие в рамках экономического коридора Китай – Монголия – Россия. Этот подход позволяет развивать сотрудничество провинции Цзилинь в трех направлениях – к востоку, югу и северу.

Развитие интеллектуальной экономики входит в число приоритетных планов руководства провинции Ляонин – крупного промышленного и транзитного центра Северо-Востока Китая. Реализация программы «Основные направления работы по возрождению старой промышленной базы Ляонина»

¹⁵ Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество стабильно развивается. *Жэньминь жибао онлайн*. 06.04.2021. <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0406/c31521-9836224.html> (accessed 19.01.2023)

¹⁶ Цифровые технологии стали движущей силой для развития в пров. Хэйлунцзян торговли услугами с Россией на фоне *COVID-19*. *Жэньминь жибао онлайн*. 06.09.2021. <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0906/c31518-9892324.html> (accessed 21.01.2023)

¹⁷ Jilin moving its economy ahead with digitalization. Jilin China. 30.04.2019. http://www.chinadaily.com.cn/m/2016jilin/2019-04/30/content_37464444.htm (accessed 19.01.2023)

¹⁸ Jilin takes digital path to rural governance. Jilin China. 23.04.2021. http://jilin.chinadaily.com.cn/2021-04/23/content_37544503.htm (accessed 19.01.2023)

(2005 г.) позволила к началу 2020-х гг. создать в провинции прочную базу для развития промышленности, науки и образования, модернизировать инфраструктуру. На территории провинции Ляонин открыто 29 центров продвижения цифровой трансформации. Их деятельность направлена в том числе на создание условий для развития малых и средних предприятий, которые, по мнению Си Цзиньпина, «могут делать великие дела» [10].

С помощью беспроводных технологий власти Северо-Востока КНР рассчитывают сделать регион более привлекательным для внутреннего и международного туризма. По мнению президента компании *China International Publishing Group* Ду Чжаныюаня, «технологическая революция, ставшая возможной благодаря 5G, является важной силой в изменении средств массовой информации и общественного мнения»¹⁹.

В условиях пандемии *COVID-19* в провинциях Ляонин, Хэйлуцзян и Цзилинь получил развитие «цифровой туризм». Регион обладает уникальными природными ресурсами и богатой историей. Культурные центры занимаются разработкой «облачных выставок», популяризируя знания о традициях и образе жизни коренного населения Амура (Хэйлуцзян)²⁰. Большую работу по созданию «облачных туров» как на Северо-Востоке Китая, так и в целом по стране проводит ведущее китайское онлайн туристическое агентство *Trip.com Group*, которое предложило поставщикам туристических услуг сделать для онлайн-туристов более 7000 бесплатных аудиогидов²¹.

Одной из «опорных точек» развития Северо-Востока Китая может стать экспорт услуг традиционной китайской медицины и фармацевтики. Хорошие перспективы в регионе имеют медицинские центры в Суйфэньхэ, Фуюане, Хэйхэ, находящиеся в российско-китайском приграничье, в Удалянци, в столицах провинций региона. Во время пандемии *COVID-19* предоставление онлайн-услуг только для российских граждан увеличилось более чем в 1500 раз²².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровизация экономики несет Китаю большие выгоды на внутригосударственном и на международном уровне. В ногу со временем Пекин ведет работу по формированию нового поколения ИКТ, а старые промышленные базы Северо-Востока обладают значительными ресурсами для применения 5G. Перед руководством КНР стоят задачи сбалансировать темпы цифровизации и уровень развития экономики в северо-восточных провинциях, обеспечить привлечение инвестиций и продолжить внедрение ИТ в местное производство, продолжать разработку национальных платформ, защищенного интернета и национальных соцсетей. Цифровые технологии позволяют, во-первых, создать условия для реализации плана по диверсификации экономики Северо-Востока КНР, а во-вторых, приблизиться к решению экономических проблем, возникающих в связи с депопуляцией в этой части Китая, старением и, как следствие, сокращением доли трудоспособного населения. По данным газеты «Жэньминь жибао онлайн», по сведениям, опубликованным статистическими органами 30 провинций КНР, население 3 северо-восточных провинций за 2010-е гг. сократилось на 11,01 млн чел.²³ В провинции Хэйлуцзян произошло самое резкое сокращение населения в стране – на 17% с 2010 г. по 2020 г., в провинции Цзилинь – 12% за тот же срок²⁴.

¹⁹ Китайские эксперты рассказали, как 5G практически изменит все сферы жизни. 10.08.2022. <https://regnum.ru/news/it/3665865.html> (accessed 19.01.2023)

²⁰ Провинция Хэйлуцзян: цифровые технологии расширяют возможности движения нематериального культурного наследия хэчжэ к индустриализации. *Партнеры*. 30.06.2022. <https://russian.dbw.cn/system/2022/06/30/001468804.shtml> (accessed 19.01.2023)

²¹ Цифровые технологии стимулируют развитие сфер культуры и туризма в Китае на фоне вспышки COVID-19. *Жэньминь жибао онлайн*. 25.03.2020. <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0325/c31517-9672326.html> (accessed 19.01.2023)

²² Цифровые технологии стали движущей силой для развития в пров. Хэйлуцзян торговли услугами с Россией на фоне COVID-19. *Жэньминь жибао онлайн*. 06.09.2021. <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0906/c31518-9892324.html> (accessed 21.01.2023)

²³ Специфика данных о населении китайских провинций в 2021 г. *Жэньминь жибао онлайн*. 19.05.2022. <http://russian.people.com.cn/n3/2022/0519/c31516-10098646.html> (accessed 19.01.2023)

²⁴ Перепись населения Китая в 2021 году: 5 выводов для иностранных инвесторов. *China Briefing*. 04.06.2021. <https://china-briefing.com/news/perepis%D1%8C-naseleniya-kitaya-v-2021-godu-5-vyvodov-dlya-inostrannyh-investorov/> (accessed 19.01.2023)

Международные перспективы связаны с интеграцией Северо-Востока Китая в проект «Цифровой Шелковый путь» и расширением деловой активности в регионе на взаимовыгодной основе.

Модернизация цифровой инфраструктуры Северо-Востока Китая вызывает интерес у лидеров сопредельных государств.

Для Южной Кореи и Японии, занимающих ведущие позиции в этом секторе на мировом уровне, изменения в экономике рассматриваемых провинций пока не несут явных рисков, а могут восприниматься как формирование новых областей взаимодействия и совершенствование существующих.

Монголия и Северная Корея видят в цифровизации Северо-Востока Китая возможности использования ИКТ для расширения и укрепления сотрудничества, которое, в свою очередь, является мощным инструментом ускорения темпов формирования их собственной цифровой среды.

Для Дальнего Востока России, наряду с несомненными позитивными составляющими интеграции в цифровой сфере, прослеживаются проблемы. Во-первых, разрыв между отстающими по темпам развития субъектами юга российского Дальнего Востока и провинциями Северо-Востока Китая может стать еще более заметным, а в перспективе – необратимым. Во-вторых, для субъектов российского Дальнего Востока представляется критичной сохраняющаяся депопуляция приграничных территорий Китая – проблема, которую правительства провинций Хэйлуцзян, Цзилинь, Ляонин могут решить путем замещения труда рабочих на труд машин. В этом случае российско-китайское трансграничное взаимодействие не только не будет развиваться, но и станут очевидными обратные процессы. В-третьих, провинции Северо-Востока Китая активно ведут работу по расширению взаимодействия со странами АТР, что для Дальнего Востока России несет большие риски, связанные с потерей конкурентных преимуществ.

Таким образом, цифровая экономика за короткий период времени превратилась в движущую силу развития Северо-Востока КНР. Она создает большие возможности для Пекина, являясь частью проводимой внутренней и внешней политики страны в целом. Китай стремится развивать современные технологии, активно внедряя их в реальный сектор экономики рассматриваемого региона и рассчитывая на повышение собственной цифровой конкурентоспособности в международном измерении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томайчук Л.В. Цифровизация экономики Китая: риски и возможности для общества. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2019. № 3 (29), с. 31–36.
2. Лю И. Некоторые особенности становления и развития цифровой экономики в Китае. *Вопросы новой экономики*. 2019. № 4(52), с. 44–47.
3. Гамза Л.А. Цифровой Шелковый путь Китая. *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 2, с. 63–79. DOI: 10.31857/S013128120019578-6
4. Цветкова Н.Н. Китай в мировом производстве и экспорте товаров ИКТ. *Восточная аналитика*. 2016. № 1, с. 7–12.
5. 何波. 2020. 中国数字经济的法律监管与完善. 中国政法大学国际法学院. Issue 5. Pp. 80–95 (He Bo. 2020. Control and improvement of legislation in the digital economy. School of International Law, Chinese University of Political Science and Law. Issue 5. Pp. 80–95) (In Chin.)
6. Джан Л., Чен С. Цифровая экономика Китая: возможности и риски. *Вестник международных организаций*. 2019. Т. 14. № 2, 275–303. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-11
7. Dekker B., Okano-Heijmans M., Zhang E. Siyi. Unpacking China's Digital Silk Road. <https://www.clingendael.org/publication/unpacking-chinas-digital-silk-road> (accessed 14.01.2023)
8. Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А. Политика современного Китая на Дальнем Востоке России. 70 лет современному китайскому государству. *Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН*. М., 2019. с. 255–263.
9. Xu Jianfeng. China leverages the blockchain to advance the development of “smart courts”. WIPO. September 2022. https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2022/03/article_0007.html (accessed 19.01.2023)
10. Santhika E. 2022. More Digital Transformation Promotion Centres in Liaoning. *OpenGovAsia*. <https://opengovasia.com/more-digital-transformation-promotion-centres-in-liaoning/> (accessed 19.01.2023)

REFERENCES

1. Toymachuk L.V. 2019. Digitalization of China's economy: risks and opportunities for society. *Eurasian integration: economics, law, politics*. Issue 3 (29). Pp. 31–36 (In Russ.)

- Lu I. 2019. Some features of the formation and development of the digital economy in China. *Issues of the new economy*. Issue 4(52). Pp. 44–47 (In Russ.)
- Gamza L.A. 2022. Digital Silk Road of China. *Far Eastern Studies*. Issue 2. Pp. 63–79 (In Russ.). DOI: 10.31857/S013128120019578-6
- Tsvetkova N.N. 2016. China in the global production and export of ICT goods. *Eastern Analytics*. № 1. Pp. 7–12 (In Russ.)
- 何波 . 2020. 中国数字经济的法律监管与完善. 中国政法大学国际法学院. Issue 5. Pp. 80–95 (He Bo. 2020. Control and improvement of legislation in the digital economy. School of International Law, Chinese University of Political Science and Law. Issue 5. Pp. 80–95) (In Chin.)
- Zhang L., Chen S. 2019. China's Digital Economy: Opportunities and Risks. *International Organisations Research Journal*. Vol. 14. № 2. Pp. 275–303. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-11
- Dekker B., Okano-Heijmans M., Zhang E. Siyi. Unpacking China's Digital Silk Road. <https://www.clingendael.org/publication/unpacking-chinas-digital-silk-road> (accessed 14.01.2023)
- Petrulina Zh. V., Shusharina G.A. 2019. The policy of modern China in the Russian Far East. 70 years of the modern Chinese state. *Materials of the annual scientific conference of the Center for Political Research and Forecasts, IFES RAS*. Pp. 255–263 (In Russ.)
- XU Jianfeng. China leverages the blockchain to advance the development of “smart courts”. WIPO. September 2022. https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2022/03/article_0007.html (accessed 19.01.2023)
- Santhika E. 2022. More Digital Transformation Promotion Centres in Liaoning. *OpenGovAsia*. <https://opengovasia.com/more-digital-transformation-promotion-centres-in-liaoning/> (accessed 19.01.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Петрунина Жанна Валерьяновна, доктор исторических наук, профессор, социально-гуманитарный факультет, Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия.

Zhanna V. Petrunina, Dr.Sc. (History), Professor, Social-Humanities Faculty, Komsomolsk-na-Amure State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia.

Шушарина Галина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, социально-гуманитарный факультет, Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия.

Galina A. Shusharina, PhD (Philology), Associate Professor, Social-Humanities Faculty, Komsomolsk-na-Amure State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 10.02.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.04.2023

Принята к публикации
(Accepted) 27.05.2023

Regional Security and Threat Dynamics: Lake Chad Region in Perspective

© Stephen O. Idahosa^{a,c}, Solomon I. Ikhidero^{b,d}, Blessing C. Egesi^{a,e}, 2023

^a Patrice Lumumba RUDN University, Russia

^b Ambrose Alli University, Nigeria

^c ORCID: 0000-0002-9085-0070; idahosa8@gmail.com

^d ORCID: 0000-0002-5375-4952; solomonikhidero@yahoo.com

^e ORCID: 0000-0003-3075-9950; blessingegesil@gmail.com

Abstract. The Lake Chad (LC) region today is at crossroads, facing enormous security challenges from the Boko Haram / ISWAP insurgency with very important implications for regional stability. The largely unsecured borders of the region provide platforms for terrorist activities. Unarguably, cross-border security is a historical concern for the Lake Chad region countries.

The authors attempt to explore the emerging regionalisation of (in) security and externality of threats around the Lake Chad region. Using the framework of Regional Security Complex Theory (RSCT), it conceptualises regional security within the trajectories of the threat in the region. RSCT provides a theoretical and conceptual framework for understanding the emergent structure and dynamics of regional security. The paper adopts the qualitative research method which offers an in-depth description and analysis of the regionalisation of security threats in the LC region.

The paper unveils that despite a plethora of research on resurging threats of violent terrorism and the huge publicity of Boko Haram activities in the Lake Chad region, little is known within academia on the element of ethno-cultural and historical tendencies in regional security in the LC region. It thus posits that addressing the challenge of regional security, especially in the Lake Chad would require holistic approach that takes into consideration the ethno-cultural and historical ties and challenges of the region.

Keywords: regional security, Regional Security Complex Theory, Lake Chad, MNJTF, terrorism

For citation: Idahosa S.O., Ikhidero S.I., Egesi B.C. (Nigeria). Regional Security and Threat Dynamics: Lake Chad Region in Perspective. *Asia and Africa today*. 2023. № 6. Pp. 54–61. DOI: 10.31857/S032150750026137-2

INTRODUCTION

In recent years, regional security experts have been preoccupied with unveiling, among other things, the variables that foster regional (in)stability and (dis)order. This invariably reflects a confluence of the continuing relevance of traditional geostrategic calculations and the emergence of new security challenges that have redefined the content and scope of order in the contemporary international system. The rising salience of regional security and regional security orders which cut across every dimension of interaction has generated a surprisingly large number of formal regional arrangements that vary in scope, complexity, and strength [13; 25].

It is observed that the Lake Chad region (LCR) is currently at a crossroads. This is not unconnected with its lingering security challenges prominent among which is the Boko Haram insurgency that have had enormous security implication in the region [6]. The escalation of the activities of this extremist group around the LCR has resulted in litanies of carnages, blood bath and thousands of deaths in Cameroon, Chad, Niger and Nigeria between 2011 and 2021. Such scenario creates what a British political scientist B.G.Buzan and a Danish professor of international relations O.Wæver [3] refer to as “regional security complex”; that is, the interconnectedness of complex security concerns among states that compels a form of collaboration or alliances. Researches over the years reveal that the largely unsecured borders in the Lake Chad region provide platforms for terrorist activities, especially Boko Haram [6].

This paper attempts to examine the spread of insecurity in the LCR. The analysis is embedded in a larger body of theoretical and empirical research on regional conflict formations. Substantial researches by F.C.Onuoha [23], T.S.Denisova [12], S.A.Bokeriya & D.O.Omo-Ogbebor [6], I.A.Bakare [2], etc. on Boko Haram radicalization, spread, insurgency and counterinsurgency continue to demonstrate the increase of regional manifestations of Boko Haram activities vis-a-vis increase in threat to regional security.

OVERVIEW OF THE SECURITY SITUATION IN THE LAKE CHAD REGION

The Boko Haram insurgency remained one of the major security threats to peace, stability and development in the Lake Chad Basin. The countries sharing common boundaries along the Lake Chad continue to grapple with security challenges resulting from the insurgency in the LCR, which comprises parts of Cameroon, Chad, Niger and Nigeria [2].

Conflict in this region is complicated by several ecological threats including water scarcity, high population growth, drought, desertification [18; 21], land degradation and food insecurity [15]. Within the region, approximately 90% of livelihoods rely on lake water and rainfall. However, this paper would be restricted to terrorist activities in the region. The current crisis in the LCR is often framed by the violence perpetrated by Boko Haram. Boko Haram and Islamic State – West Africa Province (ISWAP) have sought to exploit existing fragilities to perpetuate an unprecedented security crisis driven by persistent terrorist and violent extremist attacks, especially by Boko Haram. These attacks have resulted in thousands of deaths throughout the LCR. See *Figure 1* for ease of reference, however a closer look at *Figure 1* and *2* reveals a more complicated regional picture with the regional outlook of the threat and attacks of the group.

The spread of Boko Haram activities in the LCR of Cameroon, Chad, Niger and Nigeria has affected trade activities and businesses within the region. As of 2020, there were an estimated 2.7 mln Internally Displaced Persons (IDPs) in the lake basin. The violence has also led to widespread of civilian displacement, disruption of agricultural production, livelihoods and restricted affected populations from accessing basic services [15].

Researchers have also argued that food security and rapid population growth in the LCR has contributed to the increase of Boko Haram which the latter has exploited over the years. For example, Global Terrorism Index in its 2022 report noted that the water situation around lake highlighted that not only are there around 30 mln people across Nigeria, Chad, Niger, and Cameroon competing over dwindling water supplies but that Boko Haram looks to exploit this situation [15, p. 56]. The report further noted that food security has also contributed to the regionalisation of Boko Haram activities. The group, due to food insecurity, had had to go to Cameroon in search for food.

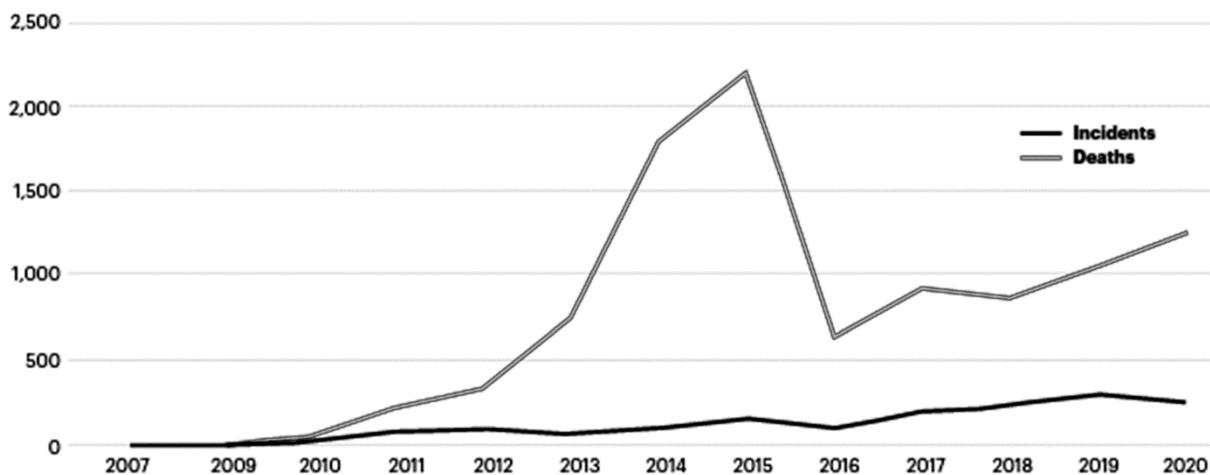

Figure 1. Total incidents and deaths from terrorism in the Lake Chad Basin, 2007–2020.

Source: [15].

There has however been improvement in terrorism deaths in the region which is attributed to the successful counter insurgency operations targeting Boko Haram where deaths caused by the group declined by 72% between 2020 and 2021 from 629 deaths to 178 deaths. In 2021, deaths in Nigeria fell by 51%, falling to 448 in 2021, the lowest level since 2011. Terror-related casualties dropped by almost half compared with the previous year. However, the number of terrorist attacks increased by 49% between 2020 and 2021. Though, this decline was attributed to a fall in deaths by Boko Haram and ISWAP and death of its leader Abubakar Shekau in May

2021. It is pertinent to note that the ISWAP overtook Boko Haram as the deadliest terror group in Nigeria in 2021 and, with an increased presence in neighbouring countries such as Cameroon and Niger, this continuous regionalisation of attacks and activities of the group present a substantial threat to the region [6; 15, pp. 2–4, 25].

Niger, on the other hand, for the first time is now amongst the ten countries most impacted by terrorism in 2021. Between 2020 and 2021 terror-related deaths almost doubled. In 2021, Niger recorded 588 deaths as a result of terrorism. Civilians accounted for 78% of these casualties, resulting in Niger becoming the country with the third-highest civilian death toll in 2021 [15, p. 27].

It is to be noted that Boko Haram unexpected resurgence after its founder was killed in 2009 was as a result of a mass prison break in September 2010. This was later accompanied by increasingly sophisticated and coordinated attacks in 2011 which progressed to include suicide bombings of police Headquarters building and the United Nations office in Abuja [14].

Consequent on the above, the recent coordinated attacks of the Kuje Custodial Centre (prison) in Abuja, Nigeria on 5th July, 2022, where terrorists were reported to have used high explosives and guns to breach the facility which led to the release and escape of over 800 of the 994 inmates and an Officer of the Nigeria Security and Civil Defence Corps (NSCDC) and four inmates killed while 16 inmates were reported to have sustained various degrees of injuries during the attack, it would be anticipated that the consequential effect of 2010 prison break would be repeated. According to the spokesperson of the Nigeria Correctional Service, Umar Abubakar, on Wednesday 6th July, 2022, over 400 of the escaped inmates were recaptured while 443 were still at large. About 24 hours after the incident, ISWAP terrorist group claimed responsibility for the attack [22].

The continuous rise of Boko Haram / ISWAP and attacks on police stations and military establishment, Correctional facilities, churches and other places of worship, schools, international agencies, market squares and other highly-public targets has increased heightened tension, anxiety and a sense of insecurity and gross instability hitherto unknown in any part of the Lake Chad region.

REGIONAL SECURITY AND REGIONAL SECURITY COMPLEX: THE LAKE CHAD REGION IN PERSPECTIVE

To understand regional security, this section will adopt Barry Buzan's Regional Security Complex Theory (RSCT) that was first introduced in the first edition of the book titled "People, States and Fear" in 1983. Updates to the theory were presented in Buzan (1991) [8], while a revised version of RSCT was introduced by B. Buzan, O. Wæver and J. de Wilde in 1998 [9] and Buzan and Wæver in 2003 [4]. This section therefore emphasizes the role of the LCR as central to the RSCT, where nations are close to the point where their security elements cannot be considered separate from each other [3]. As a term, "Lake Chad", albeit still contested in its meaning, did not gain much currency until after the outbreak of Boko Haram terrorist group, especially during the spillover of attacks in Cameroon, Chad and Niger [26]. Here, we use the neologism Lake Chad as referring to the geographical area situated at the junction of West Africa and Central Africa, on the one hand, and Sahel, on the other hand.

A security complex is defined as 'a group of states whose primary security concerns link together closely enough that their national securities cannot realistically be considered apart from one another' [8], that is States affected by one or more security externalities that emerge from a different geographic area, as a result of geographical proximity. The countries of the Lake Chad region exemplify a region characterized by violent extremism that results from one country and impacts on another [28].

Thus an American political analyst Robert E. Kelly, the author of "Security Theory in the 'New Regionalism'" [19] submits that regional subsystems are porous, proximity qualifies the security dilemma dramatically, and weak state-dominant regional complexes generate a shared internal security dilemma that trumps the external one. When examining the intersecting national boundaries in the LCR, it is helpful to visualise a braid. Cameroon, Chad, Niger and Nigeria each potentially represent a 'thread' that is defined not only by its borders, but more so by multiple ethnic groups, languages, traditions and beliefs. Such elements are further (inter)woven into a vast and diverse topography that ranges from dense forest and savannah from one end to another. An examination of this region reveals deceptively clear state boundaries that are challenged by

the reality of porous borders, which allow goods and people to travel between states, contributing to the patchwork nature of this region. Such fluidity has much significance as problems and events often reverberate across state boundaries [16]. Security complexes are also generated by the interaction of anarchy and geography in the sense that anarchy confronts all states with the power-security dilemma, while security interdependence is powerfully mediated by the effects of geography. This is because threats operate more potently over short distances, security interactions with states in close proximity tend to have first priority.

On 26 August 2011, Boko Haram conducted its first high-profile international target – an attack against a Western interest in Abuja, Nigeria when a suicide bomber crashed a car into the United Nations building and detonated an explosive, which killed at least 23 people and injured more than 80 others. At the beginning it seemed to be a strictly Nigerian affair. Since 2014 the threat and attacks of Boko Haram took a regional dimension. The attacks on civilians and military positions in northern Cameroon witnessed its increase since March 2014, similarly southern Niger and western Chad had since early February 2015 witnessed increase in attacks from the Boko Haram.

Cross-border security is a historical concern for the Lake Chad region countries. The development of Boko Haram / ISWAP as a transnational threat in the Lake Chad region of Africa is attributed to several factors. The main factor was the favourable geographic terrain. For example, the specific type of dense forest terrain allowed the Boko Haram / ISWAP ease of movement in and between the affected countries. This is also linked to the porous borders of the countries in these parts of the Lake Chad region which unarguable contributed to the mobility of the terrorist groups leading to regional security issue. The transnational element not only refers to the movement of the Boko Haram / ISWAP but also to its economic sustenance through cross-border kidnapping and movement of weapons. Consequently, the audacity of Boko Haram / ISWAP grew with the proliferation of weapons in the Sahara-Sahel region [24; 27].

Unarguably, proximity plays a huge factor in regional (in)stability, between the countries that share borders. Instability could be exported from one country to another when insurgents establish strongholds in the border zones. Insurgents carry out attacks on neighbouring countries from the base camps [26]. Supporting this assertion is the submission by Global Terrorism Index-2022 [15], according to its report, geographically (as shown in *Figure 2*) 80% of all terrorist attacks occur within 50 km of a conflict. This has helped analysts to argue that the (in)stability of the border reflects the level of violence or cooperation experienced. When borders are fortified and militarized owing to the threat of violence and instability experienced, violent attacks at the local level are certainly impeded by such cooperation [20]. Thus, the regional proximity factor has acquired great importance as a tool to analyze the international relations, regional relation / security dynamics and the innovative national approach to the international opening [7].

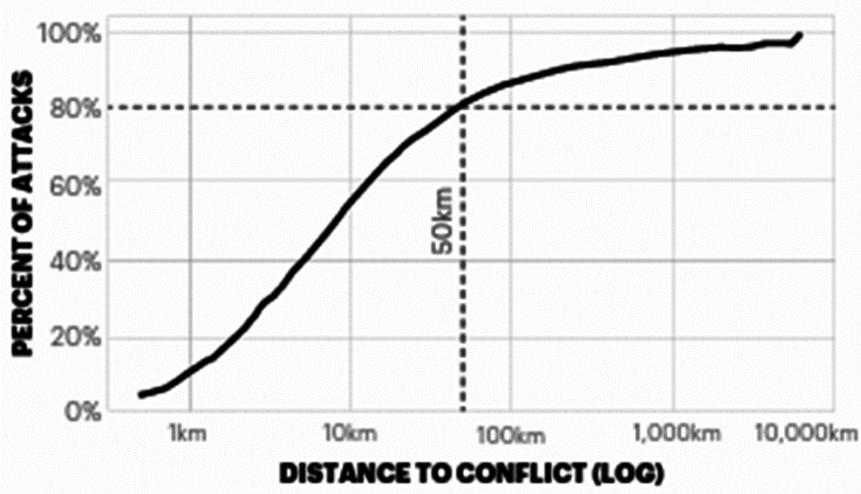

Figure 2. Proximity of Terrorist Attacks from Armed Conflict.

Source: [15].

The idea of security complexes is an empirical phenomenon with historical and geopolitical roots. Specifically, ethno-cultural thinking, as well as religious and racial ties underlie much traditional historical analysis. Such ties constitute a significant factor in identifying security complexes since shared cultural characteristics among a group of states would cause them both to pay more attention to each other [5]. For instance, the LCR is the meeting place of various populations. People living within Lake Chad, whether Cameroonians, Chadians, Nigériens or Nigerians fed on the resources from the Lake Chad, including its waters, fishing, agriculture and livestock.

Similarly, Hausa, Fulani, Kanuri, etc. are major ethnic groups of the LCR. The Kanuri people are an ethnic group living largely in Niger, Nigeria, Cameroon, etc. Kanuri groups have traditionally been sedentary, engaging in farming, fishing, trade and salt processing. The home territories of the Hausa people lie on the border between Niger and Nigeria [17]. Evidently, borders are institutions that regulate the interface between political communities. Unarguably, this cross-border link of ethnic groups and the predominant pastoralism has the potentials of fueling violence and insecurity across the region by extension associating ethnic groups, historical and geopolitical roots and ethno-cultural thinking with the expansion of threats. Threats/violence at the borderline would possibly lead to regional instability, as such threat/instability could be exported from one country to another, especially when insurgents establish strongholds in the border zone. This could lead to possible regional security concern and eventually regional security formation between the countries affected, in order to counter the threats.

REGIONAL SECURITY FORMATION/ REGIONAL SECURITY ARCHITECTURE: MNJTF AS A CASE STUDY

B. Buzan and O. Wæver as espoused, a regional security complex is a group of states whose primary national security concerns are so closely intertwined together that they cannot be extracted or addressed independently of each other, hence, the existence of an element of relationships and dependencies. The theory views security interdependence as a critical factor in the creation of regionally based clusters. RSCT provides a framework for analysis of regional security of regions. To this end, this section explores *Multinational Joint Task Force* (MNJTF) as the emerging regional security architecture in the LCR to fight terrorism and insurgency. It diagnoses the evolution of the MNJTF as a sub-regional security architecture that unites the fight against a common threat between Chad, Cameroon, Niger and Nigeria. Military strategies are crucial tools for the protection of the strategic interests of participating countries in regional military alliance. The choices of States to participate in regional military alliances or collaboration are inextricable link with the States' strategic national interest [4].

The history of MNJTF begins in 1994. Due to the emergence of security threats such as smuggling in the Lake Chad in the 1990s, at the 8th Summit of the Lake Chad Basin Commission held in Abuja in 21–23 March 1994, heads of state of member-countries decided to establish a joint security force based in Baga-Kawa in Nigeria to contain and checkmate criminal activities and to facilitate free movement in the vast ungoverned areas of the region in the shared border areas. Its main mission was to curb arms smuggling around the border of the Lake Chad [11]. Nigeria, during the administration of Sani Abacha, was however the only country that contributed troops. The force was later expanded in 1998 to include units from neighbouring Chad and Niger with the purpose of dealing with common cross-border security issues in the LCR which led to the creation of the MNJSF [1].

The proliferation and intensification of Boko Haram's terrorist attacks in Nigeria and in parallel Ansaru's attacks (a branch that split from Boko Haram due to ideological differences), the deterioration of the security situation in the Lake Chad region, its humanitarian, security and developmental consequences, compelled decision-makers in Nigeria, Chad and Niger to change the force's designation from dealing with common cross-border security issues in the LCR and expand it. In April 2012, the mandate of the MNJTF was expanded to include anti-subversive combat (counterinsurgency). Following the necessary adjustments, the coalition force was activated from July 30, 2015 as a combined military force against Boko Haram with the participation of military forces from Cameroon, Chad, Niger, Benin and Nigeria [11].

The Baga's attack in January, 2015 marks the turning point in the regional fight against Boko Haram. Boko Haram fighters surprised and attacked with considerable force the town of Baga (about 10,000 inhabitants), which serves as a commercial junction, a fishing market and the MNJTF headquarters. Killing local population and numbers of Nigerian soldiers, including demolishing and burning 620 buildings, which includes the multinational force headquarters. For over a decade, violent extremism has spread across the region as a result of Boko Haram and ISWAP activities. This has given the impulse to regional security cooperation processes – a joint military force mandated by the African Union Peace and Security Council (PSC), with the support of external partners [29; 10].

From the beginning of 2020, the joint force amount to about 10,000 fighters with its current commander Maj Gen J.J.Ogunlade. The headquarters is in Ndjamena, Chad. To ease operations, the combat zone in the region was divided into the following 4 sectors and each member state was given responsibility for each sector: Sector 1 (Cameroon) headquartered at Mora; Sector 2 (Chad) headquartered at Baga-Sola; Sector 3 (Nigeria) based in Baga; and Sector 4 (Niger) based in the town of Diffa [11].

From 2015, the several large-scale transnational operations that have been carried out by the MNJTF to limit and halt military capabilities and operations of the terrorist groups have obtained diverse degrees of success. However, element of internal security challenges in the Eastern part of Nigeria and Chad as well as Southern part of Cameroon which has led to the deployment of troops to these affected areas would inadvertently constrain and contribute to scaling back the effectiveness and success of the MNJTF. To this end, the competition between national interests and regional cooperation rationales could be major factors of weakness [10].

Unarguably, regional organizations/architectures serve to repress shared centrifugal threats through pooled rather than ceded sovereignty, hence the MNJTF. The nexus between national and regional security, with an emphasis on politico-military cooperation to tackle terrorism, underpins the emerging concept of regional security/architecture. It is defined and as examined above, is “a set of units whose major threats are so interlinked that their security problems cannot reasonably be analysed or resolved apart from one another”.

CONCLUSION

The Lake Chad region is fast emerging as a new security complex. In addition to the LCR shared resources, countries of the region demonstrate a number of factors in common, least is the geographical proximity, political problems, socio-ethno-cultural linkages, religious and social ties, economic resources and shared threats to national and regional security. The countries of the Lake Chad region exemplify a region characterized by violent extremism that results from one country and impacts on another. This supports the claim that the idea of security complexes is an empirical phenomenon with historical and geopolitical roots.

This thread of ethno-cultural and historical ties within the borders that are challenged by the reality of porosity are elements that could be trajectories of conflict and it would cause the states to pay more attention to each other in forming regional security cooperation/alliance aimed at addressing its common regional threats. The analysis of these trends helps anticipate how regional security will affect a region. If ignored the vacuum of such trend would create lack of a standard regional methodology for addressing the menace and in turn makes it harder to contend with.

Therefore, this paper contributes not only to understanding common conceptions on security concerns between members of a given region with a common regional security dynamics of increased threat. It thus posits that addressing the challenge of regional security, especially in the LCR would require holistic approach that takes into consideration the ethno-cultural and historical ties and challenges of the region. Consequently, policies with local ownership and consideration would balance the expediency of regional security. Hence, the kinetic militaristic strategies of regional clusters alone cannot combat violent extremism and defeat terrorism unless strategies are conducted in tandem with historical and ethno-cultural tendencies while addressing the root causes such as marginalization, poverty and social exclusion, injustice, lack of rule of law, and bad governance, including considering creating conducive economic atmosphere.

REFERENCES

1. Amandine Gnanguènon. Mapping African Regional Cooperation: Lake Chad Basin Commission (LCBC). European Council of Foreign Relations. <https://ecfr.eu/special/african-cooperation/lcbc/> (accessed 20.07.2022)
2. Bakare I.A. International efforts in fighting Boko Haram: United Nations and African Union as case study. *Asia and Africa today*. 2017. № 5. Pp. 17–20.
3. Barney Walsh. 2020. Revisiting Regional Security Complex Theory in Africa: Museveni’s Uganda and Regional Security in East Africa, *African Security*, 13:4, 300–324. DOI: 10.1080/19392206.2021.1873507
4. Barry Buzan & Ole Waever. 2003. Regions and Powers: the structure of international security. New York, United States: Cambridge University Press.
5. Bettina Koch and Yannis A.Stivachtis. Introducing Regional Security in the Middle East. *E-International Relations*. May 11, 2019. <https://www.e-ir.info/2019/05/11/introducing-regional-security-in-the-middle-east/>; <https://www.e-ir.info/pdf/78703> (accessed 20.07.2022)
6. Bokeriya S.A., Omo-Ogbebor O.D. Boko Haram: a new paradigm to West Africa security challenges. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2016. Vol. 16. № 2. Pp. 274–284. Moscow.
7. Bordignon Marta & Cianci, Matilde & Lenzi, Francesca Romana. 2010. Regional Proximity Factor: An Advantage or a Disadvantage for Development? *Transition Studies Review*. 17. 356–373. DOI: 10.1007/s11300-010-0147-1
8. Buzan Barry. 1991. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. 2nd edition, London: Harvester Wheatsheaf.
9. Buzan B., O. Waever and J. De Wilde. Security: A New Framework of Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998.
10. Camillo Casola. Multinational Joint Task Force: Security Cooperation in the Lake Chad Basin. ISPI. 19 March, 2020. <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/multinational-joint-task-force-security-cooperation-lake-chad-basin-25448> (accessed 30.06.2022)
11. David Doukhan. 2020. Multinational Joint Task Force (MNJTF) against Boko Haram – Reflections. International Institute for Counter-Terrorism (ICT). (accessed 30.06.2022)
12. Denisova T.S. Nigeria: from Maitatsine to Boko Haram. *Vostok/Oriens*. 2014. № 4. Pp. 70–82. Moscow. (In Russ.)
13. Fawn Rick. Regions’ and Their Study: Wherefrom, What for and Whereto? *Review of International Studies*, 2009. Vol. 35, pp. 5–34. <http://www.jstor.org/stable/20542776> (accessed 01.07.2022)
14. Idahosa S.O. & Chukujekwu E.F. Domino theory for the promulgation of instability in the Sahel region: post Gadhafi era in perspective. *Revista Inclusiones*, Vol: 7 num Especial (2020): 240–250. P. 244.
15. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2022: Measuring the Impact of Terrorism, Sydney, March 2022. <http://visionofhumanity.org/resources> (accessed 27.06.2022)
16. Jennifer Giroux, David Lanz, Damiano Sguaitamatti. The Tormented Triangle: The Regionalisation of Conflict in Sudan, Chad and the Central African Republic. *Crisis States Research Centre: Working Paper* № 47, Series 2. April 2009.
17. John Ogunsemore. Full List: Hausa is World’s 11th Most Spoken Language. <https://www.herald.ng/full-list-hausa/> (accessed 30.08.2022)
18. Kateřina Rudincová. Desiccation of Lake Chad as a cause of security instability in the Sahel region. *GeoScape*. 2017, 11(2). 112–120. DOI: 10.1515/geosc-2017-0009
19. Kelly Robert E. Security Theory in the ‘New Regionalism’ (May 1, 2007). *International Studies Review*, 2007, 9/2, 197–229. <https://ssrn.com/abstract=2384769> (accessed 30.08.2022)
20. Kenneth A. Schultz. Borders, Conflict, and Trade. *Annual Review of Political Science*. 2015. 18: 125–45.
21. Middendorp Tom, and Reinier Bergema. The Warning Signs are Flashing Red. The interplay between climate change and violent extremism in the Western Sahel. The Hague: ICCT, September 2019. https://icct.nl/app/uploads/2019/10/PB-The-Warning-Signs-are-flashing-red_2e-proef.pdf (accessed 30.08.2022)
22. Nasir Ayitogo. Abuja Prison Attack: Nigerian govt releases details of escaped Boko Haram terrorists. *Premium Times*. July 8, 2022. <https://www.premiumtimesng.com/news/headlines/541571-just-in-abuja-prison-attack-nigerian-govt-releases-details-of-escaped-boko-haram-terrorists.htm> (accessed 30.07.2022)
23. Onuoha Freedom C. The audacity of the Boko Haram: Background, analysis and emerging trend. *Security Journal*. 25.2 (2012): 134–151.
24. Prosper Addo. Cross-border Border Criminal Activities in West Africa: Options for Effective Response. *KAIPTC Paper* № 12. May, 2006. http://iffodatabase.trustafrica.org/iff/cross-border_criminal_activities_in_west_africa_options_for_effective_responses.pdf (accessed 29.09.2022)
25. Robert Stewart-Ingersoll, Derrick Frazier. 2013. Regional Powers and Security Orders: A Theoretical Framework. Routledge. ISBN 9780415631785
26. Stephen Osaherumwen Idahosa & Ilesanmi Abiodun Bakare. 2022. Conceptualisation of regional instability in Sahel: modelling ABM–AfriLand-Rebel Approach, *Journal of Contemporary African Studies*, 40:2, 190–205, DOI: 10.1080/02589001.2020.1796946

27. Tafotie D.J.R., Idahosa S.O. 2016. Conflicts in Africa and Major Powers: Proxy Wars, Zones of Influence or Provocating Instability. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (3), pp. 451–460.
28. Usman A. Tar and Mala Mustapha. The Emerging Architecture of a Regional Security Complex in the Lake Chad Basin. *Africa Development*, Vol. XLII, № 3, 2017, pp. 99–118.
29. William Assanvo, Jeannine Ella A Abatan and Wendyam Aristide Sawadogo. West Africa Report: Assessing the Multinational Joint Task Force against Boko Haram. Institute for Security Studies. Issue 19, September 2016. <https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/war19.pdf> (accessed 30.07.2022)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Stephen Osaherumwen Idahosa, Foreign Service Officer, Ministry of Foreign Affairs of Nigeria; PhD (History), Researcher, Faculty of Humanities and Social Sciences, Department of Theory and History of International Relations, Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia.

Стефен Осахерумвен Идахоса, сотрудник дипломатической службы, Министерство иностранных дел Нигерии; кандидат исторических наук, научный сотрудник, факультет гуманитарных и социальных наук, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

Dr. Solomon Ijeweimen Ikhidero, Lecturer, Faculty of Arts, Department of Religious Management & Cultural Studies, Ambrose Alli University, Ekpoma, Edo State, Nigeria.

Д-р Соломон Иджевеймен Икхидеро, преподаватель, факультет гуманитарных наук, кафедра управления религией и культурологии, университет Эмброуза Алли, Экпома, штат Эдо, Нигерия.

Blessing Chimanpa Egesi, Post-graduate student, Faculty of Humanities and Social Sciences, Department of African and Arabic Studies, Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia.

Блессинг Чиманпа Эгеси, аспирантка, факультет гуманитарных и социальных наук, кафедра арабистики и африканистики, РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

Поступила в редакцию
(Received) 24.12.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 14.03.2023

Принята к публикации
(Accepted) 20.05.2023

Арабские страны Персидского залива как «новые доноры» в мировом хозяйстве

© Хромова Н.Г.^а, 2023

^а МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6702-4993; n.khromova@my.mgimo.ru

Резюме. В статье рассматриваются аспекты предоставления иностранной помощи арабскими странами Персидского залива – членами «Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива» (ССАГПЗ). В начале прошлого века, с открытием богатейших месторождений нефти, этот регион стал главным нефтеносным регионом мира. Во время т.н. «нефтяного бума» эти арабские государства использовали свободные финансовые ресурсы для создания фондов развития и оказания помощи, и в конце XX в. стали «новыми донорами» содействия международному развитию.

В настоящее время две страны – Королевство Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты – входят в 20 ведущих государств-доноров по объемам финансирования, являются весьма влиятельными участниками процессов содействия международному развитию и играют ведущую роль в международной гуманитарной деятельности. Направления и география помощи достаточно обширны и разнообразны, а объемы выделенных средств солидны. Для этих государств гуманитарная помощь является приоритетным направлением внешней политики и способствует повышению престижа на международной арене в целях обеспечения национальных интересов.

Ключевые слова: ССАГПЗ, Саудовская Аравия, ОАЭ, иностранная помощь, содействие международному развитию

Для цитирования: Хромова Н.Г. Арабские страны Персидского залива как «новые доноры» в мировом хозяйстве. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 6. С. 62–69. DOI: 10.31857/S032150750026138-3

The Arab Countries of the Persian Gulf as “New Donors” in the World Economy

© Natalia G. Khromova^а, 2023

^а MGIMO University, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6702-4993; n.khromova@my.mgimo.ru

Abstract. This article deals with the peculiarities and aspects of foreign aid by Arab countries of the Gulf (Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC members)).

Relatively recently, almost all the countries that are members of the integration association GCC were countries with extremely backward consumer economy. But with the discovery of the richest oil deposits, this region has become the main oil-bearing region of the world. During the so-called “oil boom”, the economy of the Arab countries of the Gulf was at the initial stage of development and was not able to invest the growing revenues from oil rents in national projects, so free financial resources were used to create development funds and provide assistance. Now two countries – Saudi Arabia and the United Arab Emirates – are among the top 20 donor-states in terms of funding, are very influential participants in international development assistance processes and play a leading role in international humanitarian activities. The directions and geography of assistance are quite extensive and diverse, and the amount of funds allocated is solid. For these States, humanitarian assistance is a priority direction of foreign policy and contributes to increasing prestige in the international arena in order to ensure national interests.

Keywords: GCC, Saudi Arabia, UAE, foreign aid, international development assistance

For citation: Khromova N.G. The Arab Countries of the Persian Gulf as “New Donors” in the World Economy. *Asia and Africa today*. 2023. № 6. Pp. 62–69. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750026138-3

ВВЕДЕНИЕ

Сравнительно недавно почти все страны, входящие в интеграционное объединение «Союз сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)¹» были «средневековой» провинцией с родоплеменным строем и относились к странам с крайне отсталым потребительским хозяйством. Своеобразие исторического и культурного развития жителей этих стран связано с тем, что до середины XX в. они жили изолированно от мировой цивилизации в условиях бедности и болезней. «Достаточно сказать, что продолжительность жизни составляла всего 33 года, а 95% населения были неграмотны» [1, с. 197]. Но с открытием богатейших месторождений нефти этот регион стал главным нефтеносным регионом мира, и в настоящее время Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия по классификации ООН² относят к странам с очень высоким уровнем человеческого развития (ИЧР). Вышеуказанные страны входят в группу развивающихся, но их ВВП на душу населения сопоставим с уровнем некоторых развитых стран Западной Европы и является одним из самых высоких не только в регионе, но и в мире. Например, Катар, опережая Люксембург, занимал 1-е место в мире по этому показателю в течение нескольких лет, ВВП на душу населения превышал \$100 тыс. в месяц.

«НОВЫЕ ДОНОРЫ»

Во второй половине XX в. страны – члены ССАГПЗ обрели политическую самостоятельность и получили контроль над национальными нефтяными ресурсами. Рост цен на нефть в начале 1970-х гг. позволил им получить огромные финансовые средства от экспорта нефти. В этот период «экономика арабских стран Персидского залива находилась на начальном этапе развития и не была способна вкладывать растущие поступления от нефтяной ренты в национальные проекты, поэтому свободные финансовые средства были использованы для создания фондов развития и оказания помощи»³ [2].

В период 1970–1995 гг. общий объем помощи арабских стран составлял \$102 млрд, при этом доля стран – членов ССАГПЗ достигла 93%, что сделало эти страны весьма влиятельными участниками процессов содействия международному развитию. Среди них следует выделить Саудовскую Аравию, ОАЭ и Кувейт⁴. С начала XXI в. триада этих арабских государств наращивала объем помощи международному развитию. Так, совокупная доля помощи Саудовской Аравии, ОАЭ и Кувейта увеличилась с 2,8% (в 2008–2010 гг.) до 7,5% (в 2011–2015 гг.) от объема помощи «традиционных» доноров.

Эти страны рассматривают участие в гуманитарной деятельности как одно из приоритетных направлений своей внешней политики⁵. Гуманитарная помощь способствует повышению престижа на международной арене в целях обеспечения национальных интересов этих «малых» государств. Также следует учитывать, что идея о необходимости оказания помощи нуждающимся развивающимся странам опирается на исламский постулат, что каждому мусульманину необходимо отдавать часть своего дохода на благотворительность. Обязательный налог в пользу бедных «закят» – один из самых существенных элементов исламской экономики⁶. В официальных документах министерства информации ОАЭ подчеркивается, что «философия политики предоставления помощи имеет двойное значение: во-первых, это вера в то, что помощь нуждающимся является обязанностью всех мусульман, и, во-вторых, необходимость направить часть богатства страны, полученного от нефти и газа, на помощь другим странам, которые этими богатствами не располагают» [2]. В ежегодном отчете Министерства иностранных дел и

¹ В состав ССАГПЗ входят: Бахрейн, Катар, Кувейт, Оман, ОАЭ, Саудовская Аравия. Международное объединение образовано в 1981 г.

² За 2019 г., по данным доклада 2020 г. *Human Development Report 2020*.

³ Например, Кувейтский фонд арабского экономического развития был основан в декабре 1961 г. Главным государственным учреждением ОАЭ, ответственным за оказание зарубежной гуманитарной помощи, стал созданный в 1971 г. (за несколько месяцев до официального провозглашения независимости) Фонд развития Абу-Даби. В Саудовской Аравии Фонд развития был создан в 1974 г. (*прим. авт.*).

⁴ Кувейт до 2020 г. входил в список 20 крупнейших доноров мира (*прим. авт.*).

⁵ Создатель федеративного государства ОАЭ и его первый президент Зайед ибн Султан Аль Нахайян называл помощь иностранным государствам «главной опорой внешней политики».

⁶ В списке стратегических задач Королевства Саудовской Аравии статья «Оказание экономической помощи» занимает 4-е место.

международного сотрудничества ОАЭ *Foreign Aid: United Arab Emirates 2020* приводятся слова вице-президента, премьер-министра ОАЭ и эмира Дубая шейха Мохаммеда ибн Рашида Аль Мактума: «Наша нация верит в солидарность и синергию между всеми странами мира, мы стремимся сделать ОАЭ активным и действенным членом международного сообщества, направляя свою иностранную помощь на борьбу с бедностью, невежеством и болезнями» [3].

В топ-20 ведущих государств-доноров по объемам финансирования гуманитарной помощи в 2021 г. входят две вышеуказанные арабские страны – Саудовская Аравия (4-е место) и ОАЭ (13-е место)⁷.

В соответствии с международными критериями для оценки вклада стран-доноров по оказанию иностранной помощи используют показатель: выделенные средств страны по линии ОПР⁸ по отношению к ВНД⁹ (ОПР/ВНД). Установленный ООН целевой показатель ОПР/ВНД составляет 0,7%. На *диагр.* 1 представлены топ-10 стран-лидеров по этому показателю за 2020 г.

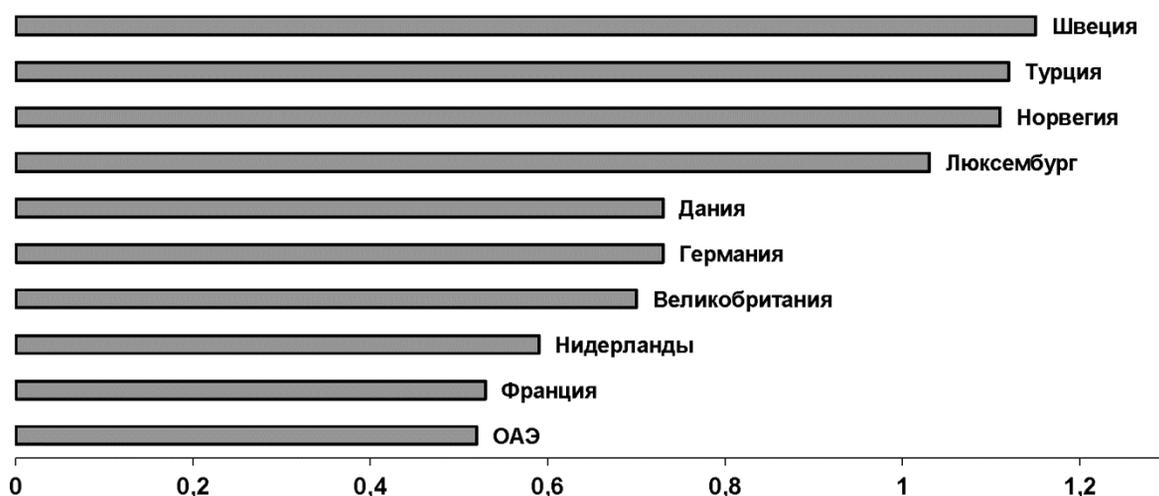

Диаграмма 1. Чистая официальная помощь в целях развития (ОПР) в процентах от ВВП 2020 год, %.
Diagram 1. Net official development assistance (ODA) as a percentage of GNI 2020, %.

Источник: *Foreign Aid: United Arab Emirates 2020*; [3].

В топ-10 входит только одна из стран ССАГПЗ – ОАЭ¹⁰. В период с 2013 по 2018 г. ОАЭ выделяли больше средств по линии ОПР, чем установленный целевой показатель. Однако в 2019 г. показатель ОПР/ВНД составил 0,55%, в 2020 г. из-за последствий вспышки пандемии *COVID-19* показатель снизился до 0,5%, а в 2021 г. составил 0,4%. Тем не менее ОАЭ несколько лет подряд сохраняют свое лидирующее положение среди 20 крупнейших доноров ОПР/ВНД, обогнав крупные страны-доноры, входящие в КСР ОЭСР¹¹, такие как Бельгия, Финляндия, Япония и др.

Саудовская Аравия и ОАЭ входят в топ-10 доноров в целом ряде стран БВСА, предоставляя крупные объемы помощи как в виде поддержки платежного баланса, так и в виде гуманитарной помощи [4].

Рассмотрим более подробно географию, источники и секторы финансирования ведущих стран-доноров.

ОБЪЕДИНЕННЫЕ АРАБСКИЕ ЭМИРАТЫ (ОАЭ)

Объем иностранной помощи, предоставленной ОАЭ с 2010 по 2021 г., составил 206,034 млрд дирхамов (\$56,14 млрд) [5], в течение этого периода ОАЭ сохраняли высокий уровень предоставления

⁷ Financial Tracking Service <https://fts.unocha.org/global-funding/overview/2021> (accessed 10.01.2023)

⁸ Официальная помощь в целях развития.

⁹ Валовой национальный доход.

¹⁰ ОПР/ВНД 2020 г.: Катар – 0,42%; Кувейт – 0,28%; КСА – 0,25% (*прим. авт.*).

¹¹ Комитет содействия развитию (КСР) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) является форумом для обсуждения вопросов, касающихся помощи, развития и сокращения масштабов нищеты в развивающихся странах.

официальной помощи в целях развития и четыре года подряд занимали первое место в мире среди доноров помощи в целях развития, а в другие годы в течение того же периода занимали второе и четвертое места.

Иностранная помощь ОАЭ имеет различные формы, соответствующие характеру реализуемых проектов, такие как: помощь в целях развития¹², гуманитарная или благотворительная помощь¹³. Помощь в целях развития, предоставленная ОАЭ, составила около 87,7% от общей стоимости иностранной помощи, в то время как гуманитарная и благотворительная помощь составили 9,9% и 2,4%, соответственно. Около 59,1% от общего объема помощи ОАЭ в целях развития было предоставлено в виде грантов, которые страны-получатели не обязаны возвращать, а остальные 40,9% составили льготные кредиты [5].

В 2021 г. пропорции изменились, и объем помощи в целях развития составил 69,5% от общего объема иностранной помощи ОАЭ, в то время как доля гуманитарной помощи достигла 26,6%, а оставшаяся часть в размере 3,9% была направлена на благотворительность [6].

Географическое распределение иностранной помощи ОАЭ за период с 2010 по 2020 г. следующее: на Африканский континент приходилась почти половина, на страны Азии – около 40%, на Европу, Америку и Океанию – около 5%, а многосторонние программы и международные организации получили около 5% от общего объема внешней помощи. В 2018–2020 гг. географическая структура несколько изменилась, доля стран Африки снизилась до 30%, а помощь в азиатском направлении увеличилась почти до 60%. В 2021 г. доля помощи странам Азии увеличилась до 67,9% (см. *диагр. 2*).

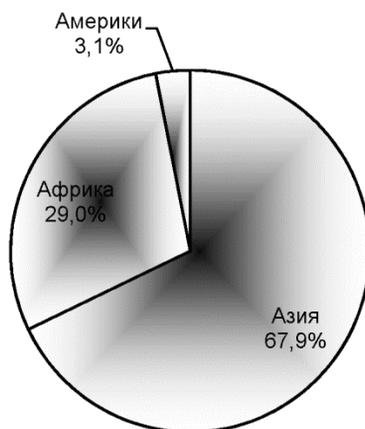

Диаграмма 2. Выделенные средства в разбивке по континентам (в % от общего объема, 2021 г.).
Diagram 2. Allocated funds by continent (% of total, 2021).

Источник: Составлено автором по данным отчета *Foreign Aid: United Arab Emirates 2021*; [3].

Опираясь на основной принцип эффективности, организации-доноры ОАЭ разрабатывают программы и предоставляют иностранную помощь **по 3 основным каналам**:

- 1) двусторонняя помощь правительства (иностранная помощь, предоставляемая непосредственно правительствам других стран);
- 2) прямая реализация проекта (проекты доноров, которые реализуются напрямую или через подрядчика);
- 3) взносы в национальные НПО¹⁴ и институты гражданского общества (иностранная помощь, предоставляемая местным неправительственным организациям и институтам гражданского общества в странах-бенефициарах).

На эти три канала приходится около 90% от общего объема иностранной помощи ОАЭ.

Иностранная помощь ОАЭ охватывала 25 ключевых секторов и 131 подсектор. В структуре финансирования ОАЭ по секторам в 2020 г. наибольший удельный вес приходился на сектор здравоохранения и на борьбу с новой коронавирусной инфекцией *COVID-19* – 57,9% и 31,4% соответственно. Как

¹² Программы, которые улучшают экономическое или социальное благосостояние (*прим. авт.*).

¹³ Проекты религиозной или культурной направленности (*прим. авт.*).

¹⁴ Неправительственные организации.

указано в отчете Министерства иностранных дел и международного сотрудничества ОАЭ *Foreign Aid: United Arab Emirates 2020*: «В 2020 г., несмотря на чрезвычайные обстоятельства на фоне широко распространенной вспышки коронавирусной болезни (*COVID-19*), доноры ОАЭ смогли доказать свое лидерство в международной гуманитарной помощи, деятельности в области развития и благотворительности, используя весь свой потенциал, ресурсы и опыт для оказания иностранной помощи и участия в глобальных усилиях по реагированию на региональные и международные последствия пандемии, особенно в уязвимых и нестабильных странах» [3].

В 2020 г. ОАЭ выделили 6,81 млрд дирхамов ОАЭ (\$1,85 млрд) в качестве официальной помощи в целях развития. Остановимся на некоторых направлениях оказания помощи.

Помощь в борьбе с пандемией *COVID-19*

В 2020 г. ОАЭ предоставили более 1860 т медицинских принадлежностей и комплектов индивидуальной защиты на сумму 1,29 млрд дирхамов ОАЭ (\$351,3 млн) в 128 стран мира. Поставки включали 4,2 млн наборов для тестирования на коронавирус и более 2,1 тыс. аппаратов искусственной вентиляции легких для борьбы с распространением вспышки *COVID-19*. Помимо этого, ОАЭ оказали поддержку Всемирной организации здравоохранения и Всемирной продовольственной программе, предоставив около 500 тыс. наборов для ПЦР-тестов на сумму 36,7 млн дирхамов (около \$10 млн), а также оказали помощь в транспортировке двух полевых госпиталей из Норвегии и Бельгии в Гану и Эфиопию на сумму \$4 млн. Кроме того, ОАЭ создали полевые госпитали в Иордании, Гвинее-Конакри, Судане, Мавритании, Ливане и Сьерра-Леоне для оказания помощи в борьбе с *COVID-19*.

Программы поддержки сектора возобновляемой энергетики

С 2010 по 2020 г. ОАЭ поддерживали развитие сектора возобновляемой энергетики, предоставив иностранную помощь в размере около 1,97 млрд дирхамов (\$537,7 млн). Фонд возобновляемой энергетики ОАЭ – стран Карибского бассейна (*UAE-CREF*) и Фонд партнерства ОАЭ – страны бассейна Тихого океана (*UAE-PPF*) получили по \$50 млн [5].

Программы поддержки прав и возможностей женщин

В целях поддержки расширения экономических прав и возможностей женщин в 2020 г. ОАЭ выделили 36,7 млн дирхамов ОАЭ (\$10 млн)¹⁵ в рамках финансовой инициативы Всемирного банка по поддержке женщин-предпринимателей (*World Bank's Women Entrepreneurs Finance Initiative (We-Fi)*). Для реализации трех следующих проектов по расширению прав и возможностей женщин в 37 странах по всему миру: проект Африканского банка развития «Позитивные финансовые действия в интересах женщин в Африке» (*Affirmative Finance Action for Women in Africa (AFAWA)*), ориентированный на 21 африканскую страну, в дополнение к более чем 40 000 небольших проектов, возглавляемых женщинами-бенефициарами, к возможностям трудоустройства для 35 000 женщин; проект Межамериканского банка развития «Женщины-предприниматели для Латинской Америки и Карибского бассейна» (*Women Entrepreneurs for Latin America and the Caribbean – WeForLac*), ориентированный на 671 тыс. женщин в 6 странах; и, наконец, проект Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) «Женщины степи» (*«Women of the Steppe»*), ориентированный на 4 страны: Кыргызстан, Монголия, Таджикистан и Узбекистан, ожидаемыми получателями средств которых являются 7499 женщин. Общий объем взносов ОАЭ с 2018 до 2020 г. составил 110,2 млн дирхамов ОАЭ (\$30 млн).

Программы по искоренению полиомиелита

В рамках Программы помощи ОАЭ Пакистану (*UAE-PAP*) по искоренению полиомиелита во всем мире ОАЭ в период с 2014 по 2020 г. поставили 508 млн доз вакцин против полиомиелита более чем для 86 млн пакистанских детей, в т.ч. 52,2 млн доз почти для 16 млн детей в 2020 г. [3, р. 9].

Для предоставления финансирования и реализации программ помощи работают более 40 организаций-доноров. Прежде всего, правительство ОАЭ, благотворительные организации, гуманитарные фонды, фонды развития и предприятия частного сектора ОАЭ.

¹⁵ В рамках общих обязательств в размере 183,65 млн дирхамов ОАЭ (\$50,0 млн) (*прим. авт.*).

Первым государственным учреждением ОАЭ, оказывающим иностранную гуманитарную помощь, стал созданный в 1971 г. Фонд развития Абу-Даби. «Целью проектов фонда было стимулирование экономического развития и содействие повышению уровня жизни путем предоставления развивающимся странам безвозмездных займов и кредитов на льготных условиях» [2].

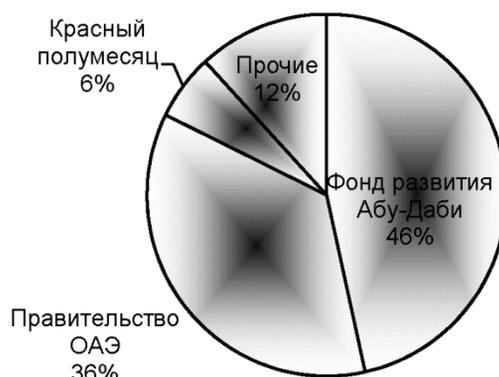

Диаграмма 3. Организации-доноры иностранной помощи ОАЭ (% от общего объема помощи, 2021 г.).

Diagram 3. UAE Foreign aid donor organizations (% of total aid, 2021).

Источник: Составлено автором по данным: *Foreign Aid: United Arab Emirates 2020*; [3].

Сохраняя репутацию одного из ведущих доноров, Фонд развития Абу-Даби занял привилегированное положение в качестве главного донора иностранной помощи ОАЭ в 2018–2020 гг., предоставив 65% от общего объема выплат иностранной помощи ОАЭ. В 2020 г. на его долю приходится 62,1% от общего объема помощи ОАЭ в целях развития. Правительство ОАЭ, включающее более 16 местных и федеральных правительственных структур, заняло второе место по объему иностранной помощи, далее следует Красный Полумесяц ОАЭ, главное гуманитарное агентство ОАЭ.

В 2021 г. суммарно на эти три донора приходится около 90% от общего объема выплат иностранной помощи ОАЭ. Примечательно, что доля Фонда развития Абу-Даби уменьшилась до 46% за счет роста доли правительства ОАЭ (см. *diagp.* 3).

Следует отметить, что в ОАЭ, в Дубае, базируется Международный гуманитарный город (*International Humanitarian City – ИНС*) – глобальный центр обеспечения готовности к чрезвычайным ситуациям и реагирования на них, который позиционирует себя как крупнейший в мире центр оказания помощи. Основанный в 2003 г. эмиром Дубая Мохаммедом ибн Рашидом Аль Мактумом, это крупный логистический центр для международного распределения гуманитарной помощи и чрезвычайной помощи с более чем 130 000 кв. м складских помещений и объектов материально-технического обеспечения. *ИНС* является свободной зоной, где работают 9 учреждений Организации Объединенных Наций, более 85 НПО и коммерческих организаций, занимающихся оказанием помощи как в случае гуманитарных кризисов, так и для поддержки долгосрочного экономического развития. Здесь находится глобальный запас гуманитарной помощи УВКБ ООН¹⁶.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

Королевство Саудовская Аравия (КСА) является крупнейшим донором иностранной помощи. В общем объеме финансирования Саудовской Аравии около 80% занимает гуманитарная помощь Йемену, где КСА поддерживает правительство в борьбе с хуситами.

Если рассматривать финансирование по секторам Саудовской Аравии, то в 2020 г. наибольший удельный вес составляло финансирование сектора здравоохранения – 45,7% и продовольственной безопасности – 24,8%.

Источники помощи различны, финансирование осуществляется в партнерстве с частным сектором. Основные организации-доноры КСА: Саудовский Фонд развития и Центр гуманитарной помощи коро-

¹⁶ Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев.

ля Салмана. Суммарно на эти 2 донора, которые тесно сотрудничают с международными гуманитарными структурами, приходится около 80% от общего объема выплат иностранной помощи.

Саудовский Фонд развития (*Saudi Development Fund*) был создан в 1974 г. и уже в 1990 г. занимал 5-е место по абсолютному объему внешней помощи \$3,6 млрд (3,89% ВВП) после США, Японии, Франции и Германии [2]. Следует отметить, что финансовая помощь в основном предоставлялась мусульманским странам, поскольку «мусульманская составляющая всегда играла ведущую роль во внутренней и внешней политике саудовского королевства. Предоставление финансовой помощи, в первую очередь, мусульманским странам мусульманского мира было также призвано содействовать укреплению внешнеполитических позиций Саудовской Аравии в арабо-мусульманском мире, ведущим центром которого она стремилась стать» [7, с. 109]. В настоящее время Фонд развития Саудовской Аравии в основном придерживается этого направления.

В 2015 г. был учрежден Центр гуманитарной помощи короля Салмана (*The King Salman Center for Relief and Humanitarian Aid*). В первую очередь Центр был создан для координации гуманитарной помощи Саудовской Аравии в связи с кризисом в Йемене (где с марта 2015 г. Саудовская Аравия возглавила военную интервенцию в ходе гражданской войны) с упором на обеспечение продовольственной безопасности, хотя в его более широкие полномочия входит «координация и реорганизация гуманитарной помощи Саудовской Аравии под одной крышей» [8]. Финансирование Фонда осуществляется как правительством, так и частными компаниями.

КУВЕЙТ

Справедливости ради следует отметить, что первенство в области гуманитарной деятельности среди государств-членов ССАГПЗ принадлежало Кувейту. Кувейтский Фонд арабского экономического развития был основан в декабре 1961 г. вскоре после обретения страной независимости. Это событие соответствовало одному из приоритетных направлений внешней политики – укреплению отношений с другими арабскими странами с целью повышения уровня их социально-экономического развития [9]. Фонд был создан как послание кувейтского народа гласившее, что «мы вступаем в период перемен, но мы не забудем наших нуждающихся друзей». Кувейтский фонд стал первым финансовым учреждением, предоставлявшим финансовую и техническую помощь развивающимся странам, учрежденным развивающейся страной. Президент Всемирного банка (1968–1981 гг.) Роберт Макнамара отмечал: «Кувейтский фонд, впервые созданный в 1961 г., не имел прецедентов. Кувейт, крошечная страна, до недавнего времени входившая в число беднейших регионов Земли, учредила фонд развития в год своей политической независимости и готова поделить своим будущим богатством с другими арабскими странами». По данным ОЭСР, в 2020 г. официальная помощь в целях развития из Кувейта составила \$394 млн.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, арабские страны Персидского залива, в частности КСА и ОАЭ, за относительно короткий период времени стали «новыми донорами» иностранной помощи в мировом хозяйстве. Эти страны являются активными участниками СМР и играют ведущую роль в международной гуманитарной деятельности. Как мы могли убедиться, программы и география помощи достаточно обширны и разнообразны, а объемы выделенных средств солидны.

Для этих государств гуманитарная помощь является приоритетным направлением внешней политики и способствует повышению престижа на международной арене в целях обеспечения национальных интересов. Несмотря на то, что арабские страны-доноры придерживаются принципов исламской солидарности и прагматичности в выделении помощи, «они настолько же искусно использовали помощь в качестве инструмента обеспечения политических и экономических интересов, как и страны Запада» [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Жданов С.В. Арабские страны в мировой экономике. М., Издательский дом «Панорама», 2006.
2. Мелкумян Е.С. Гуманитарная деятельность арабских монархий Персидского залива. *Пути к миру и безопасности*. 2018, № 1 (54), с. 299–307.

3. Foreign Aid: United Arab Emirates 2020. Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation (MoFAIC). <https://www.mofaic.gov.ae> (accessed 20.12.2022)
4. Бартенев В.И. Международная помощь странам Ближнего Востока и Северной Африки: управляя рисками: доклад № 62/2020 [вып. ред.: Р.Ш.Мамедов]. *Российский совет по международным делам (РСМД)*. 2020.
5. UAE's foreign aid from 2010 to 2021 totalled AED206 billion: MoFAIC report. <http://wam.ae/en/details/1395302963076> (accessed 20.01.2023)
6. Foreign Aid: United Arab Emirates 2021. *Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation (MoFAIC)*. www.mofaic.gov.ae (accessed 21.01.2023)
7. Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения. М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003.
8. El Taraboulsi-McCarthy Sh. A Kingdom of Humanity? Saudi Arabia's Values, Systems and Interests in Humanitarian Action. Humanitarian Policy Group (HPG) Working Paper. London. *Overseas Development Institute*, 2017. <http://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/11741.pdf> (accessed 15.10.2022)
9. Мелкумян Е.С. Гуманитарные аспекты внешней политики малых государств: пример Кувейта. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение»*. 2016. № 3 (5), с. 60–70.
10. Бартенев В.И. Помощь стран Персидского залива постреволюционному Египту: логика, динамика, системное влияние. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. № 4, с. 566–582.

REFERENCES

1. Zhdanov S.V. 2006. Arab countries in the world economy. Moscow. (In Russ.)
2. Melkumyan E.S. 2018. Humanitarian activity of the Arab monarchies of the Persian Gulf. *Paths to peace and security*. № 1 (54), Moscow. Pp. 299–307. (In Russ.)
3. Foreign Aid: United Arab Emirates 2020. *Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation (MoFAIC)*. <https://www.mofaic.gov.ae> (accessed 20.12.2022)
4. Bartenev V.I. 2020. International assistance to the countries of the Middle East and North Africa: Managing Risks: Report № 62/2020. *The Russian Council for International Affairs (RIAC)*. Moscow. (In Russ.)
5. UAE's foreign aid from 2010 to 2021 totalled AED206 billion: MoFAIC report. <http://wam.ae/en/details/1395302963076> (accessed 21.01.2023)
6. Foreign Aid: United Arab Emirates 2021. Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation (MoFAIC). <https://www.mofaic.gov.ae> (accessed 20.01.2023)
7. Kosach G.G., Melkumyan E.S. 2003. Saudi Arabia's Foreign Policy. Priorities, directions, decision-making process. Moscow. (In Russ.)
8. El Taraboulsi-McCarthy Sh. A Kingdom of Humanity? Saudi Arabia's Values, Systems and Interests in Humanitarian Action. Humanitarian Policy Group (HPG) Working Paper. London. *Overseas Development Institute*, 2017. <http://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/11741.pdf> (accessed 15.10.2022)
9. Melkumyan E.S. 2016. Humanitarian aspects of the foreign policy of small States: the example of Kuwait. *Bulletin of the Russian State University for Humanities. Series: Political Science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental Studies*. № 3 (5), Moscow. Pp. 60–70. (In Russ.)
10. Bartenev V.I. 2019. Assistance of the Persian Gulf countries to post-revolutionary Egypt: logic, dynamics, systemic influence. *RUDN Bulletin. Series: International Relations*. № 4, Moscow. Pp. 566–582. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хромова Наталья Геннадьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики МГИМО (У) МИД, Москва, Россия. Natalia G. Khromova, PhD (Economics), Associate Professor, Department of the World Economy, MGIMO University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 24.01.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.04.2023

Принята к публикации
(Accepted) 19.05.2023

DOI: 10.31857/S032150750023527-1

Направления внешней политики Германии в странах Африки

© Савина З.С.^{a,b}, 2023^a Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия^b Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7371-3384; zoya.savina.1995@mail.ru

Резюме. Правительство Германии стремится существенно расширить сотрудничество с африканскими странами, например, в сфере защиты климата, торговли и разрешения международных конфликтов. Это знак того, что Германия признает усиливающееся влияние Африки в мире. Сегодня Евросоюз по политическим обстоятельствам быстро снижает уровень зависимости от российской нефти и газа. В статье рассматриваются отдельные направления внешней политики ФРГ в отношении стран Африки, сформировавшиеся во время канцлерства Ангелы Меркель, а также внешняя политика ФРГ в странах Африки, которая формируется на современном этапе после прихода на пост канцлера Германии Олафа Шольца. Обсуждаются выдвинутые инициативы, закрепляющие основные направления внешней политики ФРГ в отношении стран Африки, дается краткий обзор результатов их реализации. Предпринимается попытка проанализировать эффективность политики «зеленой» энергетики, направленной на африканские страны. Автор также пытается выявить основные положения документов правительства Германии по энергетической политике в отношении Африканского континента и то, как они влияют на германо-африканское взаимодействие. Выдвигается идея о необходимости пересмотра Германией модели отношений с африканскими странами: германо-африканское сотрудничество сегодня, по заявлениям правительства ФРГ, должно отойти от модели «донор-реципиент» и выстраиваться на базе взаимовыгодного сотрудничества.

Ключевые слова: Германия, Африка, возобновляемые источники энергии, кризис, климат, торговля

Для цитирования: Савина З.С. (Севастополь). Направления внешней политики Германии в странах Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 6. С. 70–76. DOI: 10.31857/S032150750023527-1

The Trends in German Foreign Policy in African Countries

© Zoya S. Savina^{a,b}, 2023^a Sevastopol State University, Sevastopol, Russia^b Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7371-3384; zoya.savina.1995@mail.ru

Abstract. Today, Europe pays close attention to its relations with African countries. Germany is the locomotive of the EU and is also building its own policy towards African countries. During the chancellorship of Angela Merkel, several initiatives were proposed aimed at the development of economic relations with Africa. In 2021, Olaf Scholz became the chancellor of Germany. The article examines Germany's policy towards African countries both before and during the chancellorship of Olaf Scholz. Africa is the key to Europe's economic sustainability, especially as Europe has continued to separate from Russia economically and politically in the last years.

In this context, Africa plays a significant role in meeting Europe's pressing fossil fuel needs. Despite the European rhetoric to the contrary, in recent decades relations between Africa and Europe have stalled in the paradigm of charity rather than equal partnership. However, Europe now really needs a genuine strategic partnership with African countries in order to be able to negotiate on the energy and climate crisis, prevent future migration crises and compete with geopolitical rivals. The policy of "green energy" is a promising direction of German foreign policy towards the African continent. Against the background of already existing German initiatives towards Africa, the results of recent international summits on climate and the provisions of new initiatives in the field of green energy and climate conservation are considered. All this can become one of the main bridges for strengthening relations between Germany and African countries. In this regard, the article attempts to highlight the main prerequisites for the formation of modern German

foreign policy in Africa and attempts to describe the establishment of German-African relations during the chancellorship of Angela Merkel and her successor Olaf Scholz.

Keywords: Germany, Africa, renewable energy, crisis, climate, trade

For citation: Savina Z.S. (Sevastopol). The Trends in German Foreign Policy in African Countries. *Asia and Africa today*. 2023. № 6. Pp. 70–76. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750023527-1

ВВЕДЕНИЕ

При анализе стратегий и документов, определяющих направления немецкого участия в африканских вопросах, важно опираться на фактически реализованные планы. Даже в заявлениях экспертов отмечается, что значительная часть обязательств Германии в отношении Африки часто представляет собой заявления и намерения. Например, план 2017 г. по созданию миллиардного фонда, предназначенного для увеличения инвестиций немецких компаний в Африку, на 2019 г. все еще находился на стадии подготовки [2].

Кристоф Хоффманн, эксперт по Африке из Свободной демократической партии Германии (СвДП), отмечает, что «новые основополагающие принципы политики в отношении Африки» являются успокаивающими заявлениями, как и «План Маршалла» [8] или «Соглашение с Африкой» (*Compact with Africa*) [7]. Он отмечает, что теперь важно не успокаивать общество и не рассуждать о планах, а переходить к конкретным действиям.

Немецкий экономист Роберт Каппель утверждает, что на основе политики Германии в Африке не могут быть гарантированы мир и создание новых рабочих мест на континенте. Опираясь на документы, необходимо реалистично и здраво оценивать перспективы, трудности и издержки, принимать во внимание возможное устаревание документов и, как следствие, – их нецелесообразность.

Ранее разные ведомства выдвигали свои отдельные идеи в отношении внешней политики Германии в странах Африки. Сегодня новые стратегические документы нацелены на согласование действий во внешней политике Германии, т.е. они теперь имеют одну направленность, общий набор приоритетов. По крайней мере, на первый взгляд, создаваемые на сегодняшний день документы помогают определить общие векторы участия Германии в ключевых областях: миротворчество, содействие развитию, миграция, работа с африканскими партнерами, расширение сотрудничества с гражданским обществом.

Роберт Каппель, однако, утверждает, что с 2017 по 2019 г. не наблюдал никаких признаков какого-либо реального прогресса. Обсуждаемые ныне повестки в той или иной мере связаны с тем, что уже имеется в различных политических концепциях по Африке [14]. Тем же годом датируется последний отчет работы инициативы «Соглашение с Африкой» на официальном сайте и годом позже – отчет об инвестициях в частный сектор стран Африки в условиях пандемии коронавируса [3].

Тем не менее наблюдаются некоторые новые подходы. В современных стратегических документах четко указывается, что Федеральное правительство Германии больше не рассматривает континент исключительно как реципиента помощи. В них неоднократно подчеркивается важность партнерства. Правительство Германии обязалось ориентироваться в своем взаимодействии с Африкой на стратегию Африканского Союза (АС) «Повестка дня на период до 2063 года» – план экономического и социального развития Африки, разработанный правительствами стран континента [4].

ФОРМИРОВАНИЕ GERMAHO-AFRICAN RELATIONS DURING THE CHANCELLORSHIP OF A. MERKEL

Поездки в Африку за 16 лет пребывания Ангелы Меркель на посту канцлера Германии (2005–2021 гг.) стали довольно частыми, как и её встречи с главами африканских государств. Так, в августе 2021 г. Меркель пригласила президентов Сенегала, Руанды и Южно-Африканской Республики на встречу в Берлине в рамках инициативы «Соглашение с Африкой». Основным вопросом повестки дня были инвестиции и производство вакцин в странах Африки. Производители вакцин *BioNTech* из Майнца объявили, что планируют производить вакцины против малярии и туберкулеза в Африке и в будущем – построить производственные мощности в Руанде и Сенегале [5]. Как отмечает Миненгле Нене, научный сотрудник Южноафриканского института международных отношений (*SAIIA*), взаимодейст-

вие Меркель с Африкой было «заслуживающим внимания», особенно в том, что касается экономического развития континента. Так, по словам М.Нене, «немецкие инвестиции в Африку в последние годы под её [А.Меркель] руководством расширились. Я не верю, что Африка (когда-либо) играла бóльшую роль в немецкой политике, чем во время её руководства» (см.: [17]).

Президент Африканского банка развития Акинвуми Адесина (избран в 2015 г. и повторно в 2020 г.) также высоко оценивает бывшего канцлера Германии: «...Она уже давно проявляет неподдельный интерес к континенту и острое стремление к его сильному экономическому росту и развитию» [17], отмечая «Соглашение G20 с Африкой», которое начало действовать по инициативе Меркель в 2017 г., когда Германия председательствовала в G20. В основе инициативы лежат партнерские отношения между государствами G20, включая Германию, и 12 африканскими странами (Бенин, Буркина-Фасо, Гана, Гвинея, Египет, Кот-д'Ивуар, Марокко, Руанда, Сенегал, Того, Тунис, Эфиопия).

К началу 2022 г. объем прямых иностранных инвестиций Германии составлял 1,426 млрд евро¹, однако на Африку (4 года спустя после создания инициативы «Соглашения с Африкой») приходилось лишь около 1% [17]. В этой связи аналитик Г.Курц из Института глобальной государственной политики берлинского аналитического центра, критически относясь к инициативе Меркель, заявил: «Соглашение с Африкой не позволило полностью достичь указанных в нём целей по продвижению немецких частных инвестиций в Африку, и оно не оправдало ожиданий, в т.ч. ожиданий самой Меркель» [17].

Курц также критически относится к т.н. «партнерствам по реформированию» немецкого сотрудничества в целях развития. В рамках этих партнерств африканские страны получают дополнительную помощь, если правительство Германии считает, что они добились особого прогресса в области управления. Эфиопия, например, является партнером по реформированию с 2019 г. (недавно страна подверглась международной критике из-за конфликта в её северном регионе Тыграй).

Несмотря на это, Курц считает, что Ангела Меркель помогла повысить значимость Африки во внешней политике Германии, назвав её политику «шагом вперед». Предыдущие правительства рассматривали Африку с точки зрения проблемы развития, в то время как Меркель расширила этот вопрос, включив в него экономическую перспективу.

Тем не менее он не исключает, что за более активным участием Германии в делах Африки стоят явные личные интересы канцлера. Число поездок Меркель в Африку заметно выросло в 2016 г., через год после миграционного кризиса в Германии, когда в страну прибыло около миллиона мигрантов и лиц, ищущих убежища. Он также говорит, что озабоченность Меркель ограничением нелегальной миграции в Европу, которая была приоритетом партнеров Германии по Евросоюзу, особенно Франции, нанесла ущерб некоторым другим стратегиям ФРГ в Африке.

Сама Меркель отмечала, что во время её руководства интересы Берлина несколько сместились с Восточной Африки на Западную [17]. Германия расширила сотрудничество с государствами Сахеля – Мали, Мавританией, Чадом, Буркина-Фасо и Нигером. В последние годы в этом регионе наблюдается резкое ухудшение ситуации в плане безопасности из-за участвовавших нападений исламистских боевиков и вооруженных группировок.

Вызывает интерес, какое значение Африка будет иметь для преемника Меркель – Олафа Шольца, учитывая, как отмечал Г.Курц, что «немецкая политика в Африке стартовала с очень низкого уровня». В то же время, по его мнению: «В отличие от более авторитетных международных игроков в Африке, таких как Соединенное Королевство, Франция или Соединенные Штаты, у неё [Германии] есть шанс действительно серьезно отнестись к партнерству с Африкой» [17].

ПОЛИТИКА «ЗЕЛеноЙ» ЭНЕРГЕТИКИ ГЕРМАНИИ В ОТНОШЕНИИ СТРАН АФРИКИ

Как считает Теодор Мерфи, специалист «мозгового центра» Европейского совета по международным отношениям, укрепление диалога с африканскими государствами может помочь Европе справиться с непосредственным энергетическим и продовольственным кризисами [13].

24 мая 2022 г. канцлер Германии Олаф Шольц совершил визит в Сенегал, где с 1961 по 2017 г. разрабатывались месторождения нефти и газа. Так, по данным отчета Американской ассоциации геологов-

¹ Stock data. Deutsche Bundesbank. <https://www.bundesbank.de/en/statistics/external-sector/direct-investments/stock-data-776576> (accessed 15.02.2023)

нефтяников (*American Association of Petroleum Geologists*) и сенегальской нефтяной компании *Petrosen* за 2022 г., помимо ресурсов, которые могут быть добыты из еще не разработанных месторождений, Сенегал обладает запасами нефти объемом по меньшей мере в 83 млн барр. Что касается газа, в 9 скважинах его объем достигает как минимум 223 млн куб. м². Африка сейчас играет значительную роль в удовлетворении насущных потребностей Европы в ископаемом топливе, особенно в условиях, когда коллективный Запад продолжает антироссийскую санкционную политику.

Континент обладает значительными запасами природного газа. Евросоюзу нужны и нефть, и газ, именно проблема газа является наиболее актуальной. Торговля газом обычно ведется по долгосрочным крупномасштабным контрактам между добывающими компаниями и потребителями. Вызванные дефицитом скачки цен, с которыми в настоящее время сталкивается Европа, частично объясняются тем фактом, что в долгосрочной перспективе добываемый газ уже распределен между потребителями.

Возобновляемые источники энергии могли бы освободить Европу от зависимости от ископаемого топлива и одновременно стать важной ступенькой на пути к «углеродной нейтральности». С этой точки зрения принудительное отделение от России вызывает резкий, краткосрочный шок и заставляет Европу изменять свою стратегию. Но в то время как возобновляемые источники энергии устраняют одну зависимость, они создают другие.

Во-первых, для создания «зеленых» технологий, необходимых для производства возобновляемой энергии – солнечных панелей, ветряных турбин, аккумуляторов – требуются минералы и металлы. Россия является источником некоторых из этих материалов (таких как медь и никель), при этом конкурент Европы, Китай, активно работает над контролем этих важнейших сырьевых и минеральных материалов (*CRM – Critical Raw and Mineral Materials*) в зонах их добычи. Африка не единственный источник *CRM* в мире, но сочетание возросшего спроса в связи с ускоренным переходом Европы на возобновляемые источники энергии и отказа от России в качестве источника *CRM* (и, возможно, в конечном итоге Китая) подразумевает, что значение Африки для Европы становится практически решающим.

Во-вторых, необходимо принять во внимание план Европейской комиссии по возобновляемым источникам энергии – *REPowerEU*, нацеленный на то, чтобы сделать Европу независимой от российского ископаемого топлива до 2030 г. [16]. *REPowerEU* рассчитан на то, что Африка станет одним из источников возобновляемой энергии для Европы. Европейцы уже присматриваются к зеленому водороду в качестве следующего, наиболее важного энергетического экспорта из Африки. Для его производства требуются огромные затраты электроэнергии, которую можно генерировать, используя богатый потенциал солнечной энергии в Африке.

Политика, сформулированная в заключении *COP26*, предусматривает якобы отказ от любых дальнейших инвестиций в ископаемое топливо, вместо этого делается ставка на то, что Европе удастся (почти) полностью перейти на возобновляемые источники энергии.

COP26 (или 26-я сессия Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата – РКИК ООН) – «Конец эры ископаемого топлива» завершилась 12 ноября 2021 г. Впервые в истории таких конференций ООН заключительная декларация содержит принятое всеми странами соглашение об ускорении глобального энергетического перехода от угля и об отмене субсидий на ископаемое топливо. Таким образом, международная климатическая политика наметила новую экономическую модель. Германия была одним из инициаторов глобального соглашения (как в качестве ведущего переговорщика от ЕС, так и в рамках нового сотрудничества), которые стремятся поддержать Южную Африку в её поэтапном отказе от угля, что может стать основой для других партнерств подобного рода [6].

На этой конференции Мария Флахсбарт, парламентский статс-секретарь ФРГ по вопросам помощи в целях развития, заявила о том, что Германия собирается выделить 700 млн евро (\$811,65 млн) на помощь Южной Африке для поэтапного отказа от использования угля [11].

Цель состоит в том, чтобы мобилизовать в общей сложности \$8,5 млрд совместно со Всемирным банком и частными инвесторами для содействия развитию возобновляемых источников энергии в стране [11]. Отмечается, что основная часть финансирования будет осуществляться в форме кредитов через Климатический инвестиционный фонд [1].

Для ЮАР уголь – это и энергия, и экспорт. «ЮАР переориентировала в течение минувшего года экспорт угля на страны Европы, увеличив объемы его поставок на этом направлении в 6 раз, о чем со-

² AAPG International pavilion. Senegal. IP Presentations. <http://www.internationalpavilion.com/Senegal.html>

общает оператор крупнейшего в ЮАР угольного экспортного терминала в Ричардс-Бей компания *RBCT*»³.

На наш взгляд, попытки, побуждающие ЮАР отказаться от угольной энергетики, не столь прозрачны, как может показаться на первый взгляд. На поверхности лежит цель обеспечения климатических договоренностей, отказ от угля и создание объектов возобновляемых источников энергии. Всё это – шаги на пути к уменьшению выбросов в атмосферу и сохранению окружающей среды. Сам процесс построения баз и станций предполагает создание новых рабочих мест, что является одним из способов реализации обязательств Германии в отношении Африки («Соглашение с Африкой»).

Тем не менее в калибровке своих действий ЮАР так или иначе позиционирует себя как самостоятельный актер, действующий, прежде всего, в своих интересах и в соответствии со своими установками. Отказ от угля может стать причиной меньшей экономической самостоятельности ЮАР и большей зависимости от ЕС, которому также сегодня могут понадобиться все возможные ресурсы, включая как газ, нефть, так и уголь. Как заявил бывший министр экономического сотрудничества и развития ФРГ Герд Мюллер, «в настоящее время в стране почти 90% электроэнергии производится из угля. Партнерство поддерживает декарбонизацию производства электроэнергии в ЮАР и переход на возобновляемые источники энергии, а также создание новых рабочих мест. Таким образом, Южно-Африканская Республика может взять на себя роль глобального лидера в социально справедливом энергетическом переходе» [1]. И в то же время, по словам Бевана Джонса, одного из ведущих мировых экспертов по энергетическим и сырьевым рынкам и главного исполнительного директора *African Source Markets* (компании по анализу и исследованиям рынков стран Африки), европейские коммунальные предприятия увеличили объемы закупок южноафриканского угля. По его словам, наблюдаются заметные потоки угля из США и Колумбии в Европу [9].

Кроме того, материалы, необходимые для обеспечения работы с возобновляемыми источниками энергии, не могут быть повторно использованы (или, по крайней мере, этот процесс более сложен, чем с другими материалами, такими, как алюминий и т.д., например, из солнечных панелей могут быть извлечены редкоземельные металлы, но это единственный способ их повторного использования). Они не могут быть полностью утилизированы (те же солнечные панели). Таким образом, их просто закапывают, что вряд ли может рассматриваться как забота об окружающей среде. В том числе необходимо учитывать, что обеспечение работы объектов на возобновляемых источниках энергии требует немалого количества той же вырабатываемой энергии. Более того, форматом вложений ЕС в отказ Южной Африки от угля являются льготные кредиты, которые впоследствии всё равно должны быть возвращены [10; 15].

В Африке находятся одни из самых крупных в мире избыточных газовых мощностей. Алжир соединен с Испанией газопроводом, как и Россия с Европой. Юго-Восточная и Западная Африка располагают большими, еще не полностью освоенными запасами. Сенегал также располагает запасами и инфраструктурой для производства сжиженного природного газа, который можно экспортировать и транспортировать морским путем.

В этой связи остановка Шольца в Сенегале 24 мая 2022 г. была истолкована как очередная «охота европейского лидера за срочно необходимым приобретением газа» [13].

Будущее запасов газа в странах Африки являлось одной из главных тем на саммите ООН по климату *COP27* (27-я сессия РКИК ООН), который проходил с 6 по 20 ноября 2022 г. в Шарм-эль-Шейхе (Египет). Было много обсуждений, посвященных потенциалу стран Африки (таких как Египет, а также Нигерия, Сенегал, Мозамбик, Республика Конго, Экваториальная Гвинея и Алжир) как экспортеров газа [12].

Министр экономики и борьбы с изменением климата ФРГ Роберт Хабек также отмечает, что «сейчас основное внимание уделяется общему отказу от угля, нефти и газа... и декарбонизации промышленности» [18]. В то же время не все африканские страны готовы немедленно отказаться от ископаемых источников энергии. Например, Маки Салл, президент Сенегала, заявил газете *The Guardian*, что считает подход западных стран неверным: им не следует настаивать на отказе африканских лидеров от добычи газа, в то время как Запад «разбогател на ископаемом топливе» [12].

³ ЮАР в шесть раз увеличила экспорт угля в страны Европы. ТАСС. 26.01.2023. <https://tass.ru/ekonomika/16894391> (accessed 30.04.2023)

Несмотря на европейскую риторику об обратном, в последние десятилетия отношения между Африкой и Европой застопорились в парадигме благотворительности, а не партнерства. Но Европа сейчас действительно пытается говорить о стратегическом партнерстве с африканскими странами, чтобы иметь возможность вести переговоры по энергетическому и климатическому кризису, предотвращать будущие миграционные кризисы и конкурировать с геополитическими соперниками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Визит О.Шольца привлек внимание всей Африки. Хотя на сегодняшний день существуют различные немецкие инициативы помощи странам Африки, они не всегда полностью реализуются и не всегда дают ожидаемые результаты.

В сложившейся на сегодняшний день кризисной ситуации к конкретным действиям Евросоюза в целом и Германии в частности по обеспечению продовольственной безопасности в Африке будет привлечено пристальное внимание. В перспективе выполнение обязательств, о которых заявил Шольц во время своего визита, должно стать т.н. доказательством серьезности намерений Европы и Германии в отношении её «партнерства» с Африкой (по сути, её неявной эксплуатации) в областях, имеющих решающее значение для целей энергетической безопасности и климата Европы.

Например, только по результатам последнего саммита *COP27* можно сказать, что в этом направлении уже предпринимаются конкретные шаги, а именно: начата практическая реализация партнерства Германии и ЮАР по энергетическому переходу Южной Африки с предоставлением кредита в размере более 300 млн евро. Германия договорилась о партнерстве в области климата и развития с Кенией. Оно нацелено на 100%-е использование возобновляемых источников энергии к 2030 г. По заявлению МИД Германии, это должно показать «...другим развивающимся странам, что развитие возможно без опоры на ископаемое топливо» [18].

Запущена совместная с Египтом инициатива «Совершенствование природных решений для ускоренной трансформации климата» (*Enhancing Nature-based Solutions for an Accelerated Climate Transformation – ENACT*) по координации решения проблем изменения климата, деградации земель и экосистем и утраты биоразнообразия с помощью решений, основанных на рациональном природопользовании. Германией, другими членами ЕС и Марокко была подписана «дорожная карта» устойчивого перехода на электроэнергетику, реализация которой запланирована на 2024 г. Она предусматривает прямую связь между европейскими электросетями и электросетью Марокко и устранение барьеров на пути передачи возобновляемой электроэнергии из стран Африки в ЕС [18].

Таким образом, Германия явно нацелена на создание и реализацию инициатив, связанных с переходом стран Африки на «зеленую» энергетику. В то же время можно отметить, что если такие инициативы навязываются, не все страны континента готовы принять их и немедленно приступить к «глобальному переходу», о чём открыто заявляют представители этих стран. В этой связи Германии предстоит проделать большую работу по популяризации и реализации своих инициатив на континенте, одновременно не ухудшив, а укрепив отношения со странами Африки. В сегодняшних условиях они крайне необходимы ФРГ в качестве партнеров.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Германия выделит ЮАР 700 миллионов евро на отказ от угольной энергетики. <https://rossaprimavera.ru/news/6999752c> (ИА Красная Весна). 09.11.2021 (accessed 07.10.2022)
Germany will allocate 700 million euros to South Africa to abandon coal power. (In Russ.). <https://rossaprimavera.ru/news/6999752c>. 09.11.2021 (accessed 07.10.2022)
2. Жуков Е. Германия создает инвестфонд для работы с Африкой. <https://clck.ru/YMx9t> DW. 30.10.2018. (accessed 03.07.2022)
Zhukov E. Germany creates an investment fund to work with Africa. (In Russ.). <https://clck.ru/YMx9t> DW. 30.10.2018 (accessed 03.07.2022)
3. About Compact with Africa. <https://www.compactwithafrica.org/content/compactwithafrica/home/about.html> (accessed 15.09.2022)
4. Agenda 2063: The Africa We Want. African Union. <https://au.int/en/agenda2063/overview> (accessed 27.09.2022)

5. Afrika-Gipfel in Berlin: Merkel wirbt für Investitionen. <https://www.zeit.de/news/2021-08/27/merkel-fuer-investitionen-fuer-erneuerbare-energien-in-afrika>. ZEIT ONLINE. 27.08.2021 (accessed 06.09.2022)
6. Beschlüsse für mehr Tempo beim Klimaschutz und weltweite Solidarität. Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz, nukleare Sicherheit und Verbraucherschutz (BMUV). <https://www.bmu.de/pressemitteilung/26-weltklimakonferenz-fossiles-zeitalter-geht-zu-ende> (accessed 20.11.2022)
7. Compact with Africa. <https://compactwithafrica.org/content/compactwithafrica/home.html> (accessed 15.07.2022)
8. Cooperation with countries in Africa. Federal Ministry for Economic Cooperation and Development (BMZ). <https://www.bmz.de/en/countries/marshall-plan-with-africa> (accessed 06.09.2022)
9. Europe Returns to South Africa for Coal after Russia Sanctions. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-03-04/europe-s-renewed-appetite-for-coal-draws-south-african-shipments> Bloomberg. 04.03.2022 (accessed 10.11.2022)
10. Germany invests US\$810 million in South Africa's coal phase-out. https://donortracker.org/policy_updates?policy=germany-invests-us810-million-south-africas-coal-phase-out. Donor Tracker (accessed 25.12.2022)
11. Germany to give 700 mln euros to help South Africa end coal use. <https://www.reuters.com/business/environment/germany-give-700-mln-euros-help-south-africa-end-coal-use-2021-11-02/>. *Reuters*. 02.11.2021 (accessed 10.11.2022)
12. Increasing demand for oil and fuel threatens African nations' economies, analysis finds. Fossil fuels. *The Guardian*. <https://theguardian.com/environment/2022/nov/14/demand-for-oil-threatens-african-economies>. 14.11.2022 (accessed 25.12.2022)
13. Murphy T. The European Council on Foreign Relations (ECFR). Partnership through crisis: The real meaning of Scholz's Africa trip. <https://ecfr.eu/article/partnership-through-crisis-the-real-meaning-of-scholz-s-africa-trip/> (accessed 10.09.2022)
14. Pelz D. Germany's new Africa policy. <https://clck.ru/d7TbS> DW. 28.03.2019 (accessed 06.09.2022)
15. Political Declaration on the Just Energy Transition in South Africa. 02.11.2021. <https://ukcop26.org/political-declaration-on-the-just-energy-transition-in-south-africa/>
16. REPowerEU: affordable, secure and sustainable energy for Europe. European Commission. https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal/repower-eu-affordable-secure-and-sustainable-energy-europe_en (accessed 30.08.2022)
17. Schwikowski M. Africa: Angela Merkel Leaves a Mixed Legacy in Africa. *All Africa*. 01.12.2021. <https://allafrica.com/stories/202112020028.html> (accessed 15.07.2022)
18. Team Germany on the conclusion of COP27. Federal Foreign Office. 20.11.2022. <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/team-germany-cop27/2564468> (accessed 27.12.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Савина Зоя Сергеевна, аспирантка, Институт Африки РАН, Москва, Россия; ассистент, Институт общественных наук и международных отношений, кафедра социально-философские науки и массовые коммуникации, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия.

Zoya S. Savina, Post-graduate student, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Assistant, Institute of Social Sciences and International Relations, Department of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 22.01.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 23.04.2023

Принята к публикации
(Accepted) 18.05.2023

DOI: 10.31857/S032150750026139-4

Я – думашеда¹. И я – русская

© Крылова Н.Л.^а, 2023

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3788-0887; krylovanl@yandex.ru

Рецензия на книгу: *Светлана Светлова-Туриаре «Жизнь – испытание. Сомали – республика на экваторе»*. София, 2022. 488 с., с. илл.

Ключевые слова: Африка, Сомали, история, культура, политика, смешанный брак, фольклор

Для цитирования: Крылова Н.Л. Я – думашеда. И я – русская. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 6. С. 77–81.
DOI: 10.31857/S032150750026139-4

I am Dumasheda, and I am a Russian

© Nataliya L. Krylova^а, 2023

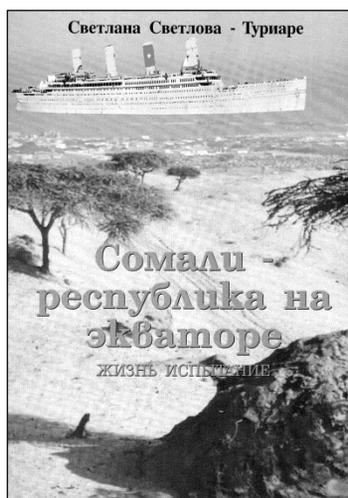
^а Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3788-0887; krylovanl@yandex.ru

Review of the book: *Svetlana Svetlova-Turiare “Life is a test. Somalia is a Republic on the Equator”*. Sofia, 2022. 488 p., fig. (In Russ.)

Keywords: Africa, Somalia, history, culture, politics, mixed marriage, folklore

For citation: Krylova N.L. I am Dumasheda, and I am a Russian. *Asia and Africa today*. 2023. № 6. Pp. 77–81. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750026139-4

*«Понимаю, что иногда
действительность похожа на выдумку,
но эта действительность – моя» (с. 227)*

Проза «русских африканок» недавно пополнилась новым произведением русской женщины, проведшей без малого 20 лет в Сомали. Она назвала свой труд «Жизнь – испытание. Сомали – Республика на Экваторе» и определила как «Автобиографическую документальную повесть», что в целом соответствует его жанровой направленности. А по настроению эта повесть необыкновенно оптимистичная, хотя начинается она с грустного посвящения: «*Эти воспоминания я пишу на склоне лет. О долгих годах моей жизни с семьей в Республике Сомали, которой сейчас, в сущности, уже нет...*». Книга издана в Софии в 2022 г. тиражом 70 экз. Почему в Софии, будет понятно из дальнейшего текста. Но сначала об авторе.

Светлана Константиновна Светлова-Туриаре родилась на Черном море, в г. Туапсе. Там прошло её детство, там вместе с бабушкой она пережила Великую Отечественную войну. В Туапсе она окончила школу с золотой медалью и поступила на Восточный факультет Ленинградского

¹ Замужем за сомалийцем – на яз. сомали (прим. авт.).

университета (кафедра арабской филологии). После окончания Светлану направили на работу переводчиком в советскую миссию в тогдашнем Йеменском королевстве, где она и познакомилась со своим будущим мужем Махмудом Туриаре, политическим эмигрантом из колониального в те годы Сомали. На радио он вел передачу «Голос борющегося Сомали». В 1960 г. Махмуд уехал учиться в Москву. После возвращения Светланы на родину они поженились.

Затем была учеба в аспирантуре МГУ, работа, в т.ч. в издательстве «Восточная литература». В 1965 г. Махмуд окончил УДН им. П.Лумумбы, Светлана защитила диссертацию в МГУ, и они уехали на родину мужа, в Республику Сомали.

Путь в Могадишо лежал сначала через Прагу, затем пара оказалась в Риме. Все новые впечатления Светлана подробно и красочно описывает в первых главах своей повести.

«Летели, летели и – прилетели. Москва, Прага, Рим – остались далеко позади...». С этого эпиграфа к главе «В стране Южного Креста» начинается рассказ Светланы о жизни в Сомали.

В аэропорту Могадишо пару встретила толпа близких и родных мужа. Но эйфория первых радостных минут быстро угасает, уступая место непростым проблемам адаптации. Светлана Константинова – из первой когорты русских женщин, избравших своим мужем африканца; она из интеллектуально и психологически подготовленных к подобной смене бытия: в её «активе» владение арабским языком, опыт работы на Востоке. Но даже она тяжело пережила неизбежный культурный шок, который описывает на первых страницах своей повести: «Неужели я никогда больше не увижу наших цветущих садов, не почувствую аромата сирени, не увижу падающих осенних листьев, не услышу хруста снега под ногами?.. И в голову приходила самая невыносимая мысль: когда-то похоронят меня где-то в песках, одинокую, в чужом краю... От этих мыслей на меня накатывалась безысходная тоска... Постепенно бодрость духа и разумная необходимость принять действительность возвращались ко мне...» (с. 13–14).

Бытовая сторона жизни не особенно тяготила Светлану: удобная съемная квартира, домработница, вскоре после приезда появившийся автомобиль... Воспитанная в советских традициях обязательной занятости, Светлана вскоре начала тяготиться бездельем, хотя муж делал всё возможное, чтобы развлечь её: они путешествовали к океану, навещали стоянки бедуинов-скотоводов, муж познакомил её с первым президентом страны – Аденом Абдуллой Османом. Проблема трудоустройства сводилась к тому, что Светлана не знала сомалийского языка, на котором (наряду с итальянским) говорила вся страна, хотя официальным языком значился арабский. Проблема разрешилась в советском посольстве. Именно сюда пришли дипломы мужа об окончании УДН и Светланин диплом кандидата наук. И тут же поступило предложение работать с арабским языком в Бюро АПН в Могадишо. Позже Светлана занялась педагогической работой. «Начать работать было моим постоянным желанием, но оно сопровождалось страхом: насколько ребята знают арабский язык и как непонятные слова объяснять через другие непонятные при моем незнании сомалийского? “Лиха беда – начало”. Я начинала привыкать к своей новой работе и увлеклась ею...» (с. 46).

Книга изобилует историческими сведениями о Сомали, о его доколониальном и колониальном прошлом, его независимом настоящем, которые Светлана получала из прессы, походов в музеи, рассказов мужа и собственных наблюдений. Свой взгляд на эти вопросы она излагает в популярной форме, иногда без особой претензии на историческую достоверность, но увлекательно и понятно широкому читателю, на которого и рассчитана эта книга. Светлана со школьных лет вела дневник, записывая интересные и важные, с её точки зрения, события. Дневник – это большое подспорье для человека пишущего: он как своеобразный механизм сохранения следов о событиях жизни частной и общественной исполняет функцию культурной памяти. Не оставила она этой привычки и в Сомали. «Ведь когда-то Сомали изменится. К лучшему, конечно, как я думала в то время... Тогда мои записки помогут, в какой-то мере, сохранить в памяти страну такой, какая она сейчас в моих глазах в начале своего пути как независимое свободное государство со своим президентом, парламентом, партиями, армией и т.д. Записывать интересно и нужно, так как годы затягивают воспоминания плотным покровом времени» (с. 44). Фрагменты дневниковых записей тесно вплетены в канву повести.

Приезд Светланы совпал с периодом бурного развития «романа» СССР и Сомали: советские визиты, кредиты, торговые поставки, строительство плотин. Это было время отказа от американской военной помощи. В год её приезда (1965) началось строительство Советским Союзом торгового и военного флота Сомали. Военное образование в СССР к этому времени получали более 3000 сомалийский офицеров.

История молодого независимого Сомали, известная по научным исследованиям, ярко окрашена рассказами мужа Светланы, патриота своей родины, впечатлениями и наблюдениями её самой, влюбившейся в эту страну; ею, несомненно, литературно одаренной женщиной, расцвечены сухие факты рассказами об этих событиях от первого лица. Среди них – гибель летом 1967 г. президента страны Абдурашида Али Шермарка, популярного и любимого народом к моменту его выборов и оказавшегося настолько беспомощным, «что в критический момент самые, казалось бы, крепкие племенные связи бездействовали. Депутаты Парламента, которые показывались на глаза своим соплеменникам только раз в 5 лет, чтобы заручиться их поддержкой во время выборов, получив власть, забывали свои обещания: рыть колодцы для кочевников-скотоводов, провести оросительные каналы на поля земледельцев, развивать деревни, снабдить их питьевой водой и новым сельскохозяйственным инвентарем, обеспечить минимальный доступ до медицинской и ветеринарной помощи и дать их детям возможность получить хотя бы начальное образование» (с. 70).

Много страниц книги посвящены событиям октябрьской революции 1969 г., приведшей к власти Верховный Революционный Совет (ВРС) во главе с генерал-майором Сиадом Барре. Новая программа внутренней политики Сомали предусматривала, в частности, ликвидацию всех политических партий в стране. Для мужа Светланы это означало крах его политической деятельности по созданию сомалийской коммунистической партии, над которой Махмуд не покладая рук работал, опираясь, в первую очередь, на сочувствующих, выпускников советских вузов и стран социалистического блока. Более того, нужно было избавиться от всех документов. Советское посольство отказалось их принять, а потому семья вынуждена была их сжечь. «Мы растопили печь, и документы несостоявшейся компартии один за другим превращались в пепел. Мне особенно грустно было смотреть, как горит печать партии...» (с. 74).

Еще одна знаковая практическая мера нового Правительства, упомянутая Светланой, касалась контингента т.н. «Корпуса мира», которому в вежливой, но категоричной форме было предложено покинуть страну. «Эти добровольцы снимали дом на нашей улице. Всегда были в белых рубашках, высокомерны, необщительны, сомалийского языка не знали, и чем они могли быть “полезны в области образования”, оставалось глубокой тайной» (с. 76).

Череду событий, случившихся в начале 1980-х гг. в стране и в жизни семьи Светлана посвятила несколько глав. В 1970 г. Сомали отметила 10-летие своей независимости. В том же году УДН праздновал свой 10-летний юбилей. На него пригласили и мужа Светланы. В следующем году в семье родился долгожданный сын. «Материнство стало для меня не только счастьем, как для всякой молодой матери, но и настоящим спасением, целью моего существования. Жизнь наполнилась новыми радостями, заботами и тревогами» (с. 84). Правда, рождение ребенка не освободило Светлану от обязательной военной шестимесячной подготовки для всех женщин, состоящих на государственной службе в Сомали, где она занялась пропагандистской работой. Её патриотические выступления перед сомалийскими женщинами были опубликованы в ряде газет и журналов страны. А вскоре, в 1973 г., и сомалийский язык получил долгожданную письменность.

Политическая жизнь страны становилась всё тревожнее. Был раскрыт заговор против председателя ВРС Сиада Барре, возглавляемый министром обороны С.Габири, выпускником советского военного училища, другом семьи Светланы. Он обвинялся в государственной измене и был расстрелян...

Видя, что положение в Сомали при военном режиме стало небезопасным, страну стали покидать не только иностранцы, но и друзья Светланы из смешанных семей. Её муж принимает предложение учиться в аспирантуре УДН и тоже покидает семью, сначала на два года, а затем еще на два. Несколько коротких встреч с мужем всё же состоялись. Однако последние совместные каникулы в Лейпциге оставили в ней ощущение потерянной близости. Были и претензии мужа к стилю воспитания сына. «У Махмуда сложилось мнение, что моё воспитание сына не соответствует сомалийской действительности: “Он у тебя поёт, декламирует, танцует, рисует и т.д. А ведь жить ему – в Сомали. Подумай!”» (с. 187).

Взяв курс на некапиталистическое развитие, Сомали обратилось в сторону СССР и Китая. Но уходя из Сомали, Англия успела подписать договор с Эфиопией о передаче ей сомалийского района Огаден. И вот теперь, в 1974 г., в этом районе начались военные действия.

«*Приближался 1977 год*». Так назвала Светлана одну из последних глав книги, посвященную своей жизни в Сомали.

«Обстановка в Могадишо и во всей стране сгустилась до такой степени, что, как сказал один политик, “её уже можно резать даже тупым ножом”. Неизбежность войны с Эфиопией была очевидна, и в

начале лета 1977 г. Сомали официально объявило войну, стремясь вернуть район Огаден, населенный в основном сомалийцами...»

Советский Союз, пишет Светлана, поддержал Эфиопию с христианским населением 21 млн человек, которая тоже объявила о своей ориентации на социализм. А в Сомали – 6 млн мусульман по религии... В ответ Сиад Барре порвал все связи с Советским Союзом. Советские организации и граждане обязаны были оставить страну за 48 часов... «Нас охватила тревога, паника! Мы, русские женщины, побежали к знакомым, предлагая помочь, например – купить что-нибудь, так как они не могли выходить из домов...» (с. 193). В тот же год в страну вернулся муж Светланы и стал работать в Министерстве иностранных дел...

Военные столкновения на Севере страны продолжались. Сомали по-прежнему считалось районом беспокойным и опасным. «Корабли проплывали мимо, не завозя товаров и продуктов. Газовых баллонов для кухни тоже не было. Мы ходили на пляж собирать после прибою щепки, палки, ветки, сушили их и вечером на крыше, когда жара спадала, разжигали небольшой костер и готовили на нём... но и готовить-то почти было нечего. Мы, как семья госслужащих, раз в месяц покупали в спецмагазине макароны, рис, зерно, литр постное масло и сахар в минимальных количествах. Мяса и молока давным-давно не было. Страшная засуха продолжалась, скот массово пал, народ разбежался. Возникли лагеря для беженцев... Черный рынок был разгромлен и ликвидирован... Муж редко бывал в Сомали. В составе правительственной делегации они ездили в поисках союзников и помощи бедствующему Сомали. А в Могадишо шли непрерывные собрания и обсуждения поисков спасения. Махмуд рассказал, что в Париже ему предлагали работу, но муж не мог жить без своей родины, воспринимая проблемы Сомали как свои личные» (с. 254–255).

Все эти непростые для страны годы «пропущены» через сердце и бытие русской женщины, разделившей судьбу мужа-сомалийца. Вместе с его народом Светлана пережила много лишений и трудностей военного времени. Но она не бежала из страны, как многие белые женщины, жены сомалийцев. Лишь тяжелая болезнь заставила её покинуть Сомали и перебраться на Родину. «Мысленно оглядываясь назад, я видела свою жизнь здесь за эти годы. Я полюбила эту страну, её историю, её народ, народ – искренний, чувствительный, красивый, исключительно добрый, готовый помочь каждому и разделить с ним то немалое, что у него есть, и исключительно талантливый. Полюбила его веселый характер, беззаботный до безалаберности... И всё-таки, особенно первые годы, я, признаваясь только самой себе, безмерно страдала от духовного вакуума по сравнению с тем, что я оставила на Родине. Да, действительно, это было добровольное изгнание, но с большими преимуществами: здесь у меня был дом, семья, стабильное положение. Я это очень ценила, хоть и думала порой, по женской слабости, что Судьба моя могла бы сложиться спокойнее и удачнее» (с. 277).

Перед читателем проходит длинная череда встреч, знакомств, дружеских связей этой необыкновенно общительной и открытой женщины: русские эмигранты «первой волны» и их дети, коллеги-сомалийки, смешанные, как и у нее самой, семьи, друзья из Италии, Болгарии и Германии, коллеги и родные мужа. И обо всех этих людях она рассказывает с неизменной теплотой и благодарностью.

В самом начале я определила эту повесть как оптимистичную, позитивную по своему настроению. Светлана даже тяжелые эпизоды жизни чередует с картинками повседневной жизни сомалийцев. И с точки зрения этнокультурной эта книга бесценна. Это не записки путешественника, прокатившегося по стране. Это рассказ о живании в ней, многолетнее наблюдение заинтересованного человека, мягкое, тактичное «вторжение» в местную культуру и обычаи любознательной женщины, имеющей культурную подготовку филолога и опыт приобщения к иным культурным практикам. В этих рассказах автор органично переплетает личные ощущения и переживания с наблюдениями за жизнью сомалийцев, рассказами о замечательных знакомствах, которые она называет «подарками судьбы». «Свернем, бывало, с шоссе на какую-нибудь проезжую дорогу, и она непременно приведет нас к какому-нибудь временному поселению кочевников-скотоводов. “Временному”, потому что они здесь, пока есть корм для животных: верблюдов, овец, коз и коров. Хижины их легко разбираются и переносятся при перемещении на другое место. Сами же они необыкновенно дружелюбны, гостеприимны и любопытны, как дети... Сомалиец счастливее других благодаря своей неприхотливости и той легкости, с которой он переносит нищету и трудности. Он не осознает своей бедности в нашем понимании. Он убежден, что у него есть всё необходимое. Он воспринимает события без драмы, не жалуется, не ищет виноватых и не проклинает

судьбу. Умеет радоваться жизни и тому малому, что у него есть. Их теплое гостеприимство и искренность всегда радовали меня» (с. 41–42).

Сложности и препятствия на жизненном пути этой женщины вызывают огромное сочувствие и одновременно глубокое уважение к её мужеству, находчивости и целеустремленности, преданности своим идеалам и семье. Рассказ о них она перемежает с живописными рассказами о достопримечательностях тех мест, в которые её заносила судьба: Рим, София, Каир, Берлин, Лейпциг, Дрезден...

И всё же в Могадишо Светлана вернулась после недолгого пребывания на родине. И прожила там еще два года, хотя жизнь становилась небезопасной.

Далее жизнь Светланы и её сына была связана с Болгарией. В 1981 г. Светлана Константиновна с 10-летним сыном Искандером приехала в Софию для его участия в международной детской Ассамблее «Знамя мира». Здесь они и остались жить. Разговор с мужем по телефону был коротким: «...Ты знаешь, что в Сомали всё плохо, а станет ещё хуже. Боюсь новых столкновений с Эфиопией и даже гражданской войны, а там вы в безопасности. Обо мне не тревожься. Я справлюсь». Четыре года его отсутствия и год нашего охлаждения наши отношения и прежнюю пылкость чувств. Но мы чувствовали, что нужны друг другу, что нас связывают не только долгие годы семейной жизни, не только наш сын, но и наша глубокая привязанность друг к другу... Прощание было наполнено глубокой грустью...» (с. 281).

Началась жизнь с нуля, но под мирным небом, которую автор этой удивительной повести ведёт и по сей день. А Сомали... «Я с тревогой и страхом, – пишет Светлана, – следила за событиями там, будучи горячо привязанной к этой стране и её народу, красивому не только внешностью, но и душой, талантливому, исключительно доброму, весёлому, беззаботному и смелому. Сейчас там шла война... До нас доходили обрывочные сообщения, от которых становилось страшно... Английский дипломат, посетивший уничтоженный город, сказал: “Сомали – ад на земле” (с. 192). В этом аду погиб самый большой в Африке католический храм, здание парламента, университет, белокаменная гостиница “Уруба” (Арабский мир), где в 1981 г. проходил всемирный Конгресс по изучению Сомали и сомалийского языка... Погибли жилые дома и среди них – любимый дом Светланы с большой русской библиотекой, картинами и всем остальным... На пляже, где учила плавать маленького сына, высадился морской десант ООН, чтобы “остановить преступное избиение друг друга в этой безумной гражданской войне...”» (с. 193).

В книге Светланы Константиновны много фотографий, иллюстрирующих разные этапы её жизни, а также стихов, которые посвятили ей друзья.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Крылова Наталья Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Nataliya L. Krylova, Dr.Sc. (History), Principal Researcher, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 20.10.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.01.2023

Принята к публикации
(Accepted) 27.03.2023